

# Саддам Хусейн

## Забиба и царь



Роман своего автора  
Перевод Льва Антонова

## Введение

Двенадцатого февраля 2000 года встретился наш господин президент и вождь Саддам Хусейн, да сохранит и убережет его Аллах, с литераторами Ирака. Он призвал их писать романы, события в которых охватывали бы все аспекты человеческой жизни, то есть чтобы каждый автор старался провести параллель между повседневной жизнью и событиями, происходящими в романе, вплоть до мужества тех, кто за зенитными орудиями ведет борьбу с вражескими самолетами. Он сказал:

- Необходимо создавать глубокие произведения, в которых читатель находил бы из истории, общественной жизни и психологии человека то, чего он не знал прежде, независимо от того, с чем связан сюжет - с поступками женщины или мужчины, старика или юноши, больного или выздоравливающего, воина, который приходит на побывку домой, с его чувствами, когда он возвращается с фронта или покидает, отправляясь на фронт, свой дом.

Необходимо также, чтобы читатель, познакомившись с таким произведением и поняв основную идею и связанные с ней во всем многообразии этой жизни мысли, мог в свою очередь передать другим то, что стало доступно его пониманию.

Эта блестящая мысль запала в душу Наджиба Гююра, одного из славных сынов Ирака, и в результате появился роман, который читатель держит сейчас в руках. Но по причине скромности, присущей всем сыновьям Ирака, которые предпочитают жертвовать собой, а не

разговаривать о великих делах, которые делаются их руками, автор не пожелал, чтобы его имя появилось на обложке романа.

Поэтому здесь и значится: роман своего автора\*.

\* \* \*

Сколько странного и необычного, сколько подвигов и славных дел, сколько настоящих чудес происходит в Ираке!

Разве не исполнена жизнь, наряду с обычными вещами, вещами самыми необыкновенными? Разве нет в ней помимо размеренного течения небывалых взлетов? Разве могут быть краски жизни насыщенными, если самые обычные вещи не разбавить чудесами? Разве равнина будет радовать глаз созерцающего ее, если на ней не будет горных вершин?

Разве состояние не определяется его противоположностью, а цвет граничащими с ним оттенками? Разве высокая вершина не выделяется на фоне окружающей ее равнины? Разве не пребывает Ирак и все, что было и есть в Ираке испокон веков, между небом и землей?

Разве не здесь вознеслось когда-то строительство на небывалые высоты, простираясь от земли до небес, когда фундамент здания не выдержал тяжести его стен, когда разгневалось небо, и обрушилась вершина и то, что было между вершиной и основанием, и только часть стен осталась стоять, устремленная вверх, как это случилось с легендарным зиккуратом\* в Абу Гарибе, который строили в начале XV века до нашей эры?

Разве не здесь находилось одно из семи чудес света - висячие сады в Вавилоне? Если все рассудилось бы по справедливости, то половина памятников, называемых чудесами света, могла бы быть на земле Ирака.

Разве по воле Аллаха Адам и Ева не были посланы на иракскую землю? Разве не здесь был рожден Ибрагим\*\*, да будет мир ему? Разве не с Ираком связаны все пророки и пророчества, появившиеся после пророка Ибрагима до самого последнего пророка, имя которого, да будет оно благословенно, Мухаммад?!

Разве не Ирак с его горами и плоскогорьем Ан-Неджеф был родиной пророка Ноя, да будет мир ему, во времена после пророка Адама, да будет мир ему?!

Разве кто-то удивляется чему-то необычному, выходящему за пределы обыденного, если это необычное происходит в Ираке?!

Разве не в Ираке возродился миссионерский дух народа, пропитанный ароматом пророчеств и божественной благодати? Иначе что связывало бы ныне живущих с теми, кто ушел в вечность, в канун и в разгар главного сражения за то, чтобы знамя арабской нации вновь вознеслось после того, как оно было замарано ставленниками врага и теми ничтожествами, которые бросили позорную тень на всю нацию? После того как разбушевавшийся сионизм ожесточился и заключил отвратительный союз с Америкой так, что почти невозможно стало представить, что кошмар порабощения этим союзом всего мира и покорности ему мира может когда-либо кончиться или что сопротивление ему принесет в обозримом будущем какой-нибудь результат. Слабость эта поразила не только власть имущих, но и тех, чьи имена еще недавно входили в списки прогрессивных и революционных партий, движений и личностей!

Разве не удивительно и не подобно чуду то, что Ирак поднялся, оседлал коня, выхватил меч и возгласил: "Я, Ирак, единственный на всей земле, заявляю твердо и во всеуслышанье: Вы, произвол и беззаконие, останьтесь там, где стоите, или отступите. Это земля посланий небесных и пророков!" Когда Господь его взирал на него с высоты небес, прогремел Ирак громовым голосом: "Ни перед кем не падем мы на колени, кроме Аллаха! Пусть убираются прочь все трусы, соглашатели и горе-патриоты. Мы не сдадимся, и пусть убираются прочь те арабы, которые забыли, что они от Йаруба и что поклоняются они только Аллаху!"

Ирак был страной пророков и откровений, страной цивилизации, торговли и чистоты, где впервые взошли растения и потекло молоко из вымени, чтобы стала жизнь и чтобы стал мир во всей его девственной чистоте и грехах, со всем тем сладостным и горестным, что есть в жизни. Ирак пребывал на земле, откуда открывается дверь - в небеса для тех, кто возносится, и в ад для тех, кому суждено гореть в его пламени.

Ирак - страна Шумера и Аккада, Вавилон и Ассур, оседлой культуры, Багдада и Самарры, страна славных соколов и благородных красавиц, а без всего этого не было бы солнца, и луна не отыскала бы свой путь на небосводе, не всходили бы растения на радость земледельцу и на зависть неверным, и не шел бы дождь.

На иракской земле, такой, как она есть, богатой сказаниями о подвигах и славных делах, знаменитой примерами строительства и веры, на равнинах и в горах ее, на озерах, в которых в лунную ночь отражаются Полярная звезда и Сатурн, увидишь ты много поразительного и достойного удивления.

Но в Ираке не принято рассказывать небылицы и шуточные истории. Здесь говорят: "Было ли, не было..." Вот так и начинала свои сказания одна старуха из деревни, где жила моя семья. Я называл эту старуху бабушкой. Она обладала большим умом и жизненной мудростью, и к ней приходили все жители деревни, мужчины и женщины, спросить ее мудрого совета. К тому же она врачевала жителей нашей деревни, и ее любили все мальчишки и девчонки. Ее сказания и поучения слушали дети, а с ними и взрослые. Вот что она однажды рассказала:

Давным-давно жил на свете могущественный и важный царь. Слава его распространилась повсеместно и принесла ему уважение и благополучие, любовь и преданность, а также почтение и страх тех, кто его опасался. Было это еще до того, как Аллах решил проложить через своих вестников и пророков четкую границу между тем, что ныне считается дозволенным и запретным, и до того, как люди стали почитать закон его, его установления, предписания и традиции с таким рвением, с каким они стали это делать потом. Покорились ему люди и добровольно, и по принуждению, и стал он царем своего времени, царем всех четырех сторон света. Желал он, чтобы склонили перед ним головы и живущие далеко за пределами тех мест, где стоит его трон и почитается его власть. Чтобы покорились ему цари, правящие на просторах древнего мира, и чтобы они правили своими народами от его имени и почитали его.

Бабушка прервала свой рассказ и занялась этим зимним вечером одним из своих многочисленных дел, а мы уселись у огня, способного обогреть разве что тех, кто сидел к нему вплотную. Я не понимал смысла этого сказания, но хорошо знал эту женщину, знал, что она мудрее тех, среди кого она живет в нашей деревне на берегу реки Заб к северо-востоку от черной горы и на восточном берегу реки Тигр выше города Аш-Шаркат, где сохранились остатки древнего Ассур, основанного в третьем тысячелетии до Рождества Христова, во времена первой ассирийской эпохи.

Я знал, что бабушка всегда подбирает для нас сказки со смыслом. Некоторые из них она придумывает сама, некоторые черпает из богатейшего наследия народа. Что-то добавляет в них от себя, что-то выбрасывает для того, чтобы сказания приобретали именно тот смысл, который она хочет донести до нас, и чтобы ее рассказы оказали на нас то воздействие, которого она добивалась. В этом она ничем не отличалась от всех других бабушек, воспитывающих мальчишек и девчонок, детей дочерей своих и детей сыновей своих. В каждом сказании она заостряла наше внимание на том, чего нам следовало сторониться и чего придерживаться, и у каждого ее сказания была своя подоплека.

Все бабушки, все дяди и тети, которые обычно были старше наших матерей, рассказывали в свое время именно такие сказания. Передавая нам сказания, пословицы и всякую мудрость, они заменяли нам телевизор. Ах, если бы телевидение давало в познавательном плане хотя бы сотую часть того, что мы получали из их уст! Что может сравниться с этими рассказами, которые несут уроки мужества и передают детям и молодежи добрые традиции предков?

Наша мудрая рассказчица продолжила свой рассказ:

Наскучило царю его одиночество во дворце, и, почувствовав в груди томление, он выехал из города на простор. Издалека увидел он большой дворец. И после того, как проехал со своей свитой около получаса (если измерять время так, как измеряют его в наши дни), то подстегивая коней, то обычным шагом, он обнаружил, что это такой же дворец, как и у него,

только чуть меньше. Царь спросил, кому принадлежит дворец, и узнал, что он принадлежит богатому торговцу, который водит дружбу с великим множеством правителей и устраивает в нем пышные приемы. Что до его полей и угодий, то они были подарены ему и его отцу одним из правивших ранее царей.

Здесь наша мудрая рассказчица как бы в шутку сказала:

Разве друзья правителей, устраивающие пышные приемы, и те, кто принимает их приглашения и садится за их столы, не носят высокие звания богатых купцов, землевладельцев, влиятельных людей и крупных торговцев? Разве правящие особы не щедры за счет народа к тем, кто не из народа? Разве бывают они щедры не к богачам, дети мои, или вы думаете, что и вам может достаться что-нибудь от их щедрот? Вот и облагодетельствовал один из царей хозяина дворца, пожаловав ему этот дворец, а вы так и остались со своей бабушкой в этой лачуге, которая едва стоит под зимним ветром и крыша которой протекает, как только на нее упадут первые капли дождя!

Сказала и засмеялась, а мы, озорники, захохотали, увидев ее поредевшие зубы, которые время разрушило так, что во рту у нее не осталось и половины зубов, да и оставшиеся были кривые и сточенные.

Рассказывая о царях и их владениях, она пережевывала слова, и каждое вертелось какое-то время у нее на губах, пока не становилось отчетливым, как будто она взвешивала таким образом достоинства и недостатки произносимых ею слов. А когда она вспоминала, как выдавали ее замуж за двоюродного брата, и встречу калыма в десяток овец, которых тут же забрал отец, не оставив ей ни одной и даже не купив ей нового платья... ее охватывала тоска, хотя случилось все это без малого сорок лет назад.

Мы вернули рассказчицу к реальности, чтобы от своей истории она вернулась к истории о царе, и она продолжила:

Удивился царь, услышав рассказанное ему о торговце, а имя его было Хискиль\*, и его дворец, но продолжил путь к небольшой лачуге, расположенной у ограды дворца. А торговец последовал за ним на коне, когда узнал, что царь прибыл к нему во дворец, но не вошел в него. Царь велел страже не позволять никому приближаться, когда подъехал он к лачуге, и вышла из нее прекрасная девушка в расцвете своих лет, которую звали Забиба.

Приветствовала Забиба царя и почтительно предложила ему спешиться и воспользоваться гостеприимством. Рядом с Забибой стоял старик преклонных лет, как видно, из ее семьи.

Царь сошел с коня.

Когда пригласила Забиба царя войти в хижину, вошел он, и усадила она его на стул из пальмовых ветвей. Заметил царь, что хижина чисто убрана и что все вещи в ней расставлены в особом порядке и гармонии.

Разве хитросплетения дворцов, их мебель и толстые стены не опротивели давно душе того, кто живет безбедно, окружает себя ненужными предметами и чья душа в результате умирает, а сам он совершенно утрачивает вкус?

Разве не дарит непосредственная связь с природой особый вкус и способность выбирать подходящие цвета, подобно тому как свежий воздух дарит человеку здоровье и душевное спокойствие?

Забиба отвечала на все расспросы царя про их жизнь, и царь пришел в изумление от того, как она говорила, и слушал ее не прерывая. И каждый раз, когда обращалась она к царю или отвечала на его вопрос, она делала это с достоинством и почтением, изъясняясь просто и ясно, и слова ее успокаивали его душу и умножали познания.

Царь пришел от Забибы в восторг.

Разве простота Забибы и ее врожденный ум, отсутствие малейшего притворства в поведении - это не то, в чем нуждается узник своего дворца, не слышащий и не видящий ничего, кроме того, что давно предусмотрено скучным и утомительным распорядком его жизни?

Но вернемся к тому, что рассказала старуха о царе, на сказании о котором и построен

наш роман.

После того как царь стал частым гостем в доме Забибы, а она стала приходить к нему, и из-за того, о чем еще будет сказано, кончилось все тем, что полюбил он Забибу с такой страстью, с какой не любил доселе ни одну из своих жен и ни одну возлюбленную. Когда она шла, сердце его так и рвалось из грудной клетки, чтобы догнать ее, упасть перед ней, согреть ее или лететь вслед за ней, чтобы узнать, куда она держит путь, и послужить ей ярким факелом.

Но царь не признался Забибе в своей любви и постарался, чтобы она не заметила, как сильно он к ней привязан, потому что жизнь его была ограничена дворцовыми стенами.

Царь не расспрашивал ее о муже и не ревновал ее к нему, понимая, что он ее муж. Зато царь ревновал ее к воздуху и к воде, и даже к каждому кусочку пищи у нее во рту. Да, да, царь ревновал даже рот Забибы. Разве не рот привлекает мужчину к женщине или отталкивает от нее? Разве не свой рот умная женщина использует, чтобы обольстить мужчину, привлечь его к себе и не отпускать, скрывая его недостатки, чтобы мужчина, однажды приблизившись, от нее не отстранился?!

Не целуют ли мужчины женские губы чаще, чем все иные их прелести? Разве некоторым из мужчин не довольно бывает женского рта, чтобы судить о чистоте и целомудрии, чтобы на любой стадии их близости подтверждать любимой свою любовь через поцелуи, которые можно считать свидетельством чувств независимо от того, была у них любовная связь или не было? Разве не так? И если значение рта так велико, разве не должен мужчина ревновать рот той, которую любит, ее смех и движения губ? Вот и становится понятным, почему наши матери и бабушки закрывают перед незнакомцами рот повязкой и едят только в присутствии родных. Понятным становится и смысл священного стиха, который призывает женщин закрывать свои открытые части и, естественно, рот среди них.

\* \* \*

Полюбил царь Забибу крепко. А как полюбил он ее, слушайте.

Велел великий царь своим стражникам пропустить гостью, когда придет она, в его личные покои, но не описал им ее. Начальник стражи удивился, что известие о прибытии гостьи пришло на этот раз от самого царя, но не стал об этом расспрашивать и не выдал своего сомнения. Собрал он стражников, охраняющих главные ворота, и приказал им надеть парадные одежды и приготовиться к встрече гостьи царя.

- Пусть два стражника откроют обе створки ворот, - учил их начальник стражи, - обе половины внутрь и одновременно, дабы ни одна половина не опередила в своем движении другую. - И еще сказал он, что имя гостьи Забиба.

Когда произнес он имя Забибы, ничего оно им не сказало и не показалось хоть сколько-нибудь знакомым.

Один из стражников, услышав имя Забибы, едва не рассмеялся, но ограничился улыбкой, увидев перед собой затылок начальника стражи.

Начальник стражи ушел, а стражники решили посмеяться между собой, и один из них заговорил:

- Не отказался бы я сегодня от изюма\*.

Другой стражник ответил ему:

- Откуда же у нас возьмется изюм?

И сказал тогда еще один:

- Разве не желает человек обычно то, что ему недоступно?

А другой говорит:

- Неужели это постыдно, брат мой, мысленно пожелать то, чего мы не можем получить на деле?

Первый ему говорит:

- Зачем терзать свою душу тем, что человеку недоступно и его мучает?

Ответил друг его:

- Душа человека не может существовать так, как велит ей человек, без надежды на то,

что она выйдет за пределы возможностей.

А первый ему отвечает:

- Если надежду представить как состояние силы, которую чувствует в себе человек перед тем, как сделать ее осуществимой, то откуда мы знаем, что такое мечта? Разве не написано нам на роду всегда оставаться прежними и вот так охранять дворец, пока нас не выгонят со службы, хотя мы и видим, что люди не любят тех, кто живет во дворце, а значит, скорее всего, не любят и нас?

- Но разве мы не довольны тем, что служим в царской страже и набиваем свои животы тем, что нам жалуют, в то время как другие умирают с голоду, болеют из-за того, что не могут есть досыта, и им не хватает еды на прокорм?

- А разве тебе еще не надоело набивать свое брюхо, когда на душе тревога и нет радости, когда ум в разладе, а совесть страдает от дурных предчувствий?

Прервал их беседу тот, что был старше годами, и сказал:

- Воистину, мечта друга нашего, пожелавшего изюма, нереальна, потому что та, о которой вы говорили - гостья царя. А по имени ее видно, что царь вряд ли ею заинтересуется и не устроит в ее честь пир. Скорее всего, она одна из многих или, уж не знаю, каким образом, снизошла на нее благодать, и царь зачем-то захотел ее увидеть, а потом отправит обратно. Да и ко всему прочему, она лишь изюминка, не изюм. Что тебе толку от одной изюминки? Вот если бы она была мешком изюма, тогда в твоём желании было бы хоть что-то реальное. Так что хватит болтать и займитесь каждый своим делом.

Он засмеялся, и засмеялись все остальные.

И вот, когда стражник вышагивал возле ворот взад и вперед, послышались шаги. Стражник взгляделся в темноту и увидел силуэт человека. Он крепче сжал в руке лук, достал стрелу из колчана, разбудил спящих стражников и крикнул приближающейся:

- Стой там, где стоишь!

Забига проговорила дрожащим, прерывающимся голосом, запинаясь от страха:

- Прощу тебя, не стреляй! Я З-забига, гостья царя.

Стражник подошел к ней и с удивлением воскликнул:

- Забига? Гостья царя?

- Да, - сказала она и для большей убедительности кивнула головой.

- Проходи, проходи, - сказал стражник. - Прости, госпожа моя, мы не узнали тебя. Мы представляли себе...

- Что вы себе представляли?

Почтение стражи вернуло ей уверенность, и теперь она снова заговорила внятно. Не успел стражник ей ответить, как она сказала:

- Так что вы, скажите, представляли? Ваши представления не оправдались, и вы ошиблись во второй раз, решив, что я незваный гость, желающий проникнуть во дворец и замышляющий против того, кто в нем живет. Вы представляли, что я предстану перед вами в карете и что спереди и сзади меня будут сопровождать другие кареты? Неужели то, что женщина из таких же простых людей, как вы, желанна в этом дворце, не укладывается в вашем воображении? Я права?

- Да, госпожа, - ответили стражники.

А тот, что был уже в летах, сказал:

- Прости нас, госпожа, но воображение и фантазия - это отчасти то, что может быть в действительности. Часть того, что возможно для представляющего или воображающего, а возможность не слишком далеко отстоит от реальности и потому может осуществиться. Как же ты хочешь, чтобы мы представляли, что кто-то из простого народа пользуется благосклонностью царя и приглашен на свидание с ним, тогда как прежде подобного не случилось?

А Забига с улыбкой прибавила к его словам:

- Да еще если ее зовут Забига?

- Да, госпожа моя.

Улыбнулся бы и он, и остальные стражники, если бы не вспомнили, что она - гостья царя, и если бы закон и традиция не запрещали стражникам улыбаться в присутствии царя и его гостей.

А Забиба продолжала шутить и спросила, тихонько посмеиваясь:

- А знаете ли вы, как и почему меня назвали Забибой?

- Почему? Как, госпожа? - радостно подхватили стражники.

И она рассказала:

- Когда моя мать была беременна мной, моя семья работала у хозяина обширных угодий, которыми его наделил отец или дед нашего царя по причине, которая мне не известна и о которой я не узнала, хотя и спрашивала. Да и так ли важна причина того, что цари отрезают землю своей страны, вручая ее в награду, покрывая долги за азартные игры или отдавая захватчикам, одержавшим над ними верх?

И хотя стражники были людьми грубыми, их поразила смелость Забибы и то, что она говорила, поэтому некоторые из них улыбнулись, а некоторые сохраняли молчание, никак не высказывая свои чувства. Разве не с таких слов начинается сопротивление, чтобы увлечь души людей за собой? Такие слова пробуждают его зерна, и они прорастают, когда вызревает план сопротивления, привлекающий внимание всех сочувствующих, побуждая их двигаться в нужном направлении.

Продолжала Забиба:

- Закапризничала моя родительница, и захотелось ей изюма, но, поскольку исполнить желание было не в ее силах и не в силах отца моего, сказала она про себя:

- Ну, хоть бы одну изюминку.

Понятное дело, что и это ее желание оказалось неосуществимым. Поэтому, разрешившись мной, она назвала меня Изюминкой, ведь женщина вправе давать имя младенцу женского пола. Так воплотила она свою мечту через мое имя после того, как не смогла получить хотя бы одну изюминку из того изюма, который хотела. Воплотила имя своей мечты во мне, и таким образом стала бессмертной ее душа и ее мечта, которую она не смогла осуществить, после того как снизошла на нее милость Аллаха, ибо она умерла в родах. И если бы не звали меня Забибой, царь не выбрал бы меня, чтобы я наслаждалась его любовью ко мне или, по крайней мере, имела удовольствие быть им любимой. А знаете почему?

И прежде чем ответили стражники, она сказала:

- Потому что место винограда в закромах имущих или торговцев, на столах царя и важных вельмож. Когда у меня будет возможность, я сделаю так, чтобы и вы попробовали виноград и даже орехи. Кто знает?

Сказала так Забиба, радостно улыбаясь, и к ней вернулось все ее величие, и хотя одежда ее была простая, содержалась она в чистоте, и волосы на ее голове были в порядке и слегка прикрыты шарфом.

Тут закричал на них начальник стражи, подойдя к ним важной походкой:

- Почему вы тут собрались? А ну марш по местам!

И сказал ему пожилой стражник:

- Господин мой, вот гостья царя, госпожа Забиба.

- Что?

- Да, господин мой, Забиба, гостья царя.

Только сейчас заметил начальник стражи женщину, стоящую среди них, и спросил:

- Правда ли то, что он говорит?

Потом приблизился и спросил удивленно:

- Ты Забиба?

- Да, господин мой, Забиба. Гостья царя. Разве царь не сообщил вам о том, что сегодня ночью я буду гостить у него? - Сказала она это твердо и, как бы назло начальнику стражи, тоном уверенным, таящим в себе силу, исходящую от гордости и уверенности в себе, ведь она гостья царя.

Сказал начальник стражи:

- Прости меня, но...

- Что, уважаемый начальник стражи? Разве я, рабыня его, не гожусь для того, чтобы быть его гостей? Или ты в силах изменить решение царя и его волю?

- Нет, нет, ни я, ни кто-то другой не смеют изменить решение царя и его волю! Прости меня, госпожа Забиба, но мы не предполагали, что среди гостей царя и тех, кто приходит к нему, особенно ночью, может быть простолюдин или простолюдинка. Иногда по большим праздникам представал царь перед простыми людьми, чтобы видеть, как приветствует его издалека народ, но никогда не приходилось нам видеть то, что видим перед собой сейчас.

И тогда опьянило ее чувство того, что она одна удостоилась такой милости царя, и сказала она:

- Пусть я буду первой. Разве так странно, что среди восседающих с царем и тех, кто им подчиняется, а возможно, и среди его наложниц будет простолюдинка?

Разве не довольно знатым господам из богатых торговцев и крупных военачальников, министров и эмиров безраздельно владеть временем и царством царя? Пусть же они продолжают владеть богатствами и царством, но царя оставят нам.

Забиба улыбнулась и обратилась с вопросом к стражникам, которые внимательно ее слушали:

- Разве не справедливо то, что я говорю?

И все ответили:

- Да, госпожа наша, справедливо.

Начальник стражи, бросив недовольный взгляд на стражников, которые поддакивали Забибе, тогда как им предписывалось молчать, сказал:

- Прости меня, госпожа моя, я должен доложить о тебе главному хаджибу\*.

Стало ясно Забибе, что до этой минуты начальник стражи не был уверен, что она - именно та гостя царя, о которой ему говорили, или не мог до конца в это поверить.

И сказала Забиба:

- Делай то, что велит тебе твой долг.

А после того, как начальник стражи удалился, сказала себе Забиба:

- Разве преданность и выполнение долга - не обязанность каждого из нас? Значит, сердиться мне не следует, потому что начальник стражи в соответствии со своим долгом желает убедиться, правда ли то, что я говорю, и не самозванка ли я, и в том, что именно я гостя царя, а не кто-то другой, и что имя мое принадлежит мне, потому что оно не из имен тех, о ком начальник стражи привык слышать и с кем привык иметь дело.

В спешке вернулся начальник стражи.

- Прости меня, госпожа моя! Взываю к твоей милости, - сказал он и говорил другие льстивые и заискивающие слова, прерывая их время от времени поклонами, чтобы она осталась им довольна.

Знала Забиба причину тому, потому что поняла, что главный хаджиб накричал на него и упрекнул за задержку. А возможно, все это сделал и сам царь. А что, если царь груб в отношениях с людьми?

Спросила она себя:

- Может, это сам царь сурово обошелся с ним?

И ответила:

- Вероятно, царя не было среди тех, кто это сделал, но разве те, кто окружает царя, не превосходят его в жестокости? Скорее они, а не сам царь, наказали бы начальника стражи.

А затем сказала сама себе:

- Разве начальник стражи выполнял не то, что входит в его обязанности? А что, если бы все случилось наоборот? Что, если бы он не выяснил, кто я такая, и ввел меня к царю, а я оказалась бы не той, которая нужна царю, что могло бы с ним стать? Так разве у того, кто дальше от царя и от его царства, не больше свободы?

И отвечала:

- Тот, кто далеко от царя, возможно, и свободнее, но это не для меня. Это моя возможность, и глупо было бы позволить возможности ускользнуть, особенно если она связана с самим царем. А царь этот - царь государства нашего. Быть далеко от царя - значит не иметь действенных средств в жизни, ибо это значит быть далеко от властителя и от собственности, будь то собственность личная или государственная. Тот, у кого нет собственности, оказывается безоружным перед жизнью, природой и ее созданиями. А того, кто оказался безоружным, природа и ее создания могут легко осилить. Его либо изгонят, либо растерзают. Тот, кого растерзают, умрет и потеряет свободу, потому что его смерть - это не та борьба, которой требует от него жизнь. И тот, кого изгонят, потеряет свободу. Природа и ее создания окажутся сильнее человека, лишившегося здравого смысла. Суть превосходства ума человека кроется в том, что он способен выдумывать и изобретать средства, позволяющие ему одерживать верх над живыми существами и приспособляться к природе. Человек не сможет сделать это, если не овладеет этими средствами, а собственность как раз из их числа, неважно, принадлежит она всем людям в целом или каждому по отдельности. Благодаря таким символам, как государство, и тому, чем оно обладает, человек, его ум и то, чем обладает человек, достигают необходимого превосходства. Если мы жаждем свободы, мы не должны позволять власти имущим иметь все, что им заблагорассудится, и лишать тем самым себя свободы. А если позволяем это, всякий разговор о свободе и равенстве возможностей окажется пустой болтовней. Если бы все с самого начала имели всё, чем должны обладать, в равной степени или если бы все отказались от того, что можно считать для человека лишним, то кто захотел бы обрести свободу и кто пустился бы в погоню за тем, что зовется свободой? Но поскольку все это не так, то даже когда все начинают гонку с одной черты, все равно одни бегут быстрее, а другие медленнее. Выходит, что люди неравны в результатах, которых они добиваются. Разве не объясняет различие в средствах то, что, пересекая стартовую черту, мы достигаем разных результатов, независимо от наших желаний и намерений?

Так говорила себе Забиба, минуя вместе с начальником стражи комнату главного стражника, а с ним - внутренние ворота царского дворца.

Пройдя ворота дворца вместе с главным стражником, Забиба принялась внимательно рассматривать подробности дворцового коридора, начинающегося за воротами. И натолкнулась бы на стоявшего посреди коридора и ожидавшего ее царя, если бы не заметила, что главный стражник вдруг остановился, отдал воинское приветствие, ударив ногой о землю, и замер как вкопанный.

Царь сказал ему:

- Благодарю тебя. Оставь Забибу и уходи.

Стражник таким же заученным движением развернулся и оставил их одних.

Забиба приветствовала царя и, склонив перед ним колени, опустила голову, взявшись за края своего платья так, что стала похожа на бабочку, хотя платье ее было не из тех, что приличествуют дворцу, и не было похоже на платья принцесс, жен и дочерей богатых людей, какие принято носить во дворце в дни больших и малых торжеств. Оно не было даже похоже на платье наложницы.

Улыбнулся царь, приветствуя свою гостью:

- Добро, добро пожаловать!

Приблизился к ней на два шага, чтобы дотронуться до нее, чуть приподнял ее голову, а затем обнял и сказал:

- Я скучал по тебе, моя милая.

Обеспокоило Забибу то, что царь назвал ее милой, и она принялась вертеть это слово в уме, говоря про себя:

- Действительно ли царь находит меня милой или он просто хочет мне польстить? Но как и почему он нашел меня милой, если ему приходится видеть женщин особенных, не мне чета, и из числа придворных, и из дочерей вельмож и эмиров, а женщин таких множество?

- Прости меня, мой величественный царь, но как и почему ты находишь меня милой?

- То, что я назвал тебя милой, ты вполне заслуживаешь, Забиба. Как только я увидел тебя, это слово укоренилось в моей душе. С тех пор, как пришел я в ваш дом и стал приходить в него снова и снова, когда были вы на земле того, кто нам мешал и кого мы прогнали с земли, пожалованной ему когда-то одним из прежних царей.

Царь вспомнил, как один из прежних царей подарил своему вельможе обширные земли, на которых тот стал разводить разную живность и разные растения. И завел он на этих землях ульи и стал продавать пчелиный мед. Потом этот человек занялся торговлей в пределах царства и за его пределами, и его достояние стало исчисляться огромным числом шекелей\*.

И всякий раз, когда этот человек по какому-нибудь случаю встречал царя, он рассказывал ему о том, какой прекрасный и вкусный у него мед, какого не встретишь здесь на рынке и даже среди того меда, который подданные собирают далеко от земель и садов царя. Так было до тех пор, пока царь не послал одного из своих придворных купить у торговца для царского дворца большое количество меда. Когда мед попробовали те, кто знал в этом деле толк, оказалось, что он фальшивый. А мошенничество заключалось в том, что жадный торговец опустошал соты, забирая у пчел весь мед без остатка. Вместо меда он оставлял пчелам в ульях на зимнее время что-нибудь другое, чем они питались. В результате вкус меда изменился и он потерял свои качества по сравнению с медом тех пчел, которые питались медом. Поэтому царь отобрал у этого мошенника угоды и снова сделал их собственностью государства.

В те времена отец Забибы работал на землях этого торговца, и когда земли вернулись в собственность государства, царь оставил тех работников и крестьян, которые захотели остаться, и среди них отца Забибы. Забиба вскоре вышла замуж. А когда царь оказался на тех землях, он увидел Забибу, и она приглянулась ему, да и он приглянулся Забибе. Царь стал бывать в этих местах и полюбил Забибу, и она полюбила его.

И сказал царь:

- То, что я назвал тебя милой, не пустой образ, а отражение формы и содержания, которые в тебе сочетаются.

- Но ведь есть женщины красивее меня, мой великий царь, и я видела многих из них. Прости меня за откровенность и некоторую бестактность, но многих из них ты наверняка уже познал.

- Но я не встречал среди них ни одной такой милой сердцем и душой, красотой и характером, как ты, Забиба!

- Как может такое быть, о великий царь?

- Почти все из них старались приблизиться к царю в надежде на его корону или могущество, а не по какой-то другой причине, а ведь корона ничуть не важнее моих личных качеств, Забиба.

- Разве можно отделять форму от содержания, мой царь? Ты сказал, что я милая, и привел тому причины, в том числе мою красоту. Разве корона не часть твоей формы?

- Корона - часть моего внешнего вида, но не моей формы в целом. К тому же я не считаю, что для мужчины форма имеет такое же значение, какое она имеет для женщины. Корона - это вещь, Забиба. Разве можно оценивать царя с точки зрения вещей, которые у него есть?

- Нет, Ваше Величество, для правильной оценки человека необходимо рассмотреть его сущность, качества и характер, а форму - в дополнение ко всему этому. Тот, для кого определяющим в оценке является предмет, будет ценить не самого человека, а предметы. Тот, кто оценивает человека по окружающим его предметам, усматривает в человеке вещь для употребления и не видит в нем человеческих достоинств, на которые можно было бы опереться. Лично я не могу представить себе человека предметом, даже в случае с тем презренным, которого ты прогнал с земли и лишил собственности.

- Я бы хотел поговорить о конкретной персоне царя, а не об общих философских понятиях.

- Общие понятия работают и в этом случае, ведь они касаются человека. Не будем об этом забывать.

Царь ничего не ответил на эти слова, но сказал:

- Ты говорила, Забиба, что не можешь представить того презренного, которого мы прогнали с земли, в виде предмета. Не так ли?

- Да, Ваше Величество.

- Ты имеешь в виду, что он не представляет собой ценности? А если и представляет, то она настолько ничтожна, что его нельзя назвать даже предметом?

- Нет, мой великий царь, я имела в виду не это. Я хотела сказать вот что. Даже в том случае, если личность эта презренна и решение твое справедливо, все равно нельзя рассматривать его как вещь, ибо он происходит от Адама, хотя, возможно, и утратил свою человечность или она ослабла в нем, а в каждом сыне Адамовом, как бы он ни был плох, остается частица человека, несмотря на то, что в его качествах и в характере преобладает плохое, сделавшее его похожим на вещь.

Царь сказал:

- Но разве можно выделить малую толику положительных качеств личности из всего того плохого, что в нем преобладает, Забиба?

- Реформаторы попытались бы это сделать, Ваше Величество, - отвечала Забиба, - они сумели бы так развить в нем толику положительного, чтобы она обрела преобладающий характер, а все отрицательное отошло бы или рассеялось.

- Но царь не социальный реформатор, Забиба.

- Ах, если бы правитель стал социальным реформатором, наряду с тем что он является источником других решений, все могло бы быть по-другому, сказала Забиба.

- Не все, что желает человек, удается ему осуществить, - ответил ей царь.

- Но разве нельзя поручить кому-то этим заняться? Чтобы он не отвлекался вопросами власти и не был звеном ее цепочки и чтобы власть не несла ответственность за то, что он делает?

- Нет ничего невозможного, Забиба.

- Я никогда прежде об этом не задумывалась. А ты не думал, мой великий царь, что ты являешься частью организованного сообщества?

- Я думал, что организованное сообщество подчиняется власти, Забиба.

- Организованное сообщество, которое приносит пользу государству, великий царь, созидает власть, а не власть его. Если царь является его частью, разве не будет оно подчиняться царю? Ты вполне можешь сделать так, чтобы организованное сообщество, как я его описала, взяло на себя непосредственное руководство народом и попыталось бы исправить то, что можно исправить, тогда как ты и те, кто тебя поддерживает, взяли бы на себя власть в соответствии с ее иерархией.

- Но в настоящее время я и те, кто меня поддерживает, и без организованного сообщества обладаем властью. А это значит, что власть создана не организованным сообществом, что идея власти предваряет идею об организованном сообществе. Но я пришел к выводу, что нам необходима группа, имеющая определенные убеждения, которую ты называешь организованным сообществом, и если ты предпочитаешь именно такое название, так тому и быть.

- Традиционная власть способна создать организованное сообщество, которое тебе нужно. Но разве ты хочешь, чтобы организованное сообщество оставалось пустой формальностью или очередной ширмой для правительства, прикрывающей недостатки его правления? Или желаешь, чтобы организованное сообщество занималось построением общества и осуществило-таки поворот?

- Мне больше нравится второй вариант, но давай говорить о вещах реальных, а не фантастических.

- Ты подразумеваешь под реальностью, мой великий царь, только то, подо что мы подстраиваемся и чему стремимся соответствовать, или еще и то, что мы, изменяя само

понятие реальности, в состоянии коренным образом изменить характер сил и средств?

- Я имею в виду последнее, Забиба. Но я хочу сказать и то, что формирование организованного сообщества, которое глубоко изменит общество, продвинет его далеко вперед и поднимет на новый уровень, - это не задача власти, а задача борцов и революционеров. При этом власть будет его порождать, а не оно - власть. Его задачи будут задачами народа, и оно будет существовать для борьбы.

- Я считаю, что нет ничего невозможного в существовании организованного сообщества, даже под сенью власти. У него могут быть некоторые черты сообщества в традиционном его понимании, но не все, и в этом случае оно изменит к лучшему определенную сторону жизни людей, но не всю их жизнь.

- Как это, Забиба?

- Когда формируется организованное сообщество и ты являешься его частью, сделай его частью народа и опирайся в нем не на тех, кто обладает чрезвычайным влиянием, высоким положением или огромной собственностью, а на обычных людей. Сделай так, чтобы его основу составляли самые малоимущие. А сделать все это ты не сможешь, пока сам не станешь частью народа.

- Но как я могу стать частью народа, Забиба, если на самом деле я его царь?

- Ты должен всей своей душой и совестью, всей жизнью и помыслами быть частью народа. Поставить перед народом и организованным сообществом высокую цель, которая соответствовала бы значению нашего государства и его роли в жизни и миссии человека в ней. Вести народ и организованное сообщество к этой цели честно и добросовестно и не позволять торговать принципами. Призвать всех, кто чист делами и помыслами, и самому делать то, к чему призывает свой народ и организованное сообщество. Быть честным и справедливым с самого начала и до самого конца.

- Но разве то, о чем ты говоришь, Забиба, так просто?

- Это трудно, мой царь, но именно потому, что это трудно, успех твой сохранится надолго, его не разрушит ветер перемен, как это бывает с теми достижениями, которые даются легко. То, что дается легко, люди обычно не берегут. Поэтому оно уходит так же легко, как и появилось, уступая место чему-то следующему.

- Ты права, Забиба. Нам следует продолжить нашу беседу, чтобы выяснить, что все-таки лучше, но сделаем это потом.

- Как тебе будет угодно, мой царь.

- Но прежде, чем мы закроем дверь обсуждения, я хочу высказать опасение, как бы между мужами из организованного сообщества и представителями власти не возникло противоборство. Что, если члены этого сообщества начнут соперничать с властью имущими за их привилегии вместо того, чтобы заботиться о том, что полезно для народа и государства?

- Может случиться и так, мой царь, если все будет оставаться как есть. То есть если просто добавить к уже существующим элементам государства еще одно название: организованное сообщество. Но если дела пойдут по схеме, о которой мы только что говорили, если ты поставишь перед организованным сообществом задачи в свете высоких целей, служащих интересам народа, если организованное сообщество выйдет на арену жизни, на которой найдется место для риска и самопожертвования, тогда оно получит право руководить народом и будет руководить им без принуждения. В этом случае ты сможешь распределить все роли так, чтобы у каждого были свои обязанности и чтобы между членами организованного сообщества и представителями власти не возникало противоречий и соперничества. Я считаю, что с практической точки зрения в любое время, на любом уровне и в любых условиях абсолютное разделение этих категорий невозможно.

Коридор, по которому они шли, был длинным и сумрачным, потому что свечей, расставленных у стен, не хватало, чтобы освещать их путь в покои царя.

Сказала Забиба:

- Ты не замечаешь, мой царь, что этот коридор, да и весь дворец, кажется диким и безлюдным?

- Так может показаться потому, что в коридоре и в некоторых помещениях дворца нет выходящих наружу окон. А может, потому, что ты во дворце впервые. Ты ведь никогда не бывала в царском дворце? - сказал царь и улыбнулся.

- То, что я впервые в царском дворце, - это правда, и я благодарю Создателя нашего за то, что Он дал мне возможность встретиться с тобой и воспользоваться твоей добротой и благосклонностью. Но во дворец я захожу не впервые. Я бывала во дворце хозяина тех земель, которого ты прогнал, а дворец его, как ты знаешь, очень похож на твой. Говорили, что хозяин его хотел жениться на юных наложницах твоего отца после его смерти, потому что стремился походить на царя и воображал, что завладеет тронем, если у него будет такой же, как у царя, дворец и жены из числа тех, что были наложницами царя, - сказала Забиба и громко рассмеялась. Потом повернулась к царю в поклоне и проговорила: - Прости меня, великий царь, это не я, а душа моя рассмеялась над тем, что есть такие люди, обладатели многих богатств и низких душ.

- Ты говоришь, что смеялась не ты, а твоя душа?

- Да, великий царь, если бы ты велел мне сделать выбор, я не смеялась бы в твоём присутствии. Но душа моя, которая еще не привыкла к дворцовым манерам, выскочила за ограду и рассмеялась.

- Умница ты, Забиба, но почему ты принуждаешь свою душу к тому, что ей не свойственно? Я хотел бы, чтобы ты дала своей душе свободу, чтобы она была естественной.

- Разве нужна свобода такому простому человеку, как я? - сказала Забиба так, как будто это сказала не она сама, а ее душа.

Царь засмеялся, а она, опьяненная каким-то странным чувством, добавила:

- Царь смеется вместе с простолюдинкой?!

- Я - царь своего великого государства. Я люблю, когда народ свободен, и люблю иногда от души пошутить вместе с простолудином, но не могу делать это постоянно, хотя и хотел бы.

Сказала Забиба:

- Да, великий царь, если запросто общаться с простыми людьми, они возвращаются к своему человеческому облику, но если делать это с марионетками, они могут взбунтоваться против своих хозяев.

И добавила:

- Но если ты действительно этого хочешь, великий царь, то почему сидишь взаперти у себя во дворце?

- Разве я взаперти, Забиба? Стража, которую ты видела, охраняет меня, а не стережет. Она - атрибут царского величия.

- Они стерегут тебя, эти стражники. Стерегут тебя, стерегут закрытые двери и безлюдный коридор, стерегут дворец, в котором я до сих пор не заметила живого движения, не считая движения твоей ищущей души. Все это, в сущности, тебя ограничивает. Без всякого умысла стражников и твоих слуг, которые на самом деле тебя ограничивают, и без чьего-либо непосредственного указания, ты, мой царь, сидишь здесь взаперти. Как можно любить свободу и строить дворец без окон, способных пропускать свет и воздух? Как можно любить природу, желать, чтобы я поступала в соответствии со своей природой, и не общаться напрямую с природой или хотя бы не любоваться ею через окна?

- Успокойся, Забиба. Я все тебе объясню. Во дворце мало окон ради его безопасности. Если сделать во дворце слишком много окон, страже трудно будет его охранять.

- Но это делает дворец нелюдимым, мой царь. Разве одиночество не заклятый враг того, кто правит? А чтобы положить конец одиночеству, нужно покинуть его. Покинь одиночество дворца, мой царь, и позволь своей душе делать то, что для нее естественно. Выйди к природе и к людям. Разве природа и люди не лучшее, что может развеять страх в твоей душе?

- Я поступал так, как ты говоришь, Забиба, или почти так, когда впервые вошел во дворец, но обнаружил, что придворные сочли мое поведение странным и осудили меня. Возможно, они посчитали, что нарушение традиций дворца вызвано легкомыслием или

незнанием приличий. В конце концов мне пришлось с этими традициями смириться. Разве не может иметь привычку тот, кто живет в этом дворце вот уже семь лет?

- Конечно, мой царь, - ответила Забиба. - Привычка позволительна тому, кто не отвергает ее причины, даже если привычка дурная, и потому каждый человек должен смотреть во все глаза, чтобы различать, что ему позволительно, а что нет. Ты привык ко дворцу, потому что не отвергал привычку и жертвовал естественным ради своего положения и самоутверждения. Что касается меня, то я не привыкла еще ко дворцу, ибо не хочу с ним мириться и уверена, что никогда не смирюсь. Все потому, что я отвергаю те предпосылки, которые заставили бы меня с этим смириться, особенно если выбор существует.

- А в чем выбор, Забиба?

- В том, чтобы ты покинул этот дворец, оказался среди людей, жил рядом с ними и пользовался их средствами. Смотри, великий царь, какие толстые стены у дворца, в котором ты живешь, в них нет окон и они не позволяют тебе видеть и слышать то, что происходит за его пределами. Залы дворца устроены так, чтобы ты не видел даже тех, кто внутри него.

- Для достижения целей, продиктованных нуждами власти и безопасности, годятся любые средства, Забиба.

- Воистину, все, что я вижу, и многое из того, что слышу от тебя, мой царь, обременяет тебя, а не побуждает к действиям и решению задач власти удобными для самого царя и для его народа средствами. Воистину дворец твой - логово для разведения демонов, царь мой! Это потому, что демоны рождаются в заброшенных дворцах, а твой дворец нелюдимый. Стены у него толстые, окон в нем мало. Дворец твой мрачный, воздух в нем пахнет гнилью, движения ограничены и монотонны. Он напоминает то место, которое шайтан избрал, чтобы там размножаться и творить свои дела. А там, где поселился шайтан, плетутся заговоры против царя, возникает зависть и алчность и растет жажда власти. Стены дворца не позволяют тебе слышать, что происходит вне их, видеть свет и дышать свежим воздухом, они заглушат и твой голос, когда заговорщики нападут на тебя, и никто не услышит его снаружи, и не сможет к тебе прийти спасение. И стеснят твои движения, когда нападут на тебя. А темные углы дворца помогут твоим врагам скрыть кинжалы и стрелы, которые поджидают тебя, мой царь.

- Да, Забиба, слова твои справедливы, но неужели ты хочешь, чтобы я отказался от трона и жил вне дворца, как жил, забытый своим отцом, да смилуется над ним Аллах, из-за заговора братьев и сыновей его наложниц?!

В это время они добрались до покоев царя. Немного спустя сказала Забиба царю:

- Прости меня, мой великий царь, ты не возражаешь, если мы продолжим разговор?

- Нет, нет, пожалуйста, говори все, что хочешь сказать, Забиба.

- Спросил ты меня с удивлением, что я имела в виду, когда сказала, что тебе следует жить вне дворца, как в те времена, когда жил ты, забытый своим отцом, прежним царем, да смилуется над ним Аллах, а получилось так, ты сказал, из-за заговора братьев и сыновей его наложниц. Прежде, чем я отвечу тебе, царь мой, если будешь милостив, я хотела бы услышать эту историю. Ты сказал, что жил в одиночестве за пределами дворца, а не во дворце, как твои братья и другие эмиры\*. Верно ли я услышала?

- Да, Забиба.

- Вот и прошу я тебя, мой царь, если простишь ты назойливость, рассказать мне эту историю, прежде чем я отвечу на твой вопрос. Я умоляю тебя об этом, потому что если ты удовлетворишь мое желание, то сможешь разобраться в своей душе и свободно распорядиться ею, а также наполнишь мою душу и разум тем, что позволит мне дать достойный ответ на твой вопрос. Вот чего я хочу от тебя. Дай мне хоть ненадолго ощущение равенства, пусть даже в простом человеческом смысле, а я тебе дам то, что тебя успокоит. А без этого ощущения, царь мой, если ты просто станешь играть театральную роль, я не смогу обрести такое состояние, когда душа моя спокойна, и не смогу быть по-настоящему полезной тебе в том, что касается личного.

- Тебе следует сейчас вернуться к своей семье, чтобы я смог вернуться к своим делам.

Я расскажу тебе все это в другой раз, Забиба.

Сказала Забиба:

- Воля твоя, мой царь. Когда прикажешь прийти к тебе снова?

Ответил царь:

- Я не повелеваю тобой, Забиба, а просто высказываю свое желание.

- А разве желание царя не закон, мой великий царь?

- В таком случае я предлагаю, если это выражение больше тебе по душе, Забиба.

- Мне по душе было бы, даже если бы твое желание пришло ко мне в виде повеления, потому что главное не его форма, а содержание. Поскольку в нашем общении я увидела твою сущность, я не стану придавать значение форме. Так когда ты хочешь, чтобы я пришла, мой царь? Сегодня понедельник, в пятницу будет удобно? Но, прости меня, царь, пятница - день, когда мы поклоняемся своему Богу и молимся ему, как установлено обычаем.

- В таком случае приходи в субботу, если суббота тебя устраивает, Забиба.

- Да, мой великий царь, дважды благодарю тебя. Первый раз за то, что ты решил продолжить отношения со мной, а не тут же забыть обо мне, а второй раз за то, что уважаешь мои религиозные чувства. Суббота меня устраивает.

Она попрощалась с царем и удалилась.

Когда Забиба вышла, она увидела, что у двери ее поджидает конюший, а рядом с ним пегая кобыла.

И сказал ей конюший:

- Это тебе подарок от царя, моя госпожа.

- Но как я буду ее кормить? И кто будет за ней следить? - подумала Забиба. И прежде, чем высказала она свое недоумение, подошел к ней хаджиб и опустил мешочек золота в переметную суму на седле. Тогда Забиба сказала:

- Как бы ни поносили царей, но они знают толк в щедрости, а вот народ не знает.

Сказала она эти слова про себя и содрогнулась, почувствовав, как совесть ее упрекнула. Потом подумала:

- Щедрость присуща царям и это их качество? Но разве щедрость народа не самая лучшая щедрость? Человек из народа забывает вола, на котором пашет землю и который является источником его существования, для царя, когда тот навещает его. Он угощает едой, которую приготовил для своих детей, путника, которому оказал гостеприимство, и оставляет, таким образом, своих детей голодными. Так разве убудет от богатства царя, когда он уделяет кому-то малую его толику? Разве простой человек не благороднее любого царя?

Она села верхом и отправилась к дому.

\* \* \*

Вернулась Забиба в царский дворец, как было условлено.

И когда прохаживалась она по коридорам царского дворца в преддверии скорой встречи, видела, что на входах коридоров, ведущих в главную галерею, собираются, перешептываясь и пересмеиваясь, придворные дамы царицы. Но когда она приближалась к ним, они приветствовали ее почтительно и даже, пожалуй, с дружелюбием, которое старались скрыть. Забиба заметила это по их глазам. Глаза не обманывают, опытный человек всегда прочтет, о чем говорит взгляд, по крайней мере, если во взгляде читается любовь или ненависть.

Вдруг в галерее показалась женщина, одежда которой говорила о ее величии. Но ее походка и то, как обращалась она с придворными дамами и прислужницами, не прибавляли ей уважения и степенности. Была она высока ростом, и линии ее тела были удивительными. Довольно стройная, но и не лишенная женственной плоти, нежной и зажигающей в мужчинах желание. Все в ней было красиво, но не могла Забиба рассмотреть ее душу, сердце и черты ее, за которые та несла бы ответственность. Она не могла быть ответственной за свою внешнюю форму и особенности тела, ибо все они были даны ей от рождения. А вот что касается таких особенностей, как нравственность, вкус, манеры, вежливость, культура, образованность и тому подобное, то человек в той или иной степени обязан нести

ответственность за их наличие или отсутствие. От этих особенностей непосредственно зависит степень успеха или неудачи, которых добивается человек, в том числе в семейных делах и в любви. На них строятся отношения между мужем и женой, на них держится любовь во всех ее разновидностях и на всех этапах. Поэтому нередко все раскрывается сразу после помолвки, первой брачной ночи или первой беременности женщины, когда мужчина и женщина понимают наконец, чему было отдано их предпочтение, когда они полюбили, когда они решили соединиться.

Но как отыскать равновесие формы и духа? Как понять, основано ли предпочтение только на форме или на его выбор повлияли вещи умозрительные и духовные?

Не удостоив Забибу пожелания доброго вечера и не дожидаясь приветствия от Забибы, сказала она, явно вспыхнув, хотя и пыталась лицемерно скрыть свою вспыльчивость:

- Ты Забиба?

Забиба отвечала:

- Добрый вечер, моя госпожа.

И продолжила, полная уверенности в себе, но без высокомерия и вызова:

- Да, я - Забиба, дочь народа, и мне посчастливилось быть любимой господином моим царем.

- Знаешь ли ты меня? - спросила царица.

- Прости, госпожа моя. Прошу, не сердись на мои слова, если я не выскажу предположение. Предположение может быть ошибочным или точным, но я не могу решиться на это, поскольку не имела чести быть представленной тебе раньше.

- Разве мой вид ни о чем тебе не говорит?

- Прости, госпожа моя, но внешний вид не всегда является показателем содержания. Во всяком случае, он не раскрывает всю сущность человека. Именно поэтому, встретив меня, ты спросила, не Забиба ли я. Если бы тебе хватило одного взгляда, чтобы определить, кто я такая, то и я ограничилась бы тем же, не задавая вопросов. Вот я и говорю тебе, что я - Забиба, дочь народа, которой посчастливилось быть любимой его величеством царем.

- Ты простолюдинка, по тебе это видно, - сказала царица, желая посмеяться над ее видом, которым она не походила на принцесс и цариц. - Но то, что ты наложница царя, по тебе не скажешь.

Отвечала Забиба:

- Я дочь народа, и это качество, объединив мой внешний вид и мое содержание, стало моим явным и соответствующим мне качеством. Потому-то я им и горжусь. А это значит, что обычаи и порядки, которые не признает народ и которые он не соблюдает даже во дворце, не могут меня прельстить. Я сохранила свою сущность и свою внешнюю форму и, совмещая в себе эти качества, вполне могу служить идеям и традициям народа, а не умножать собой число закованных в тяжкие оковы придворных.

- Ты называешь придворных закованными, дочь народа?

Отвечала Забиба:

- Я имею в виду не всех, госпожа моя, а только некоторую часть. Никто не заковывал их в цепи, они сами себя заковали, желая привыкнуть к тому, что неверно. Поэтому те, кто предпочел оковы, закован в них, а те, кто не пожелал их, остались свободными, хотя и не покидали дворца. Разве свобода, как и положение, это не чувство, госпожа моя?

Когда сказала это Забиба, увидела она, что многие из прислужниц и придворных дам, которые прислушивались к их разговору, готовы были ей рукоплескать, не происходи все это во дворце и не стой перед ней царица.

Царица тоже это заметила и возвысила голос:

- Довольно философии, изъясняйся понятным нам языком!

Сказала Забиба:

- Прости меня, царица моя, но вашему языку я не обучена. Я дочь народа, как ты заметила и как сама я сказала, и нет никакой надежды на то, что я заговорю на вашем языке.

Царица же, выйдя из себя, закричала придворным дамам и дворцовым прислужницам,

которые прислушивались к разговору между ними:

- Что вы столпились вокруг нас? Разойдитесь! Все разойдитесь! Оставьте нас одних, оставьте меня с Забибой!

Спросила ее старшая из придворных дам с удивлением:

- И мне уйти, госпожа моя?

- И тебе тоже.

Тот же вопрос задал хаджиб, и ответила она ему так же. И вот не осталось никого, кроме царицы и Забибы, остальные же, напрягая слух, стояли за дверьми. Продолжили они беседу, прохаживаясь взад и вперед по главному коридору царского дворца.

Сказала царица Забибе:

- Зачем и как удерживаешь ты царя подле себя и удаляешь от нас, Забиба?

- Прости, госпожа моя, но царь свободен в своих поступках. Никто его не удерживает.

- Ты присвоила его себе, не подумав о нас.

- И снова нет, моя госпожа. Боже упаси, присвоить себе царя, властелина народа и нашего царства.

- Главное, что он царь, - сказала царица. - Он должен уделять внимание нам, бо́льшая доля его внимания должна быть сосредоточена на мне, а уж потом пусть думает о других.

Тогда сказала Забиба царице:

- В этом-то и кроется тайна того, почему потеряла ты царя, госпожа моя.

- Что ты хочешь этим сказать? - спросила царица.

Ответила ей Забиба:

- Воистину, эгоизм вместе с неукротимыми желаниями, добивающийся личной выгоды, приводит к тому, что с людьми начинают обращаться так, словно они не живые существа, а вещи. Людям свойственно думать, чувствовать и понимать, что хорошо, а что плохо, и выбирать то, что для них лучше.

- А чем ты лучше нас, дочь народа?

- Прости, моя госпожа, но я не ставлю себя выше тебя или других жен и наложниц и даже не пытаюсь с вами сравниться. Однако мы встретились - он и я, - наши взгляды и чувства совпали, и случилось то, о чем тебе известно.

- Разве может забыть царь наши многолетние отношения, соблазниться тобой после первой же встречи и остаться с тобой, покинув нас?

- Нет, госпожа моя, не после первой встречи и не с первого взгляда. Прошло время, необходимое для того, чтобы наши чувства совпали, а из совпадения чувств получилось то, что получилось.

- Скажи, Забиба, чем ты отличаешься от нас?

- Прости меня, царица, не могу. Я не желаю ни с кем сравниваться, потому что тот, кто говорит о себе, скорее заблуждается, чем идет по верному пути, или оказывается на краю пропасти, а не на ровном склоне.

Приблизилась царица к Забибе почти вплотную и сказала:

- Смотри, разве ты выше меня, разве твои глаза, талия, ноги, шея, цвет кожи и... и... красивей того, что есть у меня?

Отошла царица от Забибы на несколько шагов и, повернувшись, сказала:

- Должно быть, народ пустил корни в душе царя и царю наскучила красота царицы, дочерей других царей и знатных людей. Надоели ему наложницы, которых подарили ему цари и эмиры, и торговцы из его государства и других земель. Всем им предпочел он простолоудинку.

Услышав, как злословит над ней царица, Забиба разгневалась, но совладала с собой и ответила так:

- Возможно, царю наскучило привычное и не прельщает оно его больше так, чтобы и дальше с ним мириться. Знание простых людей - вот чего не нашел он в тебе и в таких, как ты. А та, что не знает простых людей и жизни с ее законами, не знает, как распорядиться богатством, властью и высоким положением. Не знает друзей своего мужа, не знает, кто ему

служит и кто несет знамена его царства.

Ты утратила связь с людьми и не знаешь правил той жизни, в которой выигрывают люди благонравные, обладающие не прекрасной внешностью, а живым мышлением и справедливыми суждениями. Милость Аллаха, наделившего тебя прекрасной внешностью, не побудила тебя отблагодарить Аллаха за это своими делами и мыслями, и потому ты не можешь распорядиться даже своей красотой. Мужчина, который соблазнился красотой, особенно если он молод, и не нашел в своей избраннице благонравия, рассудительности и вкуса, после первой брачной ночи начнет искать в ней другие, более устойчивые и влиятельные особенности, и, не обнаружив их, примется искать их в других местах и в других женщинах.

Спроси, госпожа моя, самого царя, что привлекло его во мне, и он ответит тебе лучше, чем я. Но раз уж ты спрашиваешь меня о том, что заставило меня приблизиться к царю и что я знаю о характере и качествах, я говорю тебе то, что знаю и что предполагаю.

Возмутилась царица и ответила в гневе:

- Царь не чужой мне, и после долгих лет, которые мы прожили вместе, я знаю его полностью и во всем.

- Прости меня, моя госпожа, и не обижайся на меня, если я скажу, что ты не знаешь в царе того, что не лежит на поверхности, и того, о чем не дано знать другим. И все потому, что не утруждаешь себя или, вероятно, не способна решить эту задачу и увидеть те особенности его ума и души, которые другим не видны. Вот почему ты не узнала его как следует за то время, что прожила рядом с ним. А не узнав его, не смогла понять, как стать ему близкой и повлиять на него.

Сказала царица так, словно хотела посмеяться над Забибой:

- Разве может быть кто-то ближе ему, чем я, когда я делю с ним ложе? Сказав так, она рассмеялась во весь голос, и поддержали ее в этом ее придворные дамы, служанки и слуги, которые столпились за дверьми, а кто-то даже приоткрыл дверь, чтобы царице было слышно, как они смеются вместе с ней.

- Разве наружность - это не то, что радует глаз царя? - Казалось, царице было все равно, над кем смеются придворные: над ней или над Забибой, лишь бы делали так же, как она. Хотя понятно было, что все смеялись над ее слабым умом, смеялись вместе с Забибой над ней, царицей. Но сама Забиба не смеялась. Она отвечала царице так:

- Нет, моя госпожа, то, что ты спишь в одной постели с царем, не делает тебя ему близкой. Ты могла бы стать ближе, если бы вошла в его сердце, в самую глубину его души. Это я сейчас в его сердце и в его душе, а ты осталась снаружи, хотя я и не делю с ним ложе. Я посмела занять в его душе твое место, пока ты находилась с ним на ложе, поэтому он избрал меня, а от тебя отстранился.

Засмеялась Забиба, и открылись все двери, ведущие в зал, в котором была она с царицей, и донеслись звуки смеха со всех этажей дворца.

Закричала тогда царица в ярости:

- Прекратите, да посрамит вас Господь, и посрамит он Забибу!

А Забиба сказала спокойно:

- Укрепит нас Единый и укрепит Он всех, чьим сердцем не овладел еще шайтан и не сбил с достойного пути. И да посрамит Он глупых, жестоких и упрямых.

Она повернулась и, не спросив разрешения у царицы, оставила ее, направившись туда, куда направлялась прежде.

\* \* \*

Шум голосов и смех привлек внимание царского хаджиба, бывшего в комнате неподалеку. Он вышел, взял Забибу за руку и отвел ее в комнату, где дожидался ее царь. Как это было принято, он постучался в дверь, вошел, приветствовал царя и удалился. И осталась Забиба с царем.

Через некоторое время Забиба напомнила царю о его обещании рассказать свою историю и сказала ему с почтением:

- Если не обидит тебя моя настойчивость, мой великий царь, я хочу услышать историю, которую ты обещал рассказать. Разве не стремится тот, кто любит, узнать все о своем любимом? Ты мой царь и мой любимый, поэтому прости мне мою настойчивость, государь мой, и уважь мое желание.

Царь сказал:

- Я расскажу, Забиба, эту историю.

И начал царь свой рассказ:

- Было это очень давно. Женился отец мой на моей матери на заре своей молодости, а она была его двоюродной сестрой и рождена была в нашем царстве. Родила она меня после долгих мучений, и возрадовался мне отец мой, царь, да будет Аллах к нему милостив. Так говорила мне моя мать. И успокоился мой отец за будущее своего царства, потому что трон займет его сын, мужчина, и будет удерживать трон и дальше. А у матери моей, царицы, были особые отношения с отцом, и роль ее в царстве была особая. Когда царь был занят делами вдали от столицы, царица сама вела дела царства, в той мере, в какой позволял ей царь, и так, чтобы между ними не было противоречия. Но, родив меня, мать моя больше не могла понести, и царь снова забеспокоился за свое царство. Что делать? Что будет, если меня убьют? И решил он взять себе в жены невольниц, которых привез из походов и набегов. Возможно, так подсказала ему сама моя мать, когда поняла, что это желание поселилось в его душе и он уже готов пойти на это. Моя мать считала, что по своему положению новые жены не смогут с ней сравниться, потому что она царица, а они простые наложницы, матери его детей. Ходят даже слухи, что она сама выбрала первую из них.

- А потом их число увеличилось, царь мой?

- Да, Забиба, их стало много, - ответил царь. - Но имей терпение, и ты все узнаешь. Первую жену для царя моя мать выбрала без его участия. Она была не очень красивой, в то время как моя мать была красавицей и имела внешность, вполне достойную царского звания. Разве может в таком случае женщина выбрать равную себе по красоте или ту, что способна с ней соперничать? Женился отец мой на этой наложнице без особого желания, только ради своей жены, чтобы она не испытывала к ней ревности и чтобы не омрачилась их счастливая жизнь. Но не приняла во внимание моя мать, что в отношениях между мужчиной и женщиной внешность не всегда является определяющей. Взял в жены мой отец эту наложницу, и родила она ему младенца мужского пола, а потом второго и третьего. Так добился отец мой того, чего хотел и о чем говорил, когда волновался, не случится ли что-нибудь со мной. После чего он взял себе еще одну жену, на этот раз по своему выбору лучшую из наложниц по красоте, образованности и благонравию. Разве тот, кто женится во второй раз, не покидает раковину отрицательного представления о повторном браке? Разве, как гласит пословица, тот, чья одежда промокла, боится дождя? Исходя из этого представления и желая родить как можно больше сыновей, дабы они составили прочную основу царствования и стали мечами вокруг наследного принца, то есть вокруг меня, и продолжал мой отец брать в жены своих наложниц и рождать сыновей. И был я среди всех сыновей его единственным сыном царицы. Когда подросли мои братья, моя мать стала нежелательной среди жен его, ибо, когда она была среди них или, лучше сказать, во главе их, они чувствовали горечь очевидного различия в их положении и влиянии. Когда люди уделяли ей внимание, их шансы на то, что их заметят, резко уменьшались. И та, что выделялась среди них, то есть моя мать, была в их понимании чужой. Разве не завидуют особо выделенным и разве не ненавидят их завистники? Подножья не всегда гордятся своими вершинами. Они ощущают их тяжесть и насылают на них губительные землетрясения.

Сказал так царь и улыбнулся Забибе, но видно было, что он опечален. Время от времени он вздыхал так глубоко, словно не мог надышаться. А когда по его щеке покатились слеза, Забиба остановила ее кончиками пальцев и вытерла о свою щеку. Она не стала плакать вместе с царем, дабы ему не пришлось думать о ней, вместо того чтобы переживать то горе, о котором он рассказывал. Она хотела выслушать все, чтобы потом поделиться с ним своими

соображениями, то есть тем, что считала необходимым сказать царю.

Множилось число жен царя и число наложниц его из невольниц. Когда надоедала ему одна, он становился благосклонным к другой, и так они непрерывно занимали место друг друга, претендуя на особое положение в отношениях с ним.

И ополчились они все на мою мать, а отец мой под воздействием слухов стал принижать роль моей матери.

- Неужели даже цари верят больше тому, что слышат, чем тому, что видят и чувствуют?  
- подумала Забиба, слушая историю об отце царя.

А царь продолжил свой рассказ:

- И вот настал день, когда мать моя заболела и умерла, да будет Аллах к ней милостив, а причина ее смерти осталась неизвестной.

- Разве мог сломить ее и умертвить кто-нибудь, кроме женщины? сказала Забиба про себя, а вслух проговорила: - Воистину, женщина, если она захочет, достанет мужчину до кишок, а когда она строит козни против женщины или соперничает с ней за того, кого любит, она и вовсе ее изведет. Они извели твою мать, мой царь.

Царь печально улыбнулся и сказал:

- Я жил среди всего этого и чувствовал, что все, кто меня окружает, испытывают ко мне враждебность. И не только жены и невольницы моего отца, но и мои братья, хотя я делал все, что в моих силах, чтобы сохранить с ними добрые отношения. Но мое положение единственного наследного принца, а также то, что моя мать была двоюродной сестрой царя, заставило завидовать мне даже моих братьев. Только я один по своему положению подходил на роль царя, тогда как все они стояли на ступень ниже, и никто из них не выделялся среди всех других и не уступал им. Все они были еще мальчишки, и никто из моих братьев не мог претендовать на то, чтобы как-то выделиться среди других. Не отрицаю, Забиба, что я и сам не испытывал никакого желания поддерживать дружбу с теми, среди которых жил.

- Это вполне понятно, мой господин. Разве может ужиться птица с птицами другой породы, особенно если она видит, что их клювы так и норовят отщипнуть ее плоть и испить ее крови?

Сказала так Забиба и погладила царя по лицу, не позволяя себе большего, хотя ей время от времени и хотелось его целовать, особенно когда она видела, как его душу охватывает тревога и как отзываются в его воображении горькие и мучительные воспоминания. Но она не позволяла себе делать этого, чтобы не прерывать нить его размышлений и воспоминаний об отце.

- Настал наконец день, когда все ополчились против меня - жены моего отца, мои братья, а также многие придворные. Не знаю, почему придворные встали на их сторону и почему сестры мои не поступили так, как братья.

- Судя по всему, мой великий царь, ваш закон не признает наследование трона женщинами, а значит, мужчины во всем оказываются выше женщин. Раз уж так у вас заведено, у девушек не нашлось причины, чтобы проникнуться к тебе ненавистью тех, кто жаждал власти, и тех из знатных людей, кто поддерживал их, имея свои интересы и угождая своим хозяевам.

- Ты права, Забиба.

Продолжил царь свой рассказ и сказал:

- В том возрасте, когда я не достиг еще зрелости, мой отец изгнал меня из дворца. Правда, он не сказал мне, что изгоняет меня из дворца, а точнее говоря, из дворцов царских, а сказал, что я буду жить у одного из его двоюродных братьев в далеком от столицы городе. Я собрал свои вещи и одежду и отправился в тот город. Когда я уходил, все слуги во дворце опечалились, потому что любили меня, и изо всех сил старались не пролить слез, боясь, чтобы жены моего отца, увидев это, не прогнали их или не сделали их жизнь невыносимой.

- Видишь, мой царь, как верен бывает простой человек? Должно быть, ты обращался с ними милосердно и уважительно, вот они и сочувствовали тебе, и сердца их были с тобой в тот момент, когда ты покидал дворец и когда те, кто обладал влиянием и властью,

ополчились против тебя. Знаешь, почему те, кто имел влияние, обрадовались твоему уходу из дворца, мой царь?

Царь ответил:

- Это для меня главный вопрос: почему они сделали так, чтобы меня изгнали из дворца, и почему так обрадовались моему уходу.

- Они сделали все, чтобы изгнать тебя из дворца, дабы объединить свои интересы и избавиться от наследного принца, сдерживающего их в узде в отсутствие царя во дворце, от этого глаза царя, следящего за ними повсюду, когда ты достиг возраста, позволяющего это делать. Они сделали так, чтобы ты не мешал каждому из эмиров и тем, кто стоит за ними, добывать право наследования трона и чтобы все эмиры были равны и не было бы среди них особо выделенных. После чего развернулась борьба за власть, в которой у всех появился шанс на успех, и каждый попытался им воспользоваться.

- Верно ты говоришь, Забиба, - сказал царь. - Вот главная причина, позволившая мне после смерти отца моего вернуться во дворец и взять на себя царские полномочия. Тогда встали на мою сторону воины и государственные люди, не желавшие моего изгнания, и стали моими защитниками, а вместе с ними и впереди них мои близкие, не принимавшие участия в дворцовой возне и незаинтересованные в ней. Поэтому придворные и те, кто желал моего изгнания, поспешили отказаться от своих замыслов, как только я одержал первую победу за право носить царскую корону, и встали на сторону тех, кто был со мной и поддерживал меня.

- Да, так вот происходит во власти. А во взаимоотношениях людей, строящихся на человеческих понятиях, на уважении и любви, все происходит по-другому.

- Ты права, Забиба. Делать нечего, так уж случилось, что я царь. Но каким образом тебе удастся любить меня так, что мое царское происхождение никак на тебя не влияет?

- У моей любви нет никаких целей, мой царь, а раз она не преследует никакой цели и я не стремлюсь добиться чего-либо, то со временем я буду чувствовать себя с тобой так, словно ты такой же, как я. Ничто не будет мешать мне любить тебя, и ты сможешь любить меня, невзирая на то, что ты царь.

- Возможно, - сказал царь.

А Забиба сказала:

- Быть может, это значит, что дверь откроется для того, кто стоит перед ней, и что у каждого, кто стремится, есть свой шанс.

Царь продолжил рассказ и сказал:

- Почти все мои сестры горько плакали, и не скрою от тебя, что отношения между мной и сестрами были самыми лучшими и самыми искренними. Они горько меня оплакивали и при каждом удобном случае, так, чтобы их матери и другие женщины царя не знали об этом, навещали меня. Таким образом, через них до меня доходили известия о том, что делается во дворце. Естественно, мне стало известно, что после моего ухода дворец превратился в ад. Отец мой постарел, заговорам не было конца, и не имевшие к ним отношения люди уже не могли все это выносить. Множилось зло, плелись интриги между женами моего отца. Каждая из них замышляла что-нибудь против других, стремилась быть впереди и выше остальных.

- Так бывает и среди простых людей. Когда все равны, а речь идет о принятии решения, которое касается всех, каждый стремится занять более выгодное положение, - сказала Забиба про себя, не прерывая рассказ царя.

А царь продолжал:

- За каждой из них стоял боевой строй из невольниц, придворных и военных, и все они, даже служанки и дворцовые повара, преследовали свои цели.

- И даже повара, мой царь?

- Даже повара, Забиба. Повара в царских дворцах - очень важные фигуры, когда плетутся козни, в том числе и заговоры со смертельным исходом. Выделяла какая-нибудь жена кого-нибудь из поваров и приказывала ему приготовить блюдо, которое любит царь. А потом говорила царю, что приготовила это блюдо своими руками, потому что знает, как царь

его любит. А сделать это можно было только в определенный, отведенный ей день. Другой повар мог испортить блюдо, пересолив его или положив в мясо дохлую крысу, и разрушить тем самым чары одной из жен против другой.

- Неужели и дохлые крысы принимают участие в дворцовых интригах?

- Да, Забиба, и такое бывает. Используются для козней и змеи в корзинах с фруктами. Нередко царь казнил ту, что подала ему корзину с фруктами, в которой была змея, пусть даже и не ядовитая, полагая, что та что-то замышляла против него. Дошло до того, что отец мой, царь, да будет Аллах к нему милостив, перестал есть и пить то, что они ему предлагали, а встречался с ними изредка и не дольше часа, чтобы не пришлось ему отведать в их покоях еды или питья. И назначил царь, дабы оградить себя от этих козней, одну из своих дочерей (которую родила наложница, никого больше после себя не оставившая и умершая сразу же после родов) подавать ему еду и питье и следить за их приготовлением. Стало царю жить немного проще, но настал день, когда эта дочь полюбила одного придворного, связанного с каким-то из противоборствующих кругов. А он, воспользовавшись ее чувством, улучил момент и подсыпал яду в блюдо, которое подали царю на стол. Мой отец умер. Но я не посмел обвинить свою сестру в измене и решил сам обо всем дознаться. И вот открылась правда, и выяснилось, что сестра моя невиновна. Но случившееся с ней стало для всех большим уроком, в том числе и для этой женщины.

- А в чем заключался урок для женщины, царь мой?

- В том, что женщина может оказаться коварнее благородного человека, но подлещы всегда превзойдут ее в этом.

- Но разве не более ценно то, что из этой истории должен был вынести для себя ты, мой царь?

- Конечно, так, Забиба, но что ты конкретно имеешь в виду?

- Я хочу спросить, не является ли множество жен и невольниц царя главной причиной того, что во дворце обнаружались бреши?

- Да, Забиба, так оно и есть.

- Так почему же ты, мой великий царь, не ограничиваешь себя в этом?

- Ограничиваю. Как видишь, женщин в моем дворце немного по сравнению с тем, сколько их было у бывших до меня царей.

- Их немного по сравнению с ними, но по нашим меркам их все равно много, великий царь.

- Ты вновь права, Забиба, но цари меряют все иначе, чем вы.

- Да, царь мой, но когда понятия и нормы царя и его народа сближаются, формируется некоторое единодушие, необходимое для того, чтобы крепло царство и возрастало величие и могущество царя.

- Ты считаешь, что нет нужды иметь множество сыновей, которые станут моей опорой в несчастье и в горе, если они вдруг нагрянут?

- Да разве смогут все те сыновья, о которых ты мечтаешь и которых сумеешь родить, сравниться числом с целым народом, с его половиной и даже с четвертью?

- Нет, Забиба, но почему ты задала этот вопрос?

- Я хочу сказать тебе, что для того, чтобы обрести реальную защиту, тебе следует идти в другом направлении. Ты должен сделать так, чтобы народ встал на твою сторону.

- А кто он, этот народ?

- Кто твой народ, мой великий царь? Ну, прежде всего солдаты твоей армии, но только не наемники и чужеземцы, которых в твоей армии большинство.

- Разве это возможно, Забиба?

- Возможно, мой царь, если ты сам этого захочешь.

\* \* \*

Говорила мудрая старуха, что стал царь ревновать Забибу даже к ее мужу. Поэтому он постоянно придирался к ней из-за него, но делал это осторожно. Она же отвечала ему:

- А что я могу поделать? Подумай и рассуди сам. Он муж мой по твоему закону, и я

вынуждена делать все, что он от меня требует. Но то, что я вынуждена делать, еще не отражает моих желаний!

А когда он отвечал ей, что знает это и все понимает, оба они смеялись, считая эту проблему недостойной их внимания и не способной препятствовать их отношениям. Любовь их от этого не ослабевала.

\* \* \*

Пришла как-то Забиба во дворец царя. И царь, который всю свою жизнь отдал в заложницы своей любви к ней, хотя бы и тайной, заметил, когда вышел ее встречать (а интуиция редко его обманывала), что она не такая, какой была, когда они расстались в последний раз.

И сказал царь:

- С недавних пор, Забиба, я стал замечать, что ты чем-то обеспокоена. Я пытался обдумать все, что нас окружает, и все отношения между нами, но так и не смог найти причину твоего беспокойства.

- Нет никакого беспокойства, мой царь, поверь мне.

- Но я вижу, Забиба, что ты неспокойна. Я не вижу, чтобы что-то веселило тебя и доставляло радость твоей душе. Ничто тебя не радует. Даже наши отношения приобрели оттенок рутины и обыденности. А поскольку монотонность и перелистывание изо дня в день одних и тех же страниц наших отношений навевают скуку, наверное, в твоей душе поселилась тоска и теснит твою грудь.

- Да, мой великий царь, монотонность и повторение, которое не позволяет избежать монотонности, навевают скуку, но никакое повторение не вызывает скуку, если человек всем сердцем его желает, если стремится к нему всеми чувствами и всей душой.

- Как понимать это, Забиба?

- Разве не обычно то, что восходит солнце и что оно заходит? Разве не привыкли мы к таким явлениям, как восход луны или дуновение северных ветров, освежающих человека? Разве еда и питье могут надоесть?

- Правильно, Забиба. Все эти вещи не могут надоесть, и к тому же без них не может быть самой жизни. Ничем нельзя их заменить. А то, без чего человек не может обойтись, не в силах навеять на него скуку или сделать обыденными его отношения.

- Что ты имеешь в виду под его отношениями, мой царь? Как вижу, ты стал рассуждать о человеческих понятиях применительно к себе!

- Да, Забиба, это я делаю для того, чтобы узнать, что не дает тебе покоя, и понять, как развеять твое беспокойство и твою печаль.

- А зачем тебе все это, царь мой?

- Ничего мне не нужно, Забиба, кроме того, чтобы ты была счастлива и чтобы радость вернулась к тебе.

- Когда ты заметил во мне признаки того, о чем говоришь?

- Несколько недель назад.

- Это потому, что все это время наши мнения расходились, прежде чем нам удавалось прийти к одному решению?

- Я задал себе тот же вопрос, Забиба, но понял, по крайней мере относительно себя, что разногласия не вызывали во мне беспокойство или печаль, ведь они - дело обычное. К тому же эти разногласия ослабевали по мере того, как мы узнавали друг друга и у нас стали появляться общие взгляды на мир.

- Но ведь ты не можешь судить о силе, терпении и чувствах людей по себе, мой царь, поскольку другие люди могут и не обладать этими качествами в том виде и в той степени, что и ты. Получается, что твои сравнения и выводы нереалистичны.

- Я согласен, Забиба. Поэтому я и сказал себе, что никто не знает Забибу так, как она сама.

- Но и ты тоже меня знаешь, царь мой.

- Я тебя знаю, но ты опровергаешь мои выводы и тем самым высказываешь сомнение в

том, что моей интуиции достаточно, чтобы понять тебя правильно. Но прежде, чем я скажу, что раз уж мне не удалось узнать правду о твоём состоянии, то интерес мой на этом исчерпан, прошу тебя дать мне знать, виноват ли я или кто-то другой в этом, а если виноват, то как и почему. Если дашь на мой вопрос честный ответ, у меня появится возможность найти действенное и практическое решение, а если нет, я так ничего и не узнаю, меня будут мучить догадки и сомнения, а решение найдено так и не будет. Во всяком случае, то, что я не буду знать причину происходящего с тобой, будет означать, что ты отвергаешь все мои попытки помочь тебе.

- Но ведь я сказала, что для такого предположения нет оснований, потому что не вижу ничего такого, что могло бы заставить тебя сомневаться. Я счастлива, но я переживаю за нашу любовь.

- Тебе не дает покоя моя любовь к тебе, или ты сомневаешься в своих собственных чувствах?

- Нет, за тебя я спокойна, да и за себя тоже. Но я прихожу в трепет, когда представляю себе картину счастья, которое я переживаю из-за того, что наша любовь стала такой небывалой. Меня беспокоит то, что наша любовь перестала быть обыденной. Она поднялась до невероятной высоты, покинула пределы видимого и осязаемого, пределы того, о чем можно услышать или прочесть, и достигла такой вершины, какой никто еще не достигал.

- То, что позволило достичь вершины, поможет преодолеть ее и подняться на новые высоты. Если не дорожить тем, что помогло нам достичь определенной высоты, невозможно будет одержать победу над новой вершиной.

- Ты стал изъясняться по-военному, когда сказал о победе над новой вершиной!

- Да, Забиба, ибо восхождение любви означает победу над всем, что этой любви препятствует и не дает подняться на новые высоты. Это напоминает справедливую победу над врагом, посягнувшим на то, что нам дорого. Разве отсутствие любви в человеке это не то состояние, которое ослабляет его роль и его качества, то есть его самого? Разве не естественно то, что человек любит человека? Что ему нравится играть свою роль? Что он любит людей, чтобы служить им? И что в нем самом и в том, что его окружает, присутствуют те факторы и преграды, которые не позволяют ему вести себя естественно? Не дают мобилизовать всю свою энергию, чувства и способности, мешают достичь в них новых вершин?

- Истинны слова твои, царь мой, - сказала Забиба, как бы давая этим понять, что многого ему узнать о ней не удастся.

Замолчал царь, не поверивший в то, что Забиба открыла ему все, что знала о себе, и недовольный ее ответом на свой вопрос.

Замолчал, чтобы не разгорелся между ними спор, и стал успокаивать себя, чтобы не дать волю гневу и не сказать, что он уверен в правоте своей догадки и в том, что сказанное ему Забибой (хотя и было в нем то, от чего можно было впасть в беспокойство по поводу его любви) все же не является истинной причиной ее состояния.

И стал рассуждать про себя:

- Важно, что я в состоянии найти причины, объясняющие явление, хотя она и не желает открыть их мне, а также важно, что я могу исправить положение и вернуть ей ощущение счастья и радости. Все это радует и успокаивает, хотя мне придется довольствоваться только тем, что я знаю об этой женщине, в надежде понять, что у нее на уме. Разве не скрывает женщина свои тайны от самого близкого ей мужчины, обсуждая их с теми, кто ничуть ей не близок? Разве не отличается она от мужчины, который доверяет свою тайну только тому, кто умеет ее хранить, тем, что раскрывает секреты по своему усмотрению, повинувшись какому-то голосу в своей душе? Если мужчина доверяет свои тайны женщине, то редкая женщина откроет свои секреты мужчине, даже если это самый близкий ей человек. Мужчине женщина предпочитает доверять чужие тайны, а не свои собственные. Поэтому, если хотите выведать секреты женщины, следует иметь дело с ее подругами и с теми женщинами, которые ей ближе всех. Если женщина не желает поделиться с близким ей мужчиной своими секретами,

значит, то, о чем она не желает говорить, может вызвать его недовольство. Я вполне могу представить себе, почему она не желает помочь мне узнать причину ее беспокойства, отказываясь тем самым от моей помощи, которая могла бы избавить от него.

Нет больше ничего, что можно было бы принять в расчет как предполагаемую причину того беспокойства, в котором пребывала Забиба (а была она несколько расстроена, но не подавлена), не считая того, что ее муж, которого она долгое время избегала, придумывая один предлог за другим, принудил-таки ее к близости.

Забиба прекрасно понимала, что ее муж имеет законное право на близость с ней, но ее отношения с царем, казалось, все сильнее отягощались отношениями с мужем. Она никак не предполагала, что царь полюбит ее, и не стремилась к этому. Чисто женская любознательность толкнула ее на то, чтобы проверить истинность чувств царя к ней.

Забиба отыскивала повод, чтобы убедиться в них, и думала про себя, что лучше всего проверить чувства царя к ней, рассказав ему о некоторых сторонах ее отношений с мужем, например о том, что вышла за него замуж по принуждению. Рассказывая ему о своем личном, она замечала, что царя ничуть не смущает разница в их положении. Напротив, царь сам иногда раскрывал ей свои секреты. Каждый из них, казалось, нашел себе того, кому он может поведать о своих трудностях, чтобы облегчить свою душу и скинуть с нее камень. При этом царь иногда подшучивал над ней из-за ее отношений с мужем.

Царь снова сказал:

- Я вижу, ты чем-то озабочена, Забиба.

- На душе моей тяжкий груз, царь мой. Поверь мне, то, что случилось, произошло против моего желания, - так отвечала ему Забиба.

Женщина пребывала в трудном положении, и он поверил ей, но стал размышлять про себя:

- Хочет ли Забиба с моей помощью избавиться от своих отношений с мужем? Или она желает привлечь мое внимание к тому, чему я, по ее мнению, не придаю значения? Что будет, если я открыто признаюсь ей в любви и освобожу ее от тяжелой связи с мужем? Разве любовь запретна? Она вышла за своего мужа, повинувшись желанию своей семьи, поэтому получается, что ее замужество зависело от решения семьи. А если она полюбила меня, это решение принадлежит ей одной. Разве не отличается тот, кто принимает решения самостоятельно, от того, кто просто исполняет чьи-то решения? Я должен сказать ей. Должен избавить ее от этого кошмара.

Потом он подумал:

- А вдруг она не пожелает, чтобы наши отношения перешли в женитьбу? Разве не жила она с мужем и не имела с ним близость?

А потом подумал еще:

- Но ведь она может говорить правду о том, что вынуждена была вступать в связь со своим мужем, выполняя обязанность, предписываемую их отношениями, а пример этот из тех, когда человек делает для другого то, к чему у него нет ни желания, ни умения.

Он опять стал подтрунивать над Забибой, которую полюбил всем сердцем, напоминая ей о том, что было у нее с мужем.

Рассердилась Забиба и сказала:

- Поверь мне, мой царь, я чувствовала себя так, как будто меня не взяли, а избili плетью. Что я могла поделать? Что бы ты стал делать на моем месте?

Царь ответил ей резко:

- Но как я могу встать на твое место, Забиба? Разве может царь оказаться на месте женщины?

Забиба, возмущенная тем, что он рассердился на нее, сказала:

- Да, царь может быть как женщина!

- Как это, Забиба?

- Царь может быть как женщина, которая спит с чужим ей мужчиной, если он не ведет свою армию, чтобы защитить государство от вторгшихся чужеземных полчищ. Разве не так

говорят о многих царях вокруг нас? Они не мстят за свою поруганную честь и за честь своих народов, и даже женщина ведет себя иначе. Разве не бьются многие из женщин с захватчиками, когда на их страну нападают враги, в то время как мужчины заняты борьбой на другом фронте?

Рассердился царь, услышав то, что сказала Забиба, но сдержал данное себе обещание, что будет обращаться с Забибой как с равной, и ответил:

- Если то, о чем говоришь ты, можно сказать о царях вокруг нас, это их дело. Если ты говоришь, что те цари могут поменяться ролями с женщинами и возлечь на ложе с их мужьями, пусть меняются. Но смотри, не сделай ошибку, думая, что то, что говорят о царях в других государствах, можно сказать и о твоём царе! И вообще, во всем, что касается меня, тебе лучше придержать свой язык и выбирать, прежде чем что-то сказать, выражения. Не покидай рамки дозволенного.

- Ах, вот как? Придержать язык? А разве не говорила я тебе, что невозможно, чтобы царь разговаривал с простолудином на равных?!

Увидев, что он жестоко с ней обошелся, царь погладил ее по голове, а потом сказал сам себе:

- Интересно, целует ли ее муж в губы?

А потом сам ответил на свой вопрос:

- Ее муж - поверенный в делах одного из эмиров. Он не любит ее, поэтому вряд ли целует в губы. Разве не целуют люди в губы только того, кого любят?

Когда признался он ей в том, о чем думал, она ответила ему:

- Прежде всего, я хочу сказать тебе, мой великий царь, что любовь это уверенность того, кто любит, в том, кого он любит. Любовь не подчиняется классовым законам, а значит, это чувство свойственно и царям. Любовь - это качество того, кто любит, будь он царем или простолудином, рыболовом или крестьянином, полководцем, работником или полицейским. Я полюбила тебя не потому, что ты царь. Моя любовь - проявление моей свободы и моего человеческого естества. Я полагаю, что ты тоже полюбил меня не потому, что я царица.

Забиба вздрогнула, когда у нее случайно выскочило: "или полицейским", и поправилась:

- Нет, не полицейским. Твои полицейские на эту роль не подходят, мой царь.

- Ты полагаешь, что у моих полицейских есть недостатки, которые лишают их человеческого облика и не позволяют им любить так, как любят все те, о ком ты говорила?

- Нет, мой царь, боже упаси меня оскорблять твоих полицейских. Но разве полиция может кого-то любить?

Царь ответил ей не раздумывая:

- Полиция в любом государстве похожа на своего царя, и если царь может любить, значит, может любить и полицейский. А если царь не обладает человеческими качествами, позволяющими ему любить, то и полиция их не имеет.

- Да, мой царь, это правильно. Но только наша полиция на тебя не похожа.

- Чем это она на меня не похожа?

- Своим поведением и своей моралью, мой царь. Испокон веков в твоём государстве ее руки в отношении народа развязаны. Она полагает, что постоянно должна держать народ в узде.

- Что ты хочешь этим сказать?

- Полиция преследует меня так, что это стало невыносимым. Я не могу даже вдохнуть по собственному желанию, как того требует моя свобода.

- Разве ты не говорила, что свободна в моем дворце, потому что, благодаря твоей любви ко мне и моей любви к тебе, обрела свою душу после того, как ее потеряла, когда вышла замуж и покорилась желаниям своего мужа против своей воли, только потому, что это предписывалось тебе браком, от которого некуда было деться?

- Да, я едва не погибла, лишилась всего человеческого. Не предполагала я, что мой выбор падет на тебя. А пал он на тебя не из-за царского трона, а потому, что я нашла в тебе

те качества, которые искала. Да, мой царь. Ты снова вернул мне свободу, я снова обрела человеческий облик.

- А что же теперь случилось?

- Моя свобода под угрозой, великий царь. Разве не свободна я быть в постели со своим мужем? - спросила Забиба.

- Конечно, свободна, если на то есть твоя воля, - ответил царь.

- Да, я желаю этого, если ты против этого. Но это желание мне навязано, и я буду сопротивляться ему, если ты будешь не против него.

- Таково устройство души простого человека, Забиба? Неужели воля царя настолько обременительна для народа?

- Да, мой великий царь, потому что царь будет одним из нас, если он даст нам свободу, и не будет одним из нас, если он этой свободы нас лишит, а мы предпочитаем того, кто такой же, как мы.

- Получается, что я полюбил не такую, как я.

- Это не так, мой царь. Ты полюбил ту, которая соответствует твоему естеству, стесненному царской короной и скрытому от тебя. Что до меня, то на мне нет царской короны. Да я и не могу носить ее, даже если этого захочу.

- А ты хочешь корону, Забиба?

- Да, мой великий царь, мне нужна она, и мне нужен ты. Но я хочу каждого из вас по отдельности, а не в виде одного целого. Мне нужна корона, если ты будешь ее господином, а не пленником. Я не хочу, чтобы корона возвышалась над твоей головой и ты был ее заложником. Я хочу, чтобы ты возвышался надо мной и был одновременно рядом со мной и в моей душе. Чтобы ты был совестью народа, его символом, рыцарем, а не признаком его слабости. Я хочу, чтобы корона на твоей голове была твоим символом, а не госпожой твоей и оковами, и чтобы были мы, ты и я, как две души в одном теле, а корона была бы символом нашей чести, а не позора. В этом случае твоя корона не овладеет мной, а напротив, освободит, даже если будет на моей голове и если я буду владеть ею, как и ты. Ты будешь возвышаться над головой моей выше короны. А над тобой и надо мной будет наша свобода, идеалы нашего государства, нашей нации, нашего народа.

Выслушав Забибу, царь сказал:

- Я полюбил тебя, чтобы поднять твое и мое достоинство любовью искренней, во всем ее великолепии и в полном ее смысле, а не для того, чтобы кто-то из нас двоих казался слабым. Поэтому я не согласен делить тебя с тем, кого ты не желаешь, и не уверен, что его участие здесь уместно.

Сказала Забиба:

- Ты прав и неправ, мой великий царь, и прости меня, если тебе покажется, что я говорю несколько заносчиво. Но кто твой друг: тот, кто говорит тебе правду, или тот, кто тебе верит?

- Тот, кто говорит правду, Забиба. Но что ты хочешь этим сказать?

- Я выбрала тебя в согласии с твоими законами, оставляющими за мной право выбора. Еще я выбрала тебя, чтобы своей любовью возвысить твое достоинство. Я открываю тебе дверь к любви народной. Народ полюбит тебя, когда поймет, что ты его любишь. Любовь народа, а не корона укрепляет достоинство, мой царь. Если ты думаешь, что можешь поднять мое достоинство, только приблизив меня к себе, без любви и свободы, а любовь народа придет к тебе, когда он узнает о том, как ты приблизил к себе одну из его дочерей, ты не прав, царь мой, потому что, если ты не будешь любить народ, ты не будешь любить и меня, и я не буду любить тебя, ибо в этом случае мы окажемся двумя разными людьми, каждый из своего окружения. Получится точно так же, как в моих отношениях с мужем, который, как ты говоришь, не видит во мне мое естество и обращается со мной как с предметом. Так представь себе, мой великий царь, как ведет себя человек, когда с ним обращаются как с предметом. Разве он не восстает и не ищет новый путь для того, чтобы реализовать свое право выбора?

- Все верно.

- Я выбрала тебя, чтобы распорядиться своей свободой по своему выбору и по своей воле. Таким образом, я могу выразить свое "я" в наших с тобой отношениях. В отношениях с такой простолюдинкой, как я, ты тоже проявляешь себя, но когда твоя полиция неотступно следует за мной и когда ты сердишься на меня только из-за того, что муж мой имеет близость со мной, мои отношения с тобой становятся для меня бременем. Ты лишаешь меня свободы и не позволяешь распоряжаться моим человеческим естеством и чувствами по собственному усмотрению. Поэтому ты сравнялся с моим мужем, и я теперь имею право искать... - Она замолчала.

- Искать другого человека?

- Прости меня, мой великий царь. Это потому, что любовь укрепляет того, кто любит глубоко, и дает ему свободу мысли и принятия решений, а также укрепляет в нем такие высокие качества, как честность, добродетель, смелость, откровенность и вера в справедливое дело.

Подняла Забиба голову после того, как опустила ее, говоря все это.

- Немного есть царей, которые черпают свои силы из этих понятий.

- Да, Забиба, немного. Но все цари нашего государства, обладавшие славой и могуществом в истории, черпали свои силы именно из этих понятий. Или, по крайней мере, из их части.

- Вот ты говоришь: слава и могущество в истории. Но не всем царям имя в истории царства нашего дали слава и могущество. Поэтому прославился из них тот, кто был славен своими помыслами и делами, когда сделал эти понятия источником своей власти. Но разве, царь мой, главное не народ? Разве не народ со своими качествами, неотделимыми от этих понятий, со своей славной историей внушил тому, кто прославился благими делами, чтобы он стал таким?

Царь сказал:

- Да, Забиба, ты сказала верно. Потому что все равно: внушил ли народ то, что он внушает из добрых качеств, или царь почерпнул эти качества из другого источника, каким бы он ни был. Если бы добрые качества не притягивали народ, царь не смог бы прославиться ими, потому что прославиться можно великими делами, а царь не способен вершить великие дела в одиночку без великого народа и великой нации. Разве не зависит вершина горы от ее основания и от ее высоты?

- Прекрасно, царь мой. Ты царь, но часто говоришь теперь так же, как все мы, и часто понимаешь так же, как понимаем все мы. Поэтому я тебя и полюбила, мой великий царь. Да, великий царь славен великими делами. Но все его свершения осуществляет народ.

- Ты сказала "часто", и всего-то? - спросил царь удивленно. - Но я говорю и понимаю так же, как говорите и понимаете вы.

- Да, мой царь, в последнее время ты часто стал говорить и понимать так же, как мы, и этого пока достаточно. Я говорю "часто", а не "всегда", потому что если бы ты понимал, поступал и чувствовал так же, как мы, то перешел бы из нашего мира в другой мир. Не в наш мир и, конечно, не в мир царей. Ведь мир богов очень похож на этот мир, несмотря на то, что боги здесь материальны. Разве тот царь, который понимает все и ведет себя, и чувствует как его народ и сыны нации, не попадает в разряд богов? А разве боги не воплощение качеств народа, совести нации, чувств бедняков и их чистоты в царе, который любит свой народ и от которого ждут, что он осчастливит свой народ и развеет его печали?

- Ты сказала, что я часто, хотя и не всегда, бываю похож на вас и что за это ты меня полюбила, Забиба. А что, если в тех качествах, которыми я похож на сынов народных, я достигну совершенства?

- Если ты вполне обретешь все качества, ты станешь богом или подобным богу, мой великий царь, и тогда я не смогу любить тебя или не захочу этого.

- То, что ты не сможешь меня любить, понятно. Но почему ты перестанешь желать меня, если я стану богом или подобным богу?

- Потому что я человек, мой царь, и полюбила тебя как человека. Я хочу, чтобы ты оставался человеком из плоти и крови, чтобы я любила тебя как женщина, а не поклонялась тебе.

- Неужели нельзя одновременно соединять в себе элементы божественного и человеческого, Забиба?

- Нет, мой великий царь, в этом случае получится поклонение человеку-богу. Вот если в ранг предмета поклонения возвести человеческие качества, тогда ты станешь царем, которого будут любить так же, как бога.

- Несмотря на твой острый язык, я люблю тебя. И знаешь почему, Забиба?

- Прости меня, царь мой, не знаю.

- Я полюбил тебя, чтобы не увяло мое нутро и чтобы я не отдалился от жизни. Чтобы сохранил близость к народу, был его частью и вел его за собой. Я не желаю становиться одним из богов, стоящих в святилище и принимающих обеты поклоняющихся. Хочу жить вместе с вами и среди вас, встречать с вами рассветы. Хочу, чтобы мы вместе вдыхали воздух и аромат, исходящий от пальм, нюхали розы, молились о том, кто ушел в мир иной, искореняли предательство и все скверное.

Когда царь говорил все это, Забиба слушала его умиротворенно, но когда дошел он до фразы "искореняли предательство", она вздрогнула и зрачки ее глаз расширились до предела. Она пробормотала:

- Разве цари не любят предательства, разве они не плетут заговоры и измены в коридорах своих дворцов и даже в покоях своих жен, наложниц и невольниц? Нет, в нашем царстве или, по крайней мере, в нашем царе нет того, что есть в других царях. По своим качествам он больше похож на нас.

После чего продолжила уже вслух:

- Когда правит царь, который по характеру своему близок к народу, качества его, сближающие его с народом, подвергаются испытанию по мере того, как он забывает о несчастьях, пережитых им в юности, и царское высокомерие берет над ним верх. Только в том случае, если царь будет преданным делу народа, если будет сражаться за него с мечом в руке и рисковать ради него своим царским титулом, сможет он привести нас к вершинам славы.

Догадался царь, о чем рассуждает сама с собой Забиба, и сказал ей:

- Я уже понял, что мне необходимо, чтобы проявить свою человеческую сущность, поэтому я не сверну с пути. И если ты где и найдешь измену, то не на троне нашего государства. Или, точнее и правильнее будет сказать, не среди сынов нашего государства.

- Но я боюсь твоего шайтана, мой царь. Ведь это шайтан творит измену. А разве не сидит он в каждом из нас, мой царь? Мы с тобой сложили наших вместе, поэтому они могут взять верх и заставить тебя предать свое дело, да еще шайтан, сидящий во мне, может заставить меня предать тебя, но не заставит предать народ, или скажем так: души народа сильнее, тогда как души царей слабее его. Когда шайтан намекает царям, что они могут лишиться трона или, прибегнув к предательству, сохранить его за собой, или когда царями овладевают другие искушения, они поддаются своей слабости и искушениям. А еще подобное бывает, когда на их трон и власть посягают родственники.

Произнеся последнюю фразу, она заметила подозрительное шевеление за занавеской. Царь в это время стоял лицом к ней и спиной к тому месту, где было шевеление. Вдруг из-за занавески выскочил человек, сжимающий в руке меч.

Закричала Забиба:

- Осторожно, мой царь! - и изо всех сил рванулась вперед, чтобы заслонить его. Она успела заметить, что тот, кто сжимал в руке меч, желая поразить царя в спину, был его двоюродным братом, командующим его армии. Грудь Забибы в решительный момент оказалась к нему ближе. Она медленно осела на пол и закричала:

- Вот она - измена домов царских, великий царь!

Царь опередил предателя и первым нанес ему сокрушительный удар в голову. В углу

он увидел одну из своих жен, готовую принять известие о смерти царя.

Царь вернулся к Забибе, обнял ее, поцеловал и сказал:

- Разве не говорил я тебе, Забиба, что ты никогда меня не предашь и что шайтан не возьмет над тобой верх?

- Нет, нет, я не предам. Царей предают те, кто их обманывает, те, кто делит с ними власть, и их эмиры. Это они предают, мой царь.

- Шайтан толкнул их на то, что им не удалось со мной сделать.

- Будь осторожен, мой царь. Что будет, если эмир или кто-нибудь из власти имущих будет замышлять против тебя и подойдет к тебе с ножом одного из народа, того, кто не в силах сопротивляться шайтану? Воистину, царь мой, сама власть - Иблис.

С того дня поклялся царь, что будет жить для народа и ради него и не будет доверять ни царю, ни эмиру, ни хранителю царского жезла или царской печати. Поклялся он жить вне дворца, никогда не входить в заброшенный дом\* и возжигать фимиам на полях и на могилах сынов народа.

\* \* \*

После того как против царя был организован заговор и он вышел из него невредимым, а Забиба была тяжело ранена, пораженная предателем в грудь, она лежала в личных покоях царя в его дворце. Ее посещали врачи, и царь не расставался с ней, пока не закончилось лечение. Возлежал царь в соседней комнате, чтобы она всегда была рядом, и время от времени навещал ее, дабы справиться о ее здоровье. Всякий раз, когда состояние Забибы позволяло ей, она заговаривала с царем или он сам начинал беседу. В один из дней, когда Забиба лежала на постели, между ними случился разговор.

- Что ты думаешь делать, великий царь?

- По поводу чего?

- По поводу заговора, направленного против тебя и против царской власти, конечно.

- Пока еще не решил.

- А вот враги твои решили и уже приступили к выполнению задуманного. Тебе необходимо подумать, как противостоять им, и если этого не сделать, они так и будут посягать на тебя. Они опередили тебя, чтобы помешать тебе осуществить то, что ты задумываешь.

- Но тот, кто на нас покушался, Забиба, уже убит.

- Тот, кого ты убил, мой царь, всего лишь коготь одной лапы, но живы еще все те, кто желает убить тебя и завладеть твоим царством, или, возможно, примкнуть к таким людям, или толкнуть их на то, чтобы убить тебя.

- Ты права, Забиба, но что же нам делать?

- Следует поручить кому-то промерить глубину заговора и узнать, до каких пределов он распространился. Только узнав это, ты прояснишь картину заговора. А сейчас сказать что-либо трудно. Быть может, вот этот посольный в рядах заговорщиков, или вон тот врач, - сказала она и указала на каждого пальцем.

- А какой им интерес примыкать к заговорщикам, Забиба?

- Поистине, тот, чья душа опустошена, может преследовать свои низкие цели и быть убежденным в своей правоте. И тогда любая его цель будет для него оправданием для участия в заговоре.

- И даже посольный, Забиба? Какую цель может преследовать царский посольный, вставая на сторону заговорщиков?

- Я привела эти примеры просто для того, чтобы привлечь твое внимание, но я еще никого не обвиняю, а всего лишь воображаю. Можно представить себе то или иное обстоятельство, потом подумать, насколько оно реально. Но это, конечно же, хуже, чем знать наверняка. А людей, которые были в этой комнате, то есть врача, который меня лечил, и посольного, которого ты приставил ко мне, чтобы он выполнял мои просьбы, я взяла только для примера.

Что до обвинения, то его должны выносить следователи и судьи, когда у них появятся

улики против подозреваемых. А по поводу того, какой может быть интерес у посыльного, чтобы примкнуть к заговорщикам, я скажу, что и его роль можно подвергнуть рассмотрению. Тот, кого не прельщает роль и кто не в силах до нее подняться, может скатиться до нее в силу противоречивых устремлений.

- Ты думаешь о том, чтобы провести следствие и устроить суд, Забиба?

- Конечно, царь мой. Разве это не правильный способ, позволяющий определить масштабы заговора и отыскать заговорщиков?

- Но ведь благодаря этому известие о нашем позоре разнесется далеко за пределами дворца, Забиба. И тогда другие, узнав, что кто-то уже осмелился на заговор против царя, будут плести против нас заговоры.

- Воистину, знать все случившееся подробно, в цветах и красках, как оно было, лучше, чем оставить вне поля зрения. Дурные явления не исчезают сами по себе только от того, что их не замечают. Любая ситуация такого рода требует исправления. Знать дело так, как преподносит его заинтересованный человек, нередко, особенно когда дело касается власти, лучше, чем оставаться перед широкой полосой неизвестности и позволять тем, кому есть до этого дело, говорить все, что им заблагорассудится, распространяя среди людей слухи.

- Но не лучше ли зарыть труп, чем оставить его лежать на земле, Забиба?

- Конечно, мой великий царь. Но ведь иногда, когда убивают животное, его труп оставляют ненадолго на земле, чтобы люди видели его, и только потом зарывают. Делают так, чтобы потом не поползли слухи, будто бы это был труп еще одного угнетенного.

- Но ведь решить такую задачу непросто.

- Да, мой царь, непросто, но это твоя задача, и тебе ее решать. Тебе необходимо знать, когда, как, где и кто занимается такими вещами.

- Да, Забиба, все верно, но путь этот сложный, а иногда и тернистый.

Отвечала Забиба:

- В этом и заключается роль и ответственность царя, мой господин. Путь его труден и тернист, и все потому, что он не признает одной стороны, одного состояния или одного цвета, и нет у него одного четкого направления. Цвета и состояния меняются постоянно вместе с цветами жизни, ее мотивами и направлением движения. Еще труднее будет, если царь не пожелает быть цветом среди других цветов, если его движения и ритм не будут соответствовать движению и ритму жизни вокруг него. Если он, выбрав себе цвет, остановится на нем и будет выделять его среди всех остальных. Если этот цвет будет главной особенностью его личности, если он изберет для себя движение и ритм, которые удобны только ему.

Тогда царь сказал:

- Быть тому! Я прикажу кому-нибудь докопаться до сути.

- Если позволишь, мой царь, я попрошу тебя приказать арестовать всех тех, кто знал о готовящемся заговоре и не предупредил тебя о нем или принял в нем участие.

- Один из них тот, кто хотел убить меня и ранил тебя, когда ты закрыла меня собой, моя любимая, верная и преданная Забиба.

- Один - всего лишь наконечник отравленной стрелы, мой великий царь, поэтому так необходимо найти лук и колчан, да еще те стрелы, которые не были выпущены, потому что не представился случай или потому что обстоятельства и характер цели этого еще не потребовали.

- Но ведь убийца держал в руке меч, лука у него не было, Забиба.

- Я говорю только аллегорически, царь мой. Каждое понятие из тех, которые я упомянула, можно приписать человеку. Стрела символизирует одного человека, стрелы - многих людей. Колчан может символизировать тех, кто организовал этот враждебный акт и готовил его. Лук означает выбор плана и средств для его осуществления.

- Теперь все понятно, Забиба! Мы непременно все узнаем, когда соберем тех, кто займется поиском истины. И бросим в заключение каждого, кто этого заслужил.

После этих слов Забиба сказала царю:

- В таком случае придется сразу же схватить некоторых из тех, кто нас окружает, иначе в отчаянии своем они нападут на нас. Кое-кто из них был вместе с убийцей, в этом не может быть никакого сомнения.

- Но я никого не заметил рядом с ним, Забиба.

- Жена твоя, царица, была с ним, в месте, которое удалено от ее покоев. Она пришла к нему тайно и, вероятно, играла свою роль в том, что произошло.

- Разве женщине доступно играть какую-либо роль в заговоре?

- Да, мой великий царь. Роли в заговоре расписываются между всеми, преданными делу. И если в этом деле есть свои обязанности у мужчины, они могут быть и у женщины.

Царь сказал:

- Я заметил ее и удивился ее присутствию. У меня не возникло подозрения, что она пришла сюда не случайно, или, точнее сказать, я не задал себе вопрос о том, почему в тот самый момент она оказалась там.

Сказала Забиба:

- Некоторые цари сомневаются во всем, поэтому у них не остается убеждения, на которое опиралась бы их совесть и на котором строились бы их размышления. Их раздражают сомнения, словно они впервые увидели перед собой жизнь и пути ее. Мы не хотим, чтобы ты был таким, и не желаем тебе этого. Но есть и такие, кто не подвержен сомнениям, потому что не прислушивается к своей душе и к своему окружению, не придает им особого значения.

- Это описание распространяется и на меня, Забиба?

- Нет, царь мой, боже упаси меня от такой мысли. Я буду казнить себя, если несправедливо тебя обижу. Но то, что заставило тебя не придать значения роли царицы, как ты сам это описал, исходило как раз из твоего сомнения в том, что она играла такую роль. И все потому, что ты ни при каких обстоятельствах и ни в коем случае не мог предположить, что она твой враг. А еще из-за твоего чувства неограниченного могущества, которое позволило тебе не принимать меры предосторожности и стало причиной беспечности, заманившей тебя в ловушку. Еще ты считаешь, что если что-то принимаешь и что-то отвергаешь в отношениях с людьми, то и другие люди поступают точно так же. Из-за недостатка опыта это приводит к ошибкам при оценке людей, ибо не все люди похожи на того, кто ими управляет. Они будут плохими, если с ними плохо обходиться, и добрыми, если обходиться должным образом, но твое влияние на их качества будет весьма незначительным.

Ты игнорировал ее как человека и оставил ради других жен и наложниц. Поэтому ты и не придавал значения ее присутствию и не потрудился расспросить о том, почему она там оказалась. Ты не удостоил ее взглядом и повел себя по отношению к ней так, будто она простая вещь. Лучше сказать, ты взглянул на нее как на одну из тех, кому обычно положено находиться за занавеской, чтобы вовремя являться и выполнять все твои требования, обслуживать гостей или выполнять обязанности стражи, а не как на царицу или хотя бы как на одну из своих жен.

- Итак, Забиба, ты считаешь, что ее необходимо схватить и бросить в тюрьму?

- Нет, мой великий царь, если ты не против, я предлагаю содержать ее не в тюрьме, а в укромном месте, а дело ее должно стать тем трупом, который следует немедленно закопать. Полагаю, что лучше всего содержать ее во дворце, только не в твоих личных покоях. Пусть кто-нибудь прислуживает ей, но не из числа тех, кто прислуживал ей как царице. Тот, кто будет служить ей и охранять ее, должен получить от господина моего царя четкие указания. Самое важное, что эти указания должны содержать формулировки типа "разрешается", а не "запрещается". Если тот, кто будет ответственен за это дело, запутается и что-то будет ему неясно, он должен сразу же прийти с этим к царю.

- А почему нельзя определить, что запрещается?

- Если установить то, что запрещено, границы того, что разрешено, расширятся до бесконечности, и каждый сможет толковать это так, как ему будет удобно. Вместе с тем,

если установить то, что запрещено, каждый заинтересованный человек будет считать своим долгом по собственному усмотрению вносить новые запреты. Запреты устанавливаются можно, но только не в этом случае, мой великий царь. Это допустимо тогда, когда речь идет о законе для народа, чтобы дать людям широкое пространство для деятельности и суждений и чтобы люди знали, что им запрещено, запомнили это и не совершали недозволенного.

- Но почему не оставить с ней тех, кто прислуживал ей раньше, а обязательно заменять их новыми людьми?

- Потому что до сих пор она считается царицей, - сказала Забиба. - Как царица, она сохранила огромное влияние на людей, особенно на тех, кто ей прислуживал. Когда она будет находиться в новом месте, которое ты для нее изберешь, люди, которые раньше обращались с ней как с царицей и у которых сформировалось к ней определенное отношение, будут вести себя с ней в соответствии с ее титулом и с удовольствием или без удовольствия выполнять все ее поручения. Если она прикажет им, они позволят ей выходить, куда ей заблагорассудится, пускать к ней всех тех, кого она захочет видеть, и она сможет даже шпионить за тобой. Разве царицы не шпионят за царями?

Засмеялся царь, улыбнулась и Забиба.

- Ты на редкость сообразительна, Забиба!

Забиба сказала:

- Жизнь сделала меня такой, царь мой.

Царь отвечал:

- Я тоже живу этой жизнью, и я старше тебя, но я не знаю тех вещей, которые знаешь ты, хотя все, о чем ты говоришь, находится перед моими глазами. Только когда ты говоришь, я понимаю, что все это правильно.

- Прости меня, мой великий царь, за то, что я с тобой откровенна. Если ты видишь, что я перешла границу дозволенного, молю тебя о прощении и взываю к кротости твоего нрава и к твоему великодушию.

Сказала Забиба про себя:

- Разве не обращаются люди к царям за снисхождением, прославляя и превознося их, исполненные покорности и повиновения, независимо от того, заслуживают они снисхождения или нет.

- Говори, Забиба.

- Я видела жизнь во всех ее прелестях и горестях. Когда я выбираю то, что меня привлекает в жизни, или то, чего я желаю, я не всегда могу получить это, а если мне и удастся что-либо получить, оказывается, что это только самая малость того, что я желала. И все это несмотря на жертвы, бесплодные попытки и мучительное ожидание. Я все время живу на открытом воздухе, мою кожу обжигает июльское и августовское солнце и зимняя стужа. Каждый день в этой жизни мне приходится иметь дело с людьми, с которыми я не желала бы общаться, и шагать такими тропами, идти по которым у меня нет никакого желания, а главное, я лишена свободы выбора. У тебя же жизнь складывается совсем по-другому. Ты почти не видишь дневного света, прямые солнечные лучи попадают на тебя нечасто, а стоит тебе немного замерзнуть, как тебе тут же подадут покрывало, или придет та, которая согреет тебя своим телом, или приготовят напиток, от которого согревается тело и улетает душа.

- Но ведь я появился в этом дворце не так давно, а прежде жил за его пределами.

- Да, мой господин. Но ведь ты жил в другом дворце, и люди почитали тебя как эмира. А теперь с тобой обращаются как с царем. Ты был и остаешься лишенным удовольствия жить среди людей. Ты был лишен опыта общения с людьми, которые при необходимости честно, откровенно и без особого умысла говорили бы тебе "нет", вместо того чтобы, имея в виду определенную выгоду, всегда говорить "да". Разве большинство из тех, кто живет во дворцах, не льстит царю, когда он пребывает на пике своего могущества, и не стремится погубить его, как только он ослабнет?

- Да, в этом что-то есть. Можно сказать, что именно так все и произошло с моим

изгнанием, последующей коронацией и заговором против меня. Но разве быть простым гражданином почетно? Разве не достойнее быть царем, чем обычным подданным, Забиба?

- Чувство гражданской принадлежности и ответственность гражданина гораздо почетнее, потому что все это честь само по себе, мой царь, ее нельзя ни унаследовать, ни получить в награду. Но никакая честь не будет иметь никакого значения, если ей не будет предшествовать глубокое чувство гражданской принадлежности и ощущение того, что это главная честь в понятиях страны, к которой ты принадлежишь, нации и народа, выполнения обязанностей и долга. Тот, кто обладает этим чувством, с честью несет свое знамя. Быть царем тоже честь, но народ не считает за честь то, что не соответствует понятиям, о которых мы только что говорили, то есть если речь не идет о гражданском чувстве и чести быть гражданином.

Я прожила такую жизнь, мой царь, какую тебе прожить не довелось. Ты не испытал ее течения, не отягощенного грехами и заботами дворца. А когда тебе доводится что-то в этой жизни сделать, ты действуешь как новичок, которому опытный игрок позволил записать на свой счет победу над противником, или как ребенок, которого отец обучает игре. Ты испытываешь удовольствие от того, что тебе удастся сделать, и своими действиями можешь одержать победу, но это происходит не благодаря твоему собственному основанию и не благодаря тем способностям, которые приобретают методом проб и ошибок, взлетов и падений, набивая себе шишки.

- Что ты можешь сказать обо мне, Забиба?

- Несмотря на ту форму, воплощением которой ты сейчас являешься, твоя сущность может повернуть тебя в таком направлении, что ты сочтешь возможным и правильным общаться со мной, преданным тебе представителем народа, мой великий царь.

- Быть тому! Но ты говоришь обо мне так, словно я изолирован от своих подданных и не вижу их.

- Самое главное не в том, чтобы ты их видел, господин мой. Главное, чтобы они жили в твоей душе и чтобы ты знал их. Чтобы ты жил среди них и понял, когда и почему они соглашаются, а когда и почему не соглашаются. Чтобы ты приобрел такой опыт, как будто ты один из них в то время, когда правишь ими.

- Но мне приходилось встречаться с простыми людьми, когда я жил за пределами этого дворца. Я встречался со стражниками, садовниками, иногда с поварами.

- Пусть так, мой царь, тебе приходилось иметь с ними дело.

- Но ведь так и было! Я встречался с ними!

- Прости меня, мой господин, я не говорю, что ты обманываешь, я не сомневаюсь в твоих словах. Памятуя о том, что большинство царей лгуны и заслуживают того, чтобы в их словах сомневались, я верю, что сейчас ты говоришь правду. Я поставила слово "пусть так" рядом со словом "приходилось" и сказала "пусть так, тебе приходилось иметь с ними дело", желая показать, что есть разница между состоянием, когда эмир встречается с теми, с кем он иногда встречается, и состоянием, когда человек живет среди других людей. Ты встречался со стражником, который отдавал тебе приветствие, давая тебе почувствовать, что ты эмир. Ты встречался с крестьянином, который склонялся перед тобой и застыл на месте, когда ты проходил мимо, показывая тебе, что ты эмир. Ты встречался с поваром, но только для того, чтобы распорядиться насчет приготовления пищи. Разве ты пробовал ударить кого-нибудь, и разве били когда-нибудь тебя самого, чтобы научить тебя, как следует драться, чтобы, после того как ты упал, ты мог подняться и вернуть долг обидчику и свалить его вместо себя? Пробовал ли ты пройтись босыми ногами по земле, чтобы испытать то, что чувствуют нищие? Бывало ли с тобой так, что ты хотел что-нибудь съесть, но не мог получить еды, познав, что такое чувство голода? Приходилось ли тебе просить в долг на кусок хлеба для семьи или платить за аренду дома, чтобы понять чувства нуждающихся? А пробовал ли ты, как простой человек, убеждать женщину в том, что ты достоин возлечь с ней, дабы после этого ваши отношения стали крепче? Разве вправе та, что должна спать с тобой, отказаться от этого?

- Что касается последнего, то она вправе согласиться или отказаться.

- Но разве все женщины в царских дворцах пребывают в одинаковых условиях так, что каждая может воспротивиться воле царя? Что, если женщина по своей воле откажется переспать с тобой?

Царь отвечал:

- Главное, что она свободна в этом.

- Нет, нет, мой великий царь, та, которую ты пожелаешь, достается тебе при любых условиях, и не бывает так, что тысячи царей соперничают из-за нее, как соперничают из-за нас мужчины в обычной жизни. Царь всегда один. А когда конкуренцию заменяет монополия, свобода выбора исчезает. Если ты ликвидируешь свободу выбора, не предоставляя равнозначной альтернативы, значит, ты предлагаешь неважный товар.

- Разве я неважный товар, Забиба?

- Нет, мой царь, но ты обладаешь законным правом сделать так, чтобы народу жилось хорошо. Ты можешь стать его влиятельным и могущественным вождем. А я хочу стать твоей верной помощницей, которая поддержит тебя во всех этих начинаниях. Если нас обоих ожидает провал, то я вернусь к своей обычной жизни и к своему прежнему состоянию. А ты примкнешь к кавалькаде царей, которых я назвала неважным товаром.

- Ты решила меня оставить, Забиба?!

- Нет, господин мой, вовсе нет. Я решила всегда поддерживать тебя с тех пор, как ты позволил мне быть рядом с тобой, и мне уже однажды выпал шанс показать свою преданность тебе. Я частица своего народа, и в моей совести есть часть его совести, и если нам с тобой ничего не удастся, это будет значить, что это ты меня оставил. А это произойдет в том случае, если ты пойдешь одной дорогой, а народ - другой, если каждый из нас примкнет к своему кругу: ты останешься с царями, а я вернусь к народу.

- Но ведь и простые люди не всегда бывают правы, Забиба.

- Да, но и аристократы не всегда занимают правильную позицию, царь мой, даже по вашим меркам. Только общее мнение народа, как квинтэссенция его существования, оказывается верным, в том случае когда он сам распоряжается своей свободой, а аристократия полностью отвечает за то, что она делает, мой господин. Что же касается отдельных случаев и исключений, то о них особый разговор. В плане того, о чем мы с тобой говорили, позиция народа в отношении царя, который отстранился от него, будет верной.

- А что может заставить народ доверять царю, Забиба?

- Причина доверия кроется в честности. Царь должен быть честным с самим собой и со своим народом, отстаивать интересы народа, а не свои собственные, связывать свою совесть с совестью народа, радоваться и скорбеть вместе с ним. Он должен всего себя отдать народу, избегать своих желаний и научиться у народа быть равным ему.

- Но это не одно качество, а множество качеств, - сказал царь.

- Да, мой царь. А разве одного качества достаточно, чтобы быть царем?

- Разве царь не вершина пирамиды общества и не его голова?

- Разве вершина горы будет вершиной, если она ничем не отличается от склонов? Если предположить, что для царствования достаточно одного качества, то почему ты требуешь от человека многих положительных качеств, чтобы он имел право называться твоим подданным?

- А каких положительных качеств я требую от своего подданного?

- Чтобы он был тебе преданным и не предавал тебя. Чтобы повиновался твоим приказам и по первому зову вставал в ряды твоей армии. Чтобы сражался и не отступал, то есть был храбрым. Чтобы не возмущался, когда ты забираешь его землю и жалуешь ее эмирам или когда расширяешь границы своей собственности. Все эти качества, великий царь, необходимы, чтобы быть твоим подданным, а сам ты, пребывая на вершине власти, ограничиваешься всего одним качеством, полагая, что тебе его вполне достаточно, чтобы быть хорошим царем.

- Уж очень ты остра на язык!

- Я знаю это, поэтому и прошу твоего прощения, господин мой. Я взываю к твоему великодушию, но не из страха перед твоей плетью, а чтобы ты понял, какую роль я играю. Чтобы ты стал таким, что я гордилась бы тем, что нахожусь рядом с тобой, а народ твой гордился бы тем, что ты его царь. А теперь скажи мне, мой царь, что делать, если один из сыновей народа достоин звания царя или эмира? Разве не считается, что наследником царя должен стать его родной сын или брат? Вот и выходит иногда и смех и грех. Почему мы считаем, что сын царя чем-то выгодно отличается от простого человека? Почему сын царя получает власть только потому, что он сын царя? Почему он, его дяди и братья получают власть по праву рождения, а не исходя из их способностей, не по принципу справедливой конкуренции в деле служения народу и государству? Они должны заслужить это право в глазах всего народа.

- Воистину, сын народа не может править, Забиба!

- Это еще почему, царь мой?

- Как может плотник, кузнец, крестьянин, купец или солдат управлять делами царства?

- Все они смогут с этим справиться, мой великий царь, и, возможно, даже лучше, чем некоторые цари и эмиры, ибо им присуще чувство ответственности. Они смогут сделать это, если их поставить в те условия и дать те возможности, которыми обладает наследный принц или эмир. Смею сказать, что, с моей точки зрения, все эти люди лучше любых эмиров. Но поскольку они с самого начала находились в разных условиях, а начинать испытание всем приходится с одной стартовой линии, не принимая во внимание разницу их возможностей, то совершенно очевидно, что результаты будут такими, какими их и хотели бы видеть те, кто уже у власти. Получилось так, будто сын народа не выдержал испытания, а эмир или наследный принц одержал над ним убедительную победу. Точно так же получилось бы, если бы соревновались торговцы, обладающие огромными финансовыми возможностями, и те, возможности которых гораздо скромнее или которые еще новички в этом деле. Кто из них будет владеть всеми рынками и товарами? Даже если мы проведем соревнование на поприще торговли с теоретическим равенством возможностей, часть соревнующихся по причине монополии и конкуренции сумеет лишить всякой возможности других соревнующихся. Разве такое соревнование будет честным? Представь себе, царь мой, какими были бы результаты, если бы некоторые торговцы не пользовались влиянием тех облеченных властью людей, которые извлекают из их работы выгоду! Куда до них мелким торговцам!

Царь ответил:

- Вполне естественно, что в этой ситуации все происходит именно так и что результатов все добиваются разных.

- В таком случае сравни эту ситуацию с другими ситуациями и поразмысли о результатах той конкуренции, которая устраивает власть и силы в которой распределяются неравномерно. Это и будет ответом на твой вопрос.

- Так что же нам делать, Забиба? - промолвил царь.

- Ты должен стать живой частицей народа, его совести, мысли и дела. Получить в диалоге и созерцании представление о том, что правильно в твоих делах и помыслах. Познать жизнь во всех ее подробностях в реальных условиях, а не такой, какой, приукрашивая, показывают тебе посредники между тобой и жизнью. Отойти от формулировки "наследный принц" и позволить стремиться к этому посту всем тем, кто наделен искренностью и способностями. Ликвидировать возможность быть эмиром по праву наследования, чтобы этот титул передавался на законных основаниях, а обладателем его становился тот, кто его достоин, а не тот, кто родился в определенное время и в определенном месте. Сделай так, чтобы двадцать-тридцать человек обладали этим титулом и его привилегиями и чтобы претенденты на него из самых разных способных и уважаемых людей, в том числе из народа, оспаривали его на равных основаниях. Определи для них ежемесячное вознаграждение из казны, чтобы предупредить их попытки грабить народ и избавить народ от их посягательств.

- А почему не позволить им заниматься торговлей и теми делами, которыми они

занимаются среди народа, чтобы они сами себя обеспечивали, а не ждали вознаграждения из казны?

- Они грабят народ, мой великий царь, а не работают. Они эксплуатируют его, а не заботятся о нем. Свободно и честно работает только тот, кто в условиях конкуренции находится в одинаковом положении с остальными и знает, что у него есть шанс. Разве может обычный человек соперничать с эмиром? Они начнут движение из разных точек и придут к разным результатам, не обусловленным заслугами и не отвечающим требованиям справедливой конкуренции.

- Я согласен с тобой, - сказал царь и добавил: - А что, если царь умрет или его убьют на войне? Кто тогда примет на себя царскую власть?

- Можно собрать эмиров, чтобы они на свободной основе выбрали царем самого достойного среди них в соответствии с установленными на этот случай правилами. Если все будут равны и свободны в выборе, они смогут выбрать лучшего.

- А что же делать с проблемой приобретаемого опыта? - спросил царь.

- Ты должен готовить их в одинаковых условиях, как будто ты собираешься сделать из них совет, с которым будешь совещаться по вопросам власти. Ты должен принимать участие во всех решениях, которые примет этот совет.

- Иначе говоря, ты предлагаешь изменить порядок власти в царстве, то есть разрушаешь царство с самого основания. Как может тот, кто носит титул эмира, даже если мы примем твоё предложение, делать то, что должен делать царь? Эмиры - не цари, чтобы восседать с ними на равных и самостоятельно принимать решения.

- Я не собираюсь подрывать основу твоего царства, а предлагаю заложить для него новый фундамент. Ведь если фундамент будет неустойчивым, как можно построить на нем прочное здание? Если мы желаем построить прочное здание, которое защищало бы нас и служило крепким щитом, необходимо перестроить его фундамент. Совет эмиров и знати будет принимать решения не от своего имени, а от твоего. Не беда, если некоторые решения ты будешь принимать от имени этого собрания, а некоторые самостоятельно, и даже если будешь советоваться в принятии решения с теми, кого выберешь для того, чтобы решения принимались на основе диалога и были сбалансированными и осмотрительными. Я не слышала о том, что в некоторых царствах эмиры восседают рядом с царями, из-за чего создается впечатление, будто они восседают с ними на равных. В большинстве случаев решения издаются от их имени, как будто они принимали их на равных, но в реальности дело обстоит совсем наоборот. Некоторые эмиры и цари умудряются принимать решения, направленные против интересов народа и нации, и это вызывает пренебрежение к ним и к их народам. Иногда они позволяют вольничать в своих государствах чужеземным армиям или отдают часть земель в собственность чужеземцам. Они сами устраивают все эти дела, а народу дают понять, будто бы эти решения приняты советом эмиров, от которых и зависит судьба народа и царства.

Разве это не странно, мой царь? Бог мой, если бы цари проявляли в отношениях со своим народом хотя бы часть той гибкости, которую демонстрируют перед чужеземными владыками и которая есть не что иное, как обычное раболепие, их короны оставались бы при них, а народ воспевал бы их при жизни и нес их гробы на своих руках после смерти.

- А меня мой народ станет воспевать, если я это сделаю? И станет ли он делать что-либо подобное, когда я умру?

- Да, мой царь, пройдет время, и люди будут носить тебя на руках. Ты поселишься в их сердцах, и они будут беречь тебя и охранять тебя.

Сказала так Забиба, а про себя подумала:

- Цари при жизни нередко занимаются тем, что обустривают свою смерть. Вместо того чтобы творить добро и получить, таким образом, достойное место рядом с Господом нашим, они стремятся получить то, чего им хочется при жизни. Они безбожники и при жизни и после смерти. Так откуда же снизойдет на них благодать Божья?

Последнее предложение она проговорила вслух, и царь его услышал.

- Ты веришь в бога не из тех богов, в которых верим мы, Забиба?

- Да, господин мой, я верю в единого Бога, в того, кто тебя создал, а не в того, которого создал ты или которого создаю себе я. Я не верю в тех богов, образы которых создает плотник, медник или каменотес.

- А как выглядит Господь, которому ты поклоняешься, Забиба? Он больше наших богов, которых мы высекаем из камня или мрамора, отливаем из золота или серебра, каждый как может?

- Нет, мой царь, Он не материален.

- Он белый, как цари, которые прибывают к нам из далеких стран, или черный, как наши рабы? Или смуглый, как большинство нашего народа? А может, какой-то еще?

- Это Аллах, мой великий царь, и Он, хвала ему, - свет, который охватывает все небеса и все земли. Это им и по его всеобъемлющей воле создано все на свете.

- Может, он кузнец или плотник? Или?.. Как это он создал все? Каково его ремесло?

- Ремесло его - воля и могущество, которые вмещают в себя все, мой царь.

- Но как может один создать все, что вокруг нас, Забиба?

\* \* \*

В дверь постучал подавальщик, прося разрешения войти. Он принес в чайнике настой из цветов, а с ним то, чем подслащивают настой, после того как наполняют им кубок, и остался стоять неподвижно вместе с тем, кто его сопровождал, ибо по обычаю того времени они могли покинуть своего господина только после того, как выполнят все, им предписанное.

Повернулась Забиба к царю и, подмигнув ему, сказала:

- Слуги не уходят, мой царь. Вероятно, они ждут, когда ты разрешишь им удалиться?

Увидев, как Забиба подмигнула ему, царь смутился, потому что никогда еще не оказывался в такой ситуации и потому что в народе подмигивали обычно тогда, когда флиртовали в присутствии посторонних или давали знак тому, кто чего-то не заметил. В кругу царей этот обычай не использовался, потому что царям нет нужды подмигивать, чтобы флиртовать или предупреждать кого-то, для этого есть и другие средства. А еще потому, что цари изъясняются степенно, а не знаками, и на их язык никто не навешивает замок и не мешает им высказывать свои желания. Они беспрепятственно могут выразить свое восхищение теми, кто их окружает, и не имеют нужды подмигивать, как это сделала Забиба.

Царь позволил слугам удалиться.

Тогда сопровождающий сказал, что они пришли услужить царю и узнать, не желает ли царь чего-нибудь еще и понравится ли настой царю, когда он его попробует.

Забиба снова подмигнула царю и сказала:

- Раз уж царь позволил вам удалиться, поставьте настой вот на этот стол, а если царю понадобится что-то еще, я сделаю все за вас. Я уже оправилась от болезни и вполне могу послужить моему царю.

Царь повернулся к слугам и велел оставить их вдвоем.

Когда они ушли, а один из них, возможно, был еще у двери, царь захотел отпить из кубка, но Забиба оказалась быстрее его руки и прошептала ему в ухо:

- Нет, мой господин! Прошу тебя, не пей этого.

Царь, опешив от резкого движения Забибы, спросил:

- Почему же не пить?

- Сейчас я тебе объясню.

Когда звук шагов слуг удалился, она прошептала ему:

- Боюсь, как бы не было в этом злого умысла, мой царь.

- Объясни мне, я ничего не понимаю.

- Это может быть новая отравленная стрела, которую хотят пустить в тебя, а заодно и в меня.

- Но ведь настой из ромашки никакая не стрела!

- Я образно сравниваю его со стрелой, имея в виду, что это новое средство, которым

кто-то хочет отравить тебя и меня и оборвать тем самым твой след и след того, кто может стать свидетелем и раскрыть чей-то злой умысел перед народом. А чтобы сомнение наше сменилось уверенностью, отошли этот настой тому, кому ты доверяешь, чтобы он выяснил, нет ли в нем чего-нибудь вредного.

Царь сказал:

- Правильно, Забиба, так мы и поступим.

Через некоторое время пришло известие о результатах проверки, и оказалось, что настой и в самом деле был отравлен. После того как вызванный специалист сообщил ему это, царь обратился к Забибе и сказал:

- Если бы не ты, Забиба, пропал бы твой царь. Если бы не ты, моя любимая, богом клянусь, сгинул бы я навеки.

- Прошу тебя, скажи: "Если бы не смилостивился Аллах и не сделал так, чтобы мы любили друг друга, все мы давно бы уже сгинули". Разве народ не щит царства и не его меч? А царь разве не символ его расцвета, мудрости и совести, его славы среди других народов? Разве он не рука народа, несущая знамя, и гордость его во все времена? Не говорила ли я тебе, мой великий царь, что Аллах хранит праведников и что народ - хранитель дома царя, его чистого и верного слова и дела и его созидательной способности?

- Да, клянусь Аллахом, если бы не Аллах и народ, все бы мы пропали, сказал царь.

Забиба с удовольствием заметила, что царь впервые поклялся Аллахом. Раньше она от него этого не слышала.

\* \* \*

Здоровье Забибы стало таким, как и прежде. Теперь она ездила между домом и царским дворцом на белом коне и носила красивые одежды из тех, что жаловал ей царь или она покупала на рынке. Всякий раз, покидая дворец, она приветствовала стражников у ворот, но не ограничивалась при этом кивком головы или поднятием руки, как делают эмиры, знатные люди и придворные, а отвечала на их приветствие словом. Остановливалась она у ворот, чтобы расспросить, как живет тот или другой солдат, если давно не видела его на посту. А когда сообщали ей, что он заболел, навещала его дома или посылала ему букет из роз, которые сама нарвала в дворцовом саду. Когда покидала она дворец, сопровождающий ее нес для них яства и сласти с царского стола. А когда возвращалась во дворец, несла с собой то, что купила для них. Она расспрашивала крестьян в дворцовом саду об их жизни и, если видела среди них старика, которого согнули годы или сломала бедность, велела ему отдыхать несколько дней и не работать. Точно так же было и с прислугой, и все во дворце, кроме эмиров и принцесс, знати и бывших приближенных, радовались тому, что делала Забиба, и говорили о ней с любовью. Слух о ней прошел и за пределами дворца.

Когда возвращалась Забиба домой, муж встречал ее радостнее, чем прежде, и проявлял к ней желание еще больше, чем раньше. Но она день за днем все сильнее чувствовала, что разрывается на части, особенно когда она была вместе с ним в постели. Понимала она, что душа ее осталась в царском дворце, а тело находится на ложе рядом с мужем.

- Разве душа не живет отдельно от тела? - спросила она сама себя и ответила: - Прекрасней всего человек, чья душа пребывает вместе с телом. Разве не является человек с самого своего рождения и на протяжении всей жизни духом во плоти? И разве не отделяется душа от тела только после его смерти? Разве внешность у мертвеца привлекательнее, чем у живого? Выходит, я мертва в своем доме и труп мой истлевает, пока я нахожусь на ложе со своим мужем, ибо душа моя в этот момент не со мной. Душа моя, бесплотная и несовершенная, там, рядом с царем. И хотя она сияет, чтобы прояснилось на душе у царя и чтобы овладел он собой, все равно мне кажется, что чего-то ей не хватает, что может сделать ее совершенной. А раз я чувствую это разделение, значит, настало время для решительных действий. Необходимо решение, которое соединит душу и тело и позволит мне приобрести наилучшую форму. Разве люди в раю пребывают не в виде душ, угодных Аллаху, хвала ему, и по его воле в лучшем из своих состояний?

\* \* \*

Когда Забиба снова вернулась во дворец и села рядом с царем, царь сказал ей:

- В прошлый раз слуга и сопровождавший его прервали наш разговор, когда принесли настой из цветов.

- Какую из сторон нашего разговора ты имеешь в виду, мой царь?

- Наш разговор о твоём Господе, Забиба.

- Да, да, мы говорили об этом. Замечаешь, мой великий царь, как жизнь отвлекает людей даже от Бога?

Царь сказал:

- Да, я не видел своего бога вот уже неделю. Это потому, что он стоит в зале, ключ от которого то ли потерялся где-то во дворце, то ли еще почему, точно не знаю.

- Зато я могу видеть своего Бога каждую секунду, а не в тот или иной день или час, мой великий царь.

- Как ты можешь его видеть, Забиба, если находишься во дворце, за его толстыми стенами?

- Я вижу Бога в своей душе, мой царь. Разве я не говорила тебе, что Он - источник всего света, что Он вокруг нас, что Он внутри каждого из нас? Он создатель наш и наш господин.

- Ну а Бог твой видит тебя, Забиба? Видит Он тех, кто верит в него, как и ты?

- Да, мой царь, Он видит меня и видит всех, кто верит в него. Он видит нас всегда и везде, когда мы поклоняемся ему и когда искренни в своих молитвах, когда молим его о ниспослании милости и благословения, Он видит нас и слышит. Он видит того, кто не повинуется его воле. Все видит и все слышит и каждому воздает наказание и награду по заслугам его.

- Что, ваш Бог вас еще и слышит?

- Да, наш Господь слышит нас, когда мы от всего сердца обращаем к нему молитвы.

- А наши боги не слышат нас до тех пор, пока мы не приблизимся к тому месту, где они обитают. Они слышат и видят нас только тогда, когда мы подходим к ним в пределах видимости и чтобы ничто им не мешало. Поэтому они не видят нас, когда мы покидаем место поклонения, а слышат нас только тогда, когда мы там пребываем. Они слышат нас, когда мы приносим им дары и подношения, по крайней мере так нам говорят их служители. Через этих служителей мы получаем известия о том, что наши дары и подношения приняты и что бог доволен нами, вот мы и думаем, что он увидел и услышал нас.

- Неужели ваши боги видимы?

- Да, Забиба, их можно увидеть.

- И даже попробовать на ощупь?

- Это так, их можно потрогать.

- И они отвечают вам?

- Да, отвечают, как я уже говорил.

- Как это они вам отвечают?

- Они отвечают нам, когда бывают довольны нашими делами, например, когда приносим им жертвы. Чем больше жертв приносит богу любой из нас, тем довольнее бог.

- А этот ваш бог должен быть у каждого, кто в него верит, господин мой?

- Да.

- У царя есть свой бог. Вероятно, есть свои боги у придворных, эмиров, крупных купцов, торговцев. Получается, что ваш бог не для всех людей, мой царь.

- Каждый, кто хочет и может, делает себе бога по своим возможностям.

- О каких возможностях ты говоришь?

- О материальных, конечно. Поэтому наши боги и различаются по размерам, материалу, из которого они изготовлены, и по пышности постройки тех мест, где установлены.

- Выходит, ваши боги материальны, мой царь?

- Что ты хочешь этим сказать, Забиба?

- Я хочу сказать, что их можно увидеть и потрогать.

- Да, их можно увидеть и потрогать.

- Значит, они созданы из материи.  
- Да, таковы они и есть.  
- В таком случае почему дары их не материальны и их нельзя потрогать? Почему они не платят вам за ваши дары и подношения?

- Что ты хочешь этим сказать, Забиба?

- Почему они вам не платят тем же? Заплатил - получил.

- Но это принцип торговцев, а не богов. Мы приносим свои дары не для того, чтобы получить что-то взамен. Мы... - Царь замолчал.

Было ясно, что царь хотел сказать, что они могут и не приносить дары, а боги все равно дадут им просимое, но понял вдруг, что это не так, и замолчал.

Забиба улыбнулась и сказала про себя:

- Вы приносите дары, а они ничего вам не дают. Берут, но не возвращают.

А царю сказала:

- Итак, ваши боги дают вам только тогда, когда вы приносите им дары. И дают не всем одинаково, а в зависимости от возможностей каждого и в зависимости от того, что подносит он своему богу, дар или жертву? Значит, ценность ваших богов зависит от вашего положения, то есть от того, что каждый из вас имеет. Получается, что они различаются в зависимости от положения дарителя и ценности приносимых даров и жертв. Поскольку дары и жертвы богам приносятся неравные, все вы не равны перед своими богами, да и сами боги не равны между собой.

- Да, это так.

Сказала Забиба:

- Получается, что дары ваши материальны, а воздаяние за них еще под вопросом.

Царь сказал:

- Повтори последнюю фразу.

- Я говорю, что ваши подношения богам материальны, а воздаяние за подношения под сомнением, царь мой.

- Да, с нашими богами все так и происходит.

- Ты обещаешь мне пощаду, великий царь?

- Ты - моя любимая и биение моего сердца. Ты знаешь, как я обхожусь с тобой. Тебе всегда будет моя защита, Забиба.

- Я хочу сказать, мой царь, но не для того, чтобы уязвить тебя, а из уважения к тебе и к способностям твоего ума, который, если бы он вырвался из оков и сбросил тяжесть, под коей изнывает, занятый богами, вопросами власти и заговорами, сослужил бы народу огромную службу. А я готова сослужить службу тебе, а затем и моему народу.

Прервал царь ее слова, сказав следующее:

- Не говори мне, что ум мой может служить народу, а говори, что я могу облагодетельствовать моих подданных, ибо я - господин народа, а не слуга его.

- Прости меня, царь мой. Конечно, ты господин своего народа, но ты и слуга его.

- Нет, я не слуга, Забиба.

- Прошу твоего прощения и взываю к твоему терпению, царь мой. Я не имею в виду, что тот, кто служит народу, служит каждому его представителю, как это делают те, кто прислуживает за плату или вознаграждение. Я имею в виду, что ты, являясь предводителем народа, на основе жестких принципов отстаиваешь его интересы, охраняешь границы нашего царства, преумножаешь богатство нации, хранишь ее высокие идеалы, привносишь в жизнь народа все высокое и полезное. Ты ратуешь за людей, отдавших в твои руки власть над собой, и служишь их принципам. Вот правильное понимание служения народу.

Сказал царь:

- А разве присутствие чужеземной силы на земле государства противоречит высоким идеалам? Разве ты не видишь, что многие цари вокруг нас призвали к себе чужеземцев, и они пребывают на их землях и по сей день. Тебе кажется, что это бросает тень на них и на их государства?

- Да, мой великий царь. Воистину, присутствие в стране чужеземцев, самовольное или по приглашению, их влияние на мировоззрение и традиции народа, на свободу воли его царя противоречит понятию свободной страны, и сыны этой страны не свободны в ней.

- Говорят цари, что так лучше.

- Что лучше, мой царь?

- Говорят, что лучше, когда чужеземцы остаются на земле государств и когда возможности их правителей ограничиваются, дабы они не были свободными настолько, чтобы противоречить стремлениям и планам чужеземцев.

- Почему же так лучше, мой царь?

- Чтобы правителям не пришлось служить народу, если их государство будет полностью освобождено от чужеземцев.

- Но в таком случае они служат чужеземцам, господин мой.

- Возможно. Но в один прекрасный день, как говорят, чужеземцы уйдут со своими армиями туда, откуда пришли. Они уйдут, и тогда правители станут свободными и не отягощенными связью с народом. Они станут свободными, вместо того чтобы быть слугами народа. Не будут они служить и чужеземцам, которые будут уже далеко. Разве это не логично, Забиба?

- Нет, мой царь, все обстоит не так просто, как ты говоришь. Даже если ради продолжения беседы согласиться с некоторыми твоими доводами.

- Как это, Забиба?

- Всегда найдется тот, кто думает, что его желания легко исполнятся, если он сослужит службу чужеземцам, но в этом случае он станет не только слугой, но еще и пленником. Причем пленником униженным, который сдался врагу своей нации, не сражаясь, не сломав, как положено, ни копья, ни меча, ни лука. Будет прислугой без оплаты, как тот, кто прислуживает в домах и в лавках, или что-то в этом роде. Станет делать работу, в которой не будет и малой доли законной профессии. Существует огромная разница между царем и обычным человеком. Когда обычный человек нанимается по контракту, у него есть возможность прервать контракт или пересмотреть его, если для него не находится достойной работы. Но царь, находясь на службе у чужеземцев, такого позволить себе не может. Народ будет против царя, когда окончательно утратит к нему доверие, и если царь будет рассуждать и поступать таким образом, народ никогда уже не сплотится вокруг него и никогда его не простит. Начинающему правителю, который стремится сделать народ могущественным, отстаивает его интересы и независимость, пусть и совершая ошибки, народ позволит начать все сначала и исправить эти ошибки. Но того, кто его предал, народ не простит. Народ все простит тому, кто принимает волю народа и не противится ей, кто готов пойти на большие жертвы, жертвуя даже короной. А того, кто принял условия чужеземцев, унизив тем самым достоинство своего народа и забыв о том, что такое могущество государства, народ не простит и будет замышлять против него. Тогда испытает царь или правитель одиночество в полном его смысле, а тот, кто испытывает одиночество, понимает, что такое отчужденность, и дрожит от страха. Твое положение будет ничем не лучше, мой царь, если ты уподобишься тем царям, что вокруг нас. Ты окажешься в кулаке у чужеземца и станешь послушен движениям его пальцев. Ты будешь служить ему во всем, чего бы он ни потребовал, нравится тебе это или не нравится. Ты утратишь сладость ощущения того, что ты слуга народа и его господин или, если хочешь, господин его и слуга, и, находясь под влиянием чужеземца и под его властью, никогда уже не станешь господином. Ты станешь презренным слугой, а не тем слугой, что занимается благовидными делами. Так не лучше ли быть слугой народа и господином его, чем презренным прислужником чужеземцев?

- Да, но лучше господином народа и слугой его, Забиба.

Поднялась Забиба, обняла царя обеими руками и, не спрашивая его на то разрешения, поцеловала его в лоб. Так уж заведено у царей, что простолюдin, прежде чем поцеловать царя, должен спросить его согласия, а тот вправе позволить или отказать. Зато если царь

пожелает поцеловать любую женщину из народа, ему нет нужды спрашивать у кого-либо разрешения.

\* \* \*

Царь сказал:

- Я снова хочу вернуться в прошлое и сказать, что в те времена, когда я навещал вас в деревенском доме, расположенном рядом с домом презренного Хискиля, и когда ты приходила ко мне во дворец, в речах твоих был виден опыт простого человека и глубокое знание вопросов власти. Скажи мне, где и как ты могла узнать все это.

- Мой ответ так важен для тебя, мой царь, что мне ничего не остается, как отвечать?

Удивило царя, что Забиба колеблется с ответом, и еще больше захотелось узнать то тайное, из-за чего Забиба не спешит отвечать на его вопрос. Он сказал:

- Разве не ясность и равенство - то, на что опираются любые отношения?

Отвечала Забиба:

- Ты прав, мой царь.

- Разве не необходимо, чтобы между влюбленными было равенство, Забиба?

Сказав это, царь заимствовал то, что говорила когда-то сама Забиба, словно хотел напомнить ей сказанное и тем самым облегчить ответ на его вопрос.

Забиба сказала:

- Да, мой царь, об этом я тебе раньше уже говорила.

- Так желаешь ли ты себе того, чего не пожелала бы другим?

- Боже упаси меня поступить так, мой царь, это было бы эгоистично, и никто не доверял бы мне после такого.

- Тогда отвечай на мой вопрос.

- Твоя воля, мой господин.

Было видно, что она предпочла бы не отвечать, но он не освободил ее от ответа.

- Я говорила и рассказывала тебе о том, что имеет отношение к народу, о предпосылках и чувствах, об образе мышления, о приятии того, что можно принять, и об отвержении того, что он отвергает.

И, сказав об отвержении того, что народ отвергает, она добавила:

- Но я не могу в этом выражать точку зрения всего народа. Я говорю только от имени основной его массы.

- А почему ты не можешь выражать позицию всего народа? Разве не гарантировал я тебе равенство в нашем разговоре?

- Гарантировал, мой царь, но я не давала тебе этот тяжелый ответ, пока ты не подготовился к тому, чтобы вынести его тяжесть. Чтобы не тяжело тебе было слушать о том, что не приемлет народ.

- Значит, ты поступала так по своему усмотрению, а не потому, что я не позволял?

- Да, мой царь, по своему усмотрению. Это потому, что я хорошо тебя чувствую.

- Как это, Забиба?

- Приучила меня жизнь, как приучила она и других людей из народа, принимать то, что я не желаю, если другой вправе навязать мне это. Так приучена я, и так приучены другие люди с самого начала жизни. Но ты не привык к этому, потому что решения в своей жизни принимаешь ты, а исполняют их другие. Все устроено так, что народ или те, кто тебя окружает, не могут противиться твоему решению, а ты не откажешься от своего решения, даже если оно не пользуется поддержкой народа и народ его не принял бы, будь у него возможность его оспорить. Поэтому тебе необходимы отношения совсем другого уровня. Тебе следует понять, что такое ответственность. Поэтому я старалась до поры не говорить тебе об этом, а я, с твоего позволения, представляю здесь совесть народа. Мне известно все, что не приемлет и отвергает народ. Но в соответствии с моим планом, я рано или поздно все тебе расскажу.

- Но разве не должен я, Забиба, чтобы принять окончательное решение, иметь полную ясность во всем или хотя бы в основных понятиях? Разве не должен я знать все о народе, как

народ знает все обо мне, чтобы принять его таким, какой он есть, а он принял меня таким, какой я есть?

- Да, мой царь, но всему свое время, и глубина начинается от берега. Люди не всегда готовы, и не все могут сразу окунуться в глубину и сопротивляться стремительному течению. Поэтому сначала они плавают возле берега. И никто не может нырнуть в самом глубоком месте, если он не доплыл до него, если он еще не созрел внутренне и в практическом плане.

- Это верно, Забиба. Значит, ты расскажешь все потом и разъяснишь все, что касается жизни народа?

- Да, мой царь, и приятное, и печальное.

- А разве в жизни народа есть что-то печальное, как это бывает в коридорах царских дворцов и в царских покоях?

- Да, мой великий царь, и есть, и нет.

- Как же это, Забиба?

- В его жизни есть печальное. Но печальное это вовсе не такое, как в коридорах царских дворцов. Печально то, что у народа есть и неблагоприятные желания, и поведение, которое трудно назвать пристойным, и жадность.

- Народ так же жаден, как и цари?

- Народ не жаден, мой царь, но в народе есть жадные люди. Каждый из них жаден по-своему.

- А дальше что?

- Смешались в народе правда и неправда, и не сможет он их различить, если не пожелает этого.

- Послушать тебя, Забиба, так получается, что у меня такое же положение, как у того, кто просит у огня защиты от зноя.

- Не совсем так, мой царь. Заговоры, разногласия, интриги и тому подобное, что случается во дворцах царей или в их отношении к народу и его проблемам, порождены не отсутствием ясности или недостатка сознания, культуры или необходимой подготовки. Иные вещи поселились в душах, и потому болезнь прогрессирует. Но тот, кто сможет рассмотреть в народе те недобрые качества, которые мы сейчас упоминали, сможет устранить их и излечить народ, используя для этого сознание, ясность, подготовку, глубину веры, принятие справедливых законов и их решительное проведение.

- Разве народ нуждается и в решительности, Забиба?

- Да, мой великий царь, людям нужна сейчас решительность, чтобы добрые люди нашли в ней защиту и чтобы опасались ее те, кто слаб душой.

- Я тебя понял. Но вернемся к тому, о чем я тебя спросил. Как ты могла так глубоко познать вопросы власти и царствования, ты, какая ты есть и какой я знаю тебя с того момента, как мы встретились?

- Не соглашусь с тобой, мой царь, ибо ты плохо меня знаешь.

- Разве такое возможно, Забиба?

- Таковы уж женщины, что они не выставляют на обозрение все свои качества. Так устроен характер женщины, и так ведет она себя в жизни и с мужчиной. И поскольку раньше ты не задавал мне этот вопрос, я не желала раскрывать тебе то, что расскажу сейчас, отвечая на твой вопрос, но за это тоже кое о чем тебя попрошу.

- Говори, Забиба, чего ты желаешь.

- Давай отдохнем, чтобы я могла вдохнуть твой аромат и поцеловать тебя.

Улыбнулся царь и сказал:

- Клянусь Аллахом, я хотел того же просить у тебя, любимая моя Забиба. Но народ опережает царей, потому что он ближе к жизни. Не это ли ты хотела сказать мне, Забиба?

- Сказала бы, мой царь, если бы ты сам не сказал.

Они насладились отдыхом и снова вернулись к разговору.

Царь сказал:

- Я готов слушать тебя, Забиба.

- А я готова и внутренне настроена на то, чтобы служить моему царю.

Царь сказал:

- Я слушаю тебя, Забиба.

Продолжила Забиба говорить так, будто вернулась из мира грез или очнулась ото сна:

- Да, да, мой царь, я готова.

И сказала, немного смущаясь:

- Дом наш стоял, как ты знаешь, очень близко, почти вплотную, к дому Хискиля, и он поначалу хотел снести его, потому что вид его был несовместим с видом его роскошного дворца. Дом был из глины, покрыт деревом и тростником, а сверху снова обмазан глиной. Построен дом был по-простому и из таких материалов, которые недорого стоили, но отец хотел сделать его уютным внутри. Он использовал гипс, который остался от постройки дворца, и покрыл им стены дома внутри, приспособил старые окна, которые выбросили на свалку работники Хискиля после того, как разрушили стоявший поблизости старый дом, чтобы в наш дом падал солнечный свет. Жили мы в этом доме, я и мой отец, пока я не вышла замуж и не стали мы жить все вместе.

Забиба замолчала и подумала про себя:

- Стоит ли рассказывать царю все о моих отношениях с мужем и о моих чувствах в связи с ними?

Потом сказала сама себе:

- Верно говорят мудрые люди, что женщина, которая жалуется на свои отношения с мужем чужому человеку, призывает его к себе или дает знак об этом. Нет, не стану ему все рассказывать.

После чего снова заглянула в свою душу и спросила ее:

- Но разве царь не властен над всеми делами нашими и не можем мы рассказать ему все, что пожелаем, когда жалуемся на то, что не дает нам покоя? Как он поможет мне, если не будет убежден в моей правоте? А как он будет убежден в моей правоте, если не будет знать всей правды?

И продолжила уже вслух:

- Муж мой обращался со мной так, словно приобрел меня для своих половых потребностей: как будто он баран среди стада овец, а я одна из овец. Он заталкивал меня в постель, не заботясь о том, чтобы меня подготовить. Он никогда не спрашивал моего желания и ставил в трудное положение моего отца, которому из-за чувства неловкости нередко приходилось спать во дворе. Отец входил в дом только по необходимости или когда видел, что мой муж ушел. Представь себе, мой великий царь, как он спрашивал меня, чтобы записать на свой счет очередную победу: "Сколько раз мы проделали это сегодня, Забиба? Сколько еще осталось до нашей обычной нормы?" Вот так он спрашивал меня и так обращался со мной, не пытаясь даже узнать, желаю я этого или нет. Он и не пробовал выразить своих человеческих чувств по отношению к тому, кого любит, и смотрел на то, что он делает, как будто все это было только для него. А когда я спрашивала его иногда, он говорил, что желает показать мне, как он меня любит, через те разы, которые считает в постели, и что только так он способен выразить свою привязанность ко мне. Возможно, в его голове вертелась мысль о том, чтобы сказать, что так я выплачиваю долг своего отца за тот калым, который он взял за меня.

- У вас родился ребенок?

- Нет.

Царь улыбнулся, и она догадалась, что он хочет сказать:

- Как получилось, что вы не нажили детей, если вы оба молоды и делали то, о чем ты сейчас рассказала?

Забиба сказала:

- В начале нашей совместной жизни я забеременела девочкой, но выкинула ее после того, как он, затаскивая меня в постель, пнул в живот. Он часто и жестоко меня бил. После

этого у нас не было уже детей. И я благодарю Аллаха за то, что так вышло.

- Как ты можешь такое говорить, Забиба? Разве рождение ребенка - не миссия живущих в этой жизни?

- Это так, но не каждому дано ее выполнить.

- Да, это часть миссии того, кто на это способен.

- Правильно, царь мой, но кроме способности необходимо еще и желание.

- Согласен, Забиба, трудно представить себе того, кто способен на это, не имея желания.

- Во всяком случае, - сказала Забиба, - муж мой считал то, что он делал со мной в постели, но не сумел разбудить мое нутро и мою душу, чтобы я снова понесла. Он делал это машинально, как тот, кто делает это с женщиной против ее воли.

А желание женщины нужно уважать, ибо иногда оно бывает необходимо, чтобы родился ребенок, мой царь, а без него женщина может и не понести.

- Желание женщины должно соблюдаться, так как без него трудно представить это возможным. Разве женщины не половина общества? Если они будут отрицательно относиться к другой его половине, выйдет из строя руль корабля жизни. Что будет, если они станут избегать второй половины, продолжая оказывать на нее такое сильное влияние?

- Вот мы и пришли к одному мнению. Не потому ли, что способны к взаимопониманию и стремимся к нему?

- Да, Забиба, сейчас у нас все именно так. У нас есть обоюдное желание и обоюдные способности, и еще равенство, которое ощущает каждая из сторон, несмотря на то что один из нас - царь, а другая - народ. Мы оба стремимся к тому, чтобы соглашаться друг с другом, а не противоречить.

И царь, улыбаясь, добавил:

- За исключением некоторых случаев.

- Да, мой великий царь, да, тот, кому Забиба отдаст свою душу! Ты стал говорить почти так же душевно, как говорит народ.

- После всего этого ты говоришь "почти"?

- Да, мой царь, приходится учитывать остаточное влияние того состояния, в котором ты пребывал, пока в тебе не произошли большие перемены. Разве титул царя не отличается от звания простого человека? Поэтому я и говорю "почти". Царь не должен забывать о своем титуле и нести бремя, возложенное на него титулом. И народ не должен это забывать, помнить о своих обязанностях перед властью и нести свое бремя, да еще не беспокоиться о том, о чем ему беспокоиться не положено.

Так вот, Хискиль созывал всех к себе на пир, который он устраивал в своем дворце ежедневно после захода солнца. И приходили к нему эмиры и министры, знатные люди, богатые купцы и крупные сводники. Бывали там и женщины и мужчины.

- А что, у сводников есть своя иерархия, как в правительстве или в царском семействе?

- Да, мой царь, у каждого свое положение в зависимости от его влиятельности в той сфере, в которой он специализируется. Есть сводники крупные, мелкие и средние.

- И они присутствовали там на равных со знатными людьми?

- Да, мой царь, почти на равных.

- Опять ты сказала "почти".

- Да, мой господин, потому что тот, кто строит отношения с человеком не посредством его убеждения, а через сводника, сам не лучше сводника, и того же достоинства. Но естественно, что с ним обращаются почти на равных, потому что если сводник не пожелает, его клиент не получит то, что он хочет.

- Ты поставила человека в положение вещи, Забиба, когда сказала о нем "то".

- Да, мой господин. И все потому, что тот, кто предлагает себя и свои способности таким образом, перестает быть человеком.

И она продолжила:

- Они танцевали там и пили допьяна вино, и каждый делал то, что хотел, не спрашивая

разрешения, если, конечно, дело не касалось той стороны отношений, которая требовала наличия желания или хотя бы отсутствия нежелания. Представь себе, царь мой, как иногда в лунные ночи они играли в игру под названием "растерзание в лесу". Суть игры заключалась в том, что они выходили из дворца в окружавший его сад и во двор, после чего мужчины пытались овладеть женщинами без всякого разбора. Любая женщина могла быть "растерзана" любым мужчиной, и между ними заранее не было никакой договоренности. Женщина могла защищаться от мужчины только голыми руками, а мужчина старался овладеть ею, пока не возьмет силой. Или изображали это. Потом все возвращались во дворец, чтобы рассказать, что любопытного было у каждого в этой игре - растерзании. А проклятый Хискиль был изобретателем и воплощением всех этих новшеств.

- А что ты, Забиба? - спросил царь.

- А ты как думаешь, мой царь? - спросила Забиба.

- Я думаю о тебе только хорошее. Ты человек гордый и возвышенный, Забиба, но ты была среди тех, о ком рассказала.

- Да, мой царь, среда притягивает к себе того, кто не в силах устоять перед ее пороками, но не может сладить с сильными людьми, которые черпают силы внутри себя. Я была такой, какой ты меня представляешь, той Забибой, которую ты хотел бы видеть, дочью народа и его совести. Я уходила оттуда, как только они начинали свои мерзкие игры, но наблюдала за ними со стороны. Некоторые женщины отказывались участвовать в этом, но их мужья разводились тогда с ними, опасаясь, что их настигнет презрение Хискиля или его помощников. А если кто-то отказывался выгонять своих жен, Хискиль со своей компанией воевал с ним до тех пор, пока тот не повиновался. И подчинялись все, кроме одного из них, и это был мой муж. Не знаю, как и почему разрешали ему участвовать в этих играх, хотя он не брал меня с собой и не осмеливался предложить мне это.

У меня была одна подруга из подавальщиц, и уж очень хотелось мне увидеть жизнь тех людей, чтобы узнать, о чем они думают и что собой представляют. Своя жизнь мне уже была известна, оставалось узнать о жизни других. Мы с подругой договорились, что я, как и она, оденусь в платье подавальщицы, которая обслуживает гостей Хискиля во дворце, и буду делать все необходимое - подносить кувшины с вином и кубки, наливать по просьбе гостей вино в кубок и подавать его. Обходились там со мной ласково, а иногда даже приглашали играть с ними в их азартные игры.

Забиба почувствовала, что царь удивился, посчитав, что она играла с ними в их игры, и сказала:

- Нет, мой царь, принципы не допускают двойственности. Я, бывало, сидела с ними, но принципы мои от этого не пострадали. Я не играла с ними в их игры, а самое большее - позволяла кому-нибудь из них, у кого уже закружилась от вина голова, напоить меня вином.

Царь сказал:

- Они сажали тебя рядом с собой, Забиба?

- Да, мой царь, и иногда пытались добиться меня, но безрезультатно.

Она сказала это так, будто хотела похвастать перед царем, и добавила:

- Видел бы ты их! Эмиры, министры и торговцы склонялись, чтобы целовать мои ноги, ноги Забибы, дочери народа, надеясь на то, что я удовлетворю их желания, но я высокомерно им отказывала.

Так говорила Забиба, но забыла она, что тот, с кем она говорит, царь.

- Но разве то, что они приглашали тебя сесть рядом с ними и пытались добиться твоей благосклонности, не говорит о том, что в отношениях с тобой они забыли о своих чинах и титулах?

- Нет, мой царь, они хотели овладеть народом во мне, после того как не смогли сделать этого раньше.

- Ты уверена, что все было именно так, как ты говоришь?

- Есть разница, мой господин, между тем, кто сначала стирает в своей душе и сознании все социальные границы и различия, а затем обращается с людьми так, как велят ему ум и

совесть, и тем, кто действует выборочно, повинуюсь возникшему в определенное время велению души. Поэтому, царь мой, ты, как и народ, должен понимать, что вся разница - в отношении. Если кто-то изначально относится к народу благожелательно, на его отношение не повлияют никакие условия, события и прихоти. А если его отношение неискреннее, подмена немедленно обнаружится. Настоящее единение с народом проявляется в воле и вере. Если же его только изображают, это очень быстро раскрывается, поскольку в первом случае единение продолжается непрерывно, а во втором проявляется от случая к случаю и является лишь тактическим ходом, а не проявлением человеческого стремления и желания. Поэтому все их заискивания передо мной вовсе не означали, что они отказались ради меня от своего образа мышления и идеалов. Все это делалось лишь для того, чтобы овладеть мной.

- А что делала ты, Забиба?

- Я была как тот, кто идет по вспаханному полю в безлунную ночь, и путь ему освещает только его сердце.

- Умница, Забиба! Воистину свет внутри нас - подлинный свет, который не позволит ошибиться ни глазу, ни душе, ни сердцу.

- Да, мой царь, тот, кому пожертвовала я свою душу. Говори так, чтобы слышали тебя люди во всем мире. Говори как люди из народа, чтобы стал ты нам близким и чтобы ты ничем от нас не отличался, кроме того, к чему обязывает тебя во имя нас твое положение.

- Прекрасно, Забиба! Если бы ты на сей раз перед словом "положение" не сказала "во имя нас", я точно бы на тебя рассердился.

- Да как смогу я вынести гнев моего любимого и моего господина?

И оба рассмеялись.

\* \* \*

Пришел к ним главный распорядитель дворца и сообщил царю, что несколько эмиров ищет с ним встречи.

Царь спросил:

- Кто они?

Главный распорядитель принялся перечислять их имена.

Царь выслушал весь список. Затем велел ему удалиться и сказал, что вызовет его, когда придет время.

Удалился главный распорядитель. И правильно сделал царь.

Хотя и не было ничего такого, что заставило бы его сомневаться в намерениях эмиров, впоследствии царь узнал, что их встреча с ним являлась частью заговора, который они составили против него и Забибы. Среди выдвигаемых ими требований было и то, чтобы царь не позволял Забибе приходить во дворец (ее приходы стали уже почти ежедневными, а сама она стала постоянным советником царя, особенно в том, что касалось народа и его проблем).

Забиба продолжила свой рассказ:

- Я видела, как крупные торговцы замышляют против мелких и средних, как одни группы выступают против других, как каждый торговец соперничает с другим и как они стараются превзойти друг друга в торговых выгодах и подлости. И подобно торговцам и сводникам, эмиры соперничают между собой за царя. За тебя, мой великий царь. А когда дело заходит о том, кто станет в нашем царстве наследным принцем, они расходятся между собой и плетут друг против друга заговоры. Мне больно было видеть, как два эмира проигрались в азартные игры и один, чтобы продолжить игру, продал по совету Хискиля торговцу, который пришел из страны Элам свой меч, а другой - доспехи. И так делали многие. Они продавали свое оружие и коней торговцу из Элама или самому Хискилю, или тому, кто приходил туда издалека, а мне хотелось спросить, откуда они возьмут оружие, если им придется вдруг воевать. Но в душе моей уже готов был ответ: "Тот, кто может купить их оружие и снаряжение за проигрыш в игре, может купить и их самих за ту помощь, которую он окажет им в осуществлении заговора, который устроит вместе с ними. Он одолжит им оружие для того, чтобы убить тебя, а потом заберет его обратно".

- И так делает каждый игрок?

- Да, мой царь, они способны продать даже собственных жен. Что отчасти делают уже тогда, когда позволяют им находиться там, где мужчины играют в азартные игры и пьют вино.

- Как это так, Забиба?

- Если муж позволяет жене присутствовать там, где идет азартная игра и пьют вино, значит, он внутренне готов к тому, чтобы не ревновать свою жену к взглядам других мужчин, а то и к их пошлым шепоткам и улыбкам. Разве не должен мужчина защищать свою жену от посягательств других мужчин и блюсти ее поведение? Увы, так делали все эмиры, торговцы и знатные люди, приходившие туда по приглашению. А Хискиль внушал тому, кто колебался, что ему не место среди них, и оказывал на него давление, в том числе внушая, что он отсталый, ограниченный и не достоин того, чтобы подняться на их уровень, если не сделает того, чего от него хотят. Это плохо, но еще хуже то, что мы смотрим на это зло по-разному. Знаешь ли ты, царь мой, что они водили в свои святилища голубоглазых людей, приехавших издалека, и однако же не позволяли войти туда тем, кто обладал на это куда большими правами? Разве после этого есть для них хоть что-то святое? Разве после того, что они делали, осталось в их понятиях что-либо светлое? Разве сохранилось в них хоть что-то от той морали, что связывает их с нашим народом и со всеми народами, что вокруг нас? Осталось ли в них, если вообще когда-то было, что-то от человека, который даже при минимуме положительных качеств способен наводить мосты, на которых происходили бы встречи, чтобы идти к цели вместе?

Забиба даже расплакалась из-за того, сколь презренным было положение тех, о ком она говорила. Но продолжила говорить после того, как вытерла слезы, а царь помог ей прийти в себя.

- Оказавшись среди них, я научилась всему, что необходимо, мой царь. Научилась тому, что не соответствует их нравам, поведению и мышлению, потому что отвергла их мышление и поведение сознательно и благоразумно, когда содрогнулась моя душа от того, что открылось моему взору. Я поняла, на чем мы должны стоять, когда моя совесть, проникнувшаяся глубокой верой и славной ролью народа, подсказала мне, в чем интересы и устремления народа.

- Какая ты молодец, Забиба! - сказал царь. Но прежде, чем он напомнил ей, что по их обыкновению настало им время расстаться, Забиба сказала:

- А теперь, когда ты все знаешь, не затруднит ли тебя, мой господин, выполнить мою просьбу?

- Повелевай, Забиба.

- Прости меня, царь мой. Благодарю тебя за благосклонность и снисхождение.

- Ты заговорила так, словно встречаешься со мной впервые!

- Нет, мой царь, это просьба подданного к своему царю, а в этом случае такт и уважение вполне уместны. Разве одним из элементов влияния человека не является то, что он придерживается правил приличия, всегда о них помнит и не забывает о требованиях элементарной вежливости?

- Это верно, Забиба. И тот, к кому мы обращаемся, будет охотнее внимать нам и помогать, если мы, общаясь и разговаривая с людьми, соблюдаем нормы приличия и поведения. Говори, что ты хочешь сказать, Забиба.

- Скажи мне, после того, как выслушал мою историю до конца, а рассказала я тебе даже о своем муже, разве не вправе требовать я развода с моим мужем?

- А что может тебе помешать, если ты решишь это сделать, Забиба?

- Ничто мне не мешает, кроме моей слабости.

- Разве ты слабая, Забиба?

- Да, мой царь, даже герой бывает слабым перед правом.

- А что такое право и в чем заключается его противоположность?

- Муж мой заплатил за меня калым моему отцу, а отец мой нуждался в том, что он ему дал, чтобы справиться со своим затруднительным положением. И хотя муж мой был моим

двоюродным братом, он не считался с родством по крови и хотел жениться на мне, воспользовавшись нуждой моего отца в деньгах, которых у моего будущего мужа, после того как он затесался в компанию Хискиля, оказалось предостаточно. Даже не знаю, где и когда они сошлись. Отец мой предложил мне выйти за того замуж и дал мне свободу выбора, потому что раньше я отвергала его всякий раз, как он предлагал мне стать его женой. Я говорила ему, что соглашусь, если он оставит компанию Хискиля, отойдет от их обычаев и привычек. Когда отец мой в последний раз предложил мне выйти за него замуж, я согласилась на том условии, что останусь в том доме, в котором ты нас навещал, а он будет жить в этом доме с нами или приходить туда время от времени. Мой будущий муж к тому времени уже перенял все обычаи своих господ и приятелей по играм и несколько раз женился, и у него, как и у его друзей, появились наложницы. Я согласилась выйти за него замуж на этих условиях, и он тоже их принял. А то, что было потом, женитьбой не назовешь, разве что куплей и продажей. А еще ужаснее было то, что мой муж обращался со мной так, словно, купив меня, хотел тем самым растоптать мою честь. Он хотел меня раздавить, но я изо всех сил сопротивлялась. Потому что принципы, если они поселились в душе, дают человеку упорство, терпение и способность сопротивляться. Я боролась с ним до тех пор, пока не узнала тебя.

И хотя притеснения, которые я терпела от постоянно бившего и унижавшего меня мужа, по понятным тебе причинам, прекратились после того, как ты стал приходить в наш дом, я все равно осталась проданной ему, и мне не освободить мою шею от его петли, пока я не освобожусь от той суммы, которую он за меня заплатил.

- Это поможет тебе, Забиба, когда ты примешь окончательное решение относительно своего мужа?

- Да, мой царь, и это главное. Я согласилась на эту свадьбу, чтобы не быть обузой своему отцу, который к тому времени уже не мог нас прокормить. Со своим мужем я даже и секунду не была счастлива. Но наше расставание должно произойти не только по моему желанию, но и согласно закону.

Царь сказал, улыбаясь:

- Все, что ты пожелаешь.

Тогда она бросилась к нему и обняла его за плечи. Она целовала его голову и лоб, целовала его руки, а когда хотела поцеловать и ноги, он поднял ее, не позволив ей это сделать. Тела их оказались так близко, что почти соприкасались, и он поцеловал ее в лоб.

Забиба заплакала, и ее слезы закапали на щеку царя и на его одежды. Потом она вытерла слезы и сказала:

- Аллах послал тебя мне и твоему народу. Ты по праву царь нашего великого государства.

\* \* \*

Когда пришло время уходить, Забиба спросила у царя позволения отправиться домой, но царь не позволил ей уйти. Тогда она заговорила на другие темы, не о том, о чем они говорили до этого.

Царь спросил Забибу:

- Как ты можешь описать свою любовь ко мне, Забиба?

- Когда я говорю, что люблю тебя, царь мой, эта фраза, прежде чем сорваться с моего языка, проходит через всю меня. Я говорю ее как и все, но происхождение слов и их источник не такие, как у всех. Возможно, отличается даже направление букв, из которых состоит фраза "я люблю тебя". А если ты желаешь большего, мой царь, то я скажу тебе, что, когда человек чувствует, что вещи вокруг него, включая природу, преобразуются светом, свет этот исходит не иначе как от лучей его любви, без которой, как без солнца, жить невозможно. Это и значит, что он любит по-настоящему. Вот почему я почувствовала, что не ошиблась в своей любви, мой царь, хотя и не почитаю твоего древнего бога. Я полюбила тебя в душе, царь мой, когда отношения между нами стали окрашивать окружающую нас жизнь самыми разными красками. А после этого разве не должна выйти на первый план

душа? Разве не должна она подняться на высоты, если она и есть - возвышенное состояние? Да и что такое человек без души, как не мешок из костей? Разве можно запереть душу или ограничить ее полет пространством или каким-то принципом? Разве не один Аллах волен определять, где душа найдет себе пристанище?

- Да, Забиба, ты снова права. Та любовь, что поселяется только в сердце, а не в душе, подпадает под воздействие предметов этого мира. А тот, кто подпадает под воздействие предметов, сам начинает состоять из предметов. Предметы имеют для него ценность предметов в соответствии со степенью влияния каждого из них. Такой человек рассматривает свою возлюбленную по частям. Он отделяет от нее глаза, отделяет от нее нос, грудь... он отделяет от нее ее тело и любит только тело. А ведь если бы он любил человека в целом - с его душой и телом, с характером, качествами и поведением, тогда любовь приняла бы другой размах и охватила бы все эти аспекты, а не оставалась привязанностью к предметам, в том числе к частям тела, вызывающим эту любовь. Если любовь принимает форму и цвет предметов, значит, на эту любовь можно оказать воздействие. Ее могут ослабить трудности и препятствия, стоящие на ее пути, она может изменить направление под воздействием преград, а вот на душу все это оказать тлетворного влияния не может. Поэтому и по другим причинам человеку нужен далекий бог, которого нельзя ни потрогать, ни увидеть, который не был бы частью земли или того, что есть в этом мире. Поэтому я тебя и полюбил, Забиба. Я увидел в тебе святилище и символ своей души. Ты - ее врачеватель и лекарство.

Спросила Забиба:

- Но почему? За что полюбил ты меня, мой великий царь?

- Полюбил я тебя, Забиба, чтобы в тебе и через тебя любить мой народ. Я понял тебя, когда слушал, что ты говорила. Я понял тебя, когда увидел, как ты поступаешь. Я понял, что ты способна пожертвовать собой и что в тебе есть все, о чем ты говоришь. Я понял твоего Бога, потому что ты - живая частичка народа, и ты веришь в его роль и любишь свою родину. Через любовь к тебе я полюбил и твой народ, а после этого полюбил и твоего Бога. Я полюбил, Забиба, твой народ, и потому полюбил твоего Бога. А может быть, это твой Бог дал мне любовь к тебе и народу, после того как я полюбил его.

Я понял, что нет никакого противоречия между любовью правителя к народу и его любовью к Богу. Понял, что тот, кто не любит народ, не может любить единого Бога, такого, как твой Господь, Забиба. Еще я понял явное противоречие между нашими богами и нашей любовью к народу, потому что наши боги исполняли наши желания в соответствии с нашим положением или предназначением, а с желаниями народа всегда все было по-другому. Поэтому после того, как я полюбил тебя и полюбил твой народ, я решил принять твою веру и отказаться от своего бога. Я решил разрушить его, чтобы наконец обрести гармонию с самим собой, после того как всей душой полюбил тебя. Я люблю тебя и твой народ всей душой и душу свою отдам за вас. Всей душой я стремлюсь к твоему Богу и молю его о прощении и благосклонности.

Когда произнес царь последнюю фразу, полились слезы из его глаз и потекли по щекам и усам. Забиба вскочила и, заливаясь слезами, обняла его, поцеловала в лоб и сказала:

- Славим Аллаха за создание, за то, что Он дал нам рождение и указал путь, за то, что Он нам уготовил, за то, чем прославил и осчастливил. Мы просим его, хвала ему, о милосердии во время суда его. Верю в тебя, о Боже, Господин двух миров.

Царь сказал:

- Верю.

Через мгновение повернулся он к Забибе и сказал ей с некоторым смущением:

- Раз любишь ты меня таким и раз я люблю тебя такой, какой тебя представляю, согласишься ли ты, чтобы я стал твоим мужем по закону твоего Бога, Забиба?

Это было так внезапно, что язык Забибы на мгновение онемел и счастье переполнило ее и заиграло на ее щеках и губах. Но она овладела собой и сказала царю:

- Не в моих правилах противиться просьбе царя моего, но пусть позволит мне господин

мой поделиться с ним моим мнением, если он желает его услышать.

Царь удивился, и им овладело изумление оттого, что Забиба не желала воспользоваться предоставленным ей шансом. Чтобы скрыть смущение, в котором он пребывал, и вспоминая о характере Забибы, царь заговорил сам с собой:

- Воистину, Забиба не такая, как все. У нее на все есть свое мнение. А раз уж я приучил себя уважать ее мнение или, по крайней мере, с уважением и благожелательностью его выслушивать и по достоинству оценивать, я должен выслушать ее и теперь.

Царь заговорил, улыбаясь и выказывая некоторое смущение, которое можно было легко заметить по нему, как легко было заметить и гнев. Разве не гnevаются цари, когда кто-то противится их воле и препятствует их замыслам?

- Я готов выслушать твое мнение, Забиба.

А Забиба принялась выискивать в себе ответы:

- Откуда у царей нашего времени возьмется воображение и откуда возьмутся планы? Разве все, что сейчас происходит, не исходит из-за границы? Что им еще остается, как не выполнять все покорно? Разве у сторожевой собаки нет пространства, где она может бегать и лаять? Пространство это, в котором она получает свободу движения, зависит от характера того места, которое ей поручено охранять. Когда ее хозяин захочет распоряжаться в ее царстве, он отведет собаке пространство метр на метр или посадит на привязь длиной в метр. А если пожелает вероломно поступить с ее соплеменниками и соседями, он удлинит веревку, а тому, с кем пожелает так поступить, внушит, что она привязана. Под этим пространством я имею в виду следующее: такой человек - не хозяин своих желаний. Я знаю, что наш царь не похож на всех остальных, и однако же в самом основании его душевного устройства у него есть с ними что-то общее.

Закончила Забиба размышлять и сказала:

- Я полюбила тебя, мой царь, потому что меня привлекли качества твоей личности, хотя сама я в целом против царей и против того порядка, благодаря которому царь становится царем, особенно против наследования, которое происходит, невзирая на пригодность наследника или отсутствие таковой, на способность или неспособность править, на его качества и мнение народа. Неприязнь моя к этому возросла, когда я своими глазами увидела, как проходят сборища и праздники у Хискиля, возможные благодаря такой власти и таким царям. В твоей личности я увидела фундамент, благодаря которому ты сможешь возложить на свои плечи заботы о народе, когда захочешь сделать это, о мой царь. А когда и как ты этого захочешь - это моя задача, и я обещала Аллаху выполнить ее. Выполняя ее, я полюбила тебя за все то, что нашла в тебе. Естественно будет, если я скажу, что наше с тобой соединение превосходит все мои мечты и раскрашивает их такими яркими красками, о существовании которых я и не узнала бы, если бы не наша с тобой связь. Но все дело в том, что сейчас наша свадьба может испортить мнение народа обо мне, и он подумает, что вся моя борьба и все мое терпение, все стоявшие на моем пути огромные трудности, которые я преодолела, все это было исключительно ради того, чтобы добиться свадьбы с тобой, мой царь, а не ради нашего народа. К тому же ты до сих пор остаешься царем, и я не думаю, что наш народ, напуганный царями из тех, которые унизились перед чужеземцами, будет доверять царю. А ведь в истории нашего народа были цари как драгоценные сверкающие жемчужины в короне. Но где же цари нашего времени, достойные царей времен ушедших?

Тут вспомнила Забиба, что тот, кому говорила она все это, тоже царь. Тогда сказала она:

- Прости меня, господин мой, клянусь Аллахом, я не ставлю тебя в один ряд с теми, кому предназначаются мои стрелы. Я говорю все это так, как будто ты почти такой же, как и я.

- Опять ты говоришь "почти", Забиба?

- Да, мой царь, потому что ты по-прежнему остаешься царем, а меня все так же зовут Забиба. А Забиба - дочь народа и его совесть.

- Но когда мы поженимся, ты станешь царицей, и тогда наши качества, соединившись,

образуют равенство.

- Нет, господин мой, равенства не получится, потому что даже в качестве царицы я буду в подвластном тебе положении, а значит, не буду независимой и не смогу вести себя так, как в идеале позволяла бы моя независимость. В таком случае я утрачу свободу, превратившись из дочери народа, обретшей свободу (включая и то, что ее царь позволил ей высказываться и дал ей равенство в беседе с ним), из того состояния борьбы, в котором пребывает дочь народа, будучи живой совестью этого народа, всего лишь в царицу, в обычное приложение к царю, скованную своим титулом и другими тяжкими оковами.

- То, что ты говоришь, Забиба, отчасти верно, особенно то, что касается царицы. Но ведь ты получишь такие привилегии, в том числе и славу, которых сейчас у тебя нет.

- Да, мой царь, я получу привилегии и однако же утрачу свободу, а вместе с ней и те привилегии, которые в настоящее время мне доступны.

- Какие привилегии, Забиба?

- Отчасти слава, царь мой, отчасти влияние и особая роль.

- Как это, Забиба?

- Слава моя происходит от важности моей роли и от моего имени, которое присвоил мне народ: Забиба, дочь народа и его живая совесть. Роль моя в том, чтобы представлять народ перед царем, быть его совестью в беседе с ним, быть его опытом и разумом в моих советах царю. И при этом я свободна, потому что могу прийти к царю по своему желанию или не прийти к нему.

Царь сказал:

- Ты можешь отказаться от титула царицы и уйти от царя в любое время, если пожелаешь.

- Нет, мой царь, я не могу пойти на это, потому что, когда я привыкну к царскому трону и к царской короне, к тому, как обращаются ко мне люди, к тому, как обходятся со мной стражники, служанки и придворные дамы, когда я буду в лучах света, исходящего от царя, когда изменюсь изнутри, внешнему ничего больше не останется, как подчиниться. Что же касается того, что я могу уйти от царя и вернуться обратно в народ, то я скажу тебе, что ты изменишься, мой царь, когда я стану твоей женой, и, опасаясь за свою репутацию, не дашь мне такой свободы. Это цари могут отказываться от людей, а когда люди отказываются от царей, цари покрывают их самыми грязными ругательствами вместо того, чтобы упрекать в случившемся самих себя. Не могу я пойти на это и по другим причинам, которые пока держу при себе и открою их тебе в другой раз. Прошу тебя, мой великий царь, прими мои оправдания и извинения. Ах, если бы согласился господин мой повременить со своим предложением, чтобы я обдумала все и решила. И выбрать для этого подходящее время, когда народ достаточно тебя узнает.

- Я понял так, что ты сопротивляешься форме, а не сущности, Забиба. Ты противишься качеству царя, но не человеку-царю. Разве форма настолько важна, Забиба?

- Да, мой царь, форма важна в той мере, в какой ее придерживается обладатель. А поскольку ты придерживаешься этой формы, ее значение и влияние на твою личность и твою душу равны тому упорству, с которым ты за нее держишься. К тому же разве форма не оказывает сильнейшего влияния на сущность? Форма - это то, что иногда намечает для личности направление движения и линию поведения. Возьмем хотя бы одежду. Скажи мне, меняется ли что-то в твоём поведении и в твоей походке, когда ты надеваешь царскую одежду, возлагаешь на голову корону и восседаешь на троне, или когда надеваешь простые одежды и направляешься к жене своей, или когда надеваешь одежды воина и облачаешься в военное снаряжение? Но если даже в этом есть заметное различие, то что тогда сказать о влиянии формы на качества и полномочия, на порядок наследования от царя к царю и на многое другое?

\* \* \*

Забиба договорилась с царем о том, что она по-доброму расстанется с мужем, осуществляя свое желание покончить с той двойственностью, которая преследовала ее, когда

она металась между царским дворцом и домом, где ее муж со своими желаниями или независимо от них, а просто для формы старался укрепить в ее глазах свое положение. Возможно, он стремился показать, что добивался победы над ней, когда подчинял ее своей воле, когда ругал ее, насильно загонял в постель или избивал по самому ничтожному поводу. А ведь она стала возлюбленной царя, и люди говорили о ней далеко за пределами царского дворца. Разве не свойственно психологии людей уподобляться знаменитостям или во всем им противиться? Люди стремятся соединиться с теми, кто похож на них своими чертами или качествами, стилем жизни или поведением, тем, что они используют и во что одеваются, включая прическу и бороду, длину и ширину усов, характер улыбки и смеха. Люди желают приобрести таких же, как у знаменитости, лошадей, такой же посох, такие же одежды, за исключением укаля\*. Это потому, что укаль в наше время стал олицетворением позора и надет на головы некоторых предателей царей, эмиров и их помощников. Если бы не спас его Ирак, когда возложило его на свою голову сердце нации, стал бы укаль неприятен арабской душе и говорили бы иракцы дважды: "Боже упаси", когда встречали знаменитостей и знатных людей, носящих его на голове.

Разве не свойственно людям во многих случаях уподобляться знаменитостям, особенно тем, кто при отсутствии сущности находит утешение в форме, или противоречить им вплоть до жгучей ненависти по той причине, что у них самих души пустые?

Говорила так мудрая старуха и смеялась, как будто выражала наши чувства, а мы серьезно слушали все то, что она рассказывала о царе и Забибе, даже если все это и было выдумкой. Мы с нетерпением ждали продолжения этого странного и увлекательного сказания, а рассказчица хотела сосредоточить наше внимание на своих комментариях, чтобы мы поняли его суть и сокровенный смысл.

Старуха продолжила:

- Некоторые желают наложниц царей, их жен и дочерей. Разве желание в некотором смысле не начало стремления к обретению того, что еще далеко от возможного? В таком случае чем желание отличается от стремления?

Желая всерьез прогнать от нас скуку, заговорила старуха с тем из нас, кто был уже близок к возрасту мужчины:

- Если будешь мечтать о них, ночью тебе приснится, будто ты овладел одной из них.

А другому его же возраста сказала:

- А ты, парень, я смотрю, всю уже размышлял о какой-нибудь из царских дочерей!

В ответ на ее шутки смеялись мы все, мальчишки и девчонки, полные желания снова слушать, собравшись вокруг нее, увлекательное сказание.

Возвращалась Забиба на своей пегой кобыле к себе домой после того, как настояла на том, что будет проделывать этот путь одна, без сопровождения. Царь предлагал ей сопровождающего, но она настояла на своем - чтобы с ней никого не было. И царь велел было кому-нибудь ее сопровождать, но, увидев ее настойчивость, понял, что она на это не согласится. Испугавшись, что это смутит царя или что он заставит ее принять обратное, она сказала, прежде чем он стал ее убеждать:

- Мне кажется, царь мой, ты торопишься показать меня такой, какими выглядят принцессы со своими свитами, подрывая мой авторитет и мое влияние среди народа. Одно из главнейших моих качеств, имеющих влияние в народной среде, - то, что я стала близкой к власти и к тому, кто принимает решения, но при этом осталась частью народа, и не только душой и умом, но и своим поведением и отчасти видом. Я из их среды, я часть их жизни. Ты хочешь лишить меня, царь мой, влияния? Ты настолько возненавидел меня, что желаешь потопить корабль, на котором я плыву? Ты хочешь укротить мою свободу, два моих крыла, которые позволяют мне лететь между деревьями и наслаждаться видом цветов и ветвей, свисающих над речной гладью?

Все это Забиба сказала царю вполне серьезно, но вместе с тем и кокетливо, и с губ ее не сходила улыбка. Царь называл эту улыбку "пчелиным нектаром".

- А что такое пчелиный нектар, бабушка?

- Да это же мед!

Многие из нас заворочали языками и облизнули губы, так вдруг захотелось меда.

А старуха продолжала:

А пути от города до ее дома было пять фарсахов\* или чуть больше. По обеим сторонам грунтовой дороги, по которой держала она путь, густо росли деревья и были прорыты каналы. Многие цари ушедших времен строили свои дворцы вне пределов городов (если не приходилось им строить новый город), охраняя себя от народных восстаний, ибо простым людям трудно было покрыть пешком расстояние между городами, обычными очагами восстаний, и царскими дворцами; а если они все же поднимали восстание, то цари, эмиры и их сторонники старались сделать так, чтобы они погибли за городом. Мало кто из народа искусно владел оружием и снаряжением, которым обладали цари, их охранники, полиция и воины. У них зачастую не было даже таких простых вещей, как кони, ослы, верблюды, луки со стрелами, мечи и копья, чтобы противостоять тем, кто во дворцах. Для этого нужно собраться вместе, а это требует особой организации. Если движение не будет тайным и организованным, оно будет обнаружено еще до того, как приобретет необходимую для сражения мощь.

Все это вертелось в голове у Забибы, когда направлялась она к дому. Она задумалась, как вдруг заметила в деревьях какое-то движение. Она подстегнула было лошадь, чтобы пуститься вскачь, но дорогу ей преградил человек на коне в окружении людей, чьи лица были скрыты масками. Забиба выхватила меч и стала мужественно защищаться, но один из нападавших ударил ее палкой или железным прутом по руке, в которой она держала меч, пока двое других отвлекали ее своими мечами, чтобы она отвела взгляд от того, кто нанес ей удар. Рука ее онемела, и меч выпал из нее. Забибу стащили с лошади и скрутили ей руки за спиной. Главный из нападавших в маске повел ее на опушку леса, остальные шли чуть в стороне. В лесу он, не сказав ни слова, повалил ее на землю, и она догадалась, что он хочет ее изнасиловать. Он заткнул ей рот тряпкой, чтобы никто не услышал ее криков о помощи. Сначала Забиба сопротивлялась, но потом сдалась, потому что злодей ударами и пинками избил ее в кровь, и она потеряла сознание. А потом он изнасиловал ее, забыв о мужественности и чести и не побоявшись позора, который покроет его за содеянное. От этого позора не избавятся ни дети, ни внуки его, ни внуки внуков, а ему самому не будет места среди мужчин. Отпрыски его не женятся на дочерях благородных людей и не выйдут замуж за их сыновей. После случившегося преступник решил, что она потеряла сознание, так как она перестала сопротивляться и лежала неподвижно со связанными руками. Тряпка же выпала из ее рта, когда она сопротивлялась, но он не обратил на это внимания и вновь навалился на нее. В приступе возбуждения напоминая дикого зверя, он приблизил свое лицо к ее рту, и тогда Забиба вцепилась ему в шею зубами и изо всех сил стиснула зубы, так что на шее осталась глубокая рана.

Тогда злодей избил ее пуще прежнего, а потом развязал ей руки и оставил так лежать. Забиба лежала молча, пока не обнаружила, что ночь уже опустила свое покрывало. Вдруг она заметила свою лошадь: та, опустив голову, стояла над ней и обнюхивала ее ноги, лоб, голову и руки.

Когда Забиба открыла глаза и увидела лошадь, она улыбнулась ей, хотя ее охватила небывалая печаль и она почувствовала себя смертельно униженной всем тем, что случилось. Улыбнулась она своей кобыле, благодаря ее за верность, пусть даже это всего лишь верность животного к человеку. А потом горько усмехнулась тому, что иногда человек бывает хуже животного.

Именно так и поступили злодеи с Забибой. Они выбрали между собой того, кто разорвет ее честь вместо того, чтобы, как сделал бы лютей зверь, разорвать плоть. Разве поведение человека не зависит от уровня развития его совести, закаленной в процессе воспитания и обучения, а не только от его ума? И хотя человек отличается от животного прежде всего умом, один только ум не способен сделать человека полноценным созданием, если его совесть не будет человеческой, потому что ум - это сила, а сила может совершать

как добрые деяния, так и злые, если, конечно, добро, которое познается благодаря воспитанию, учению и живому примеру, не отведет ум от зла.

Исходя из всего этого, можно объяснить и то, почему один человек может растерзать другого, как это сделали с Забибой.

- Даже животное уважает желание человека, если хочет совокупиться с ним. Разве не угождает медведица человеку, когда утаскивает пастуха в горах на севере Ирака? Она тащит его в пещеру, чтобы, повинувшись ее желанию, он совокупился с ней. Разве не приносит она ему орехи, срывая их с деревьев или собирая под ними? Разве не забирается по ночам в дома крестьян, чтобы украсть сыр, орехи и даже изюм, накормить его и пробудить у него желание овладеть ей?

А этот зверочеловек поступил со мной по-человечески, то есть растерзал самым отвратительным образом. Возможно, это один из тех, кто тщетно добивался меня, когда Хискилю не удалось сделать так, чтобы я участвовала в его ночных играх.

Так говорила Забиба про себя.

- Лучше бы он растерзал меня клыками, распорол мне живот и умертвил бы меня! Если бы он сделал так, он был бы гораздо милостивее, чем поступив так, как он поступил. Что я скажу Господу? Воистину, Господь милостив и все прощает, ибо видит, что и как человек делает по своей воле, а что - вопреки ей. Если бы не боялась я того, что Он будет мучить меня на огне своем, то наложила бы на себя руки. Но что я скажу царю? Поверит ли он моему рассказу? А если и поверит, поверит ли тому, что я сопротивлялась насилию, как могла? Что сделала все, что мне под силу было сделать против насильника. Что скажу я самой себе? Горе мне, горе! Раньше доверяла я тем, с кем общалась, а теперь уже не буду такой, как прежде.

- Но почему, - снова спрашивала себя Забиба, - почему я не буду такой, как прежде? То, что случилось, случилось не по моему желанию. Я сопротивлялась. Я испробовала все средства от меча до мольбы, я напоминала злодею о мужественности и благородстве, но все это не помогло. Я пустила в ход зубы. Разве не герой тот, кто сражается даже зубами, прежде чем сдастся вооруженному врагу?

Потом она подумала о том, что не сдалась, а упала без чувств на поле боя. А когда она вспомнила, как дралась, зрачки ее глаз расширились до предела, и она перестала размышлять об этом, как будто хотелось ей сказать:

- Вот оно, да, я нашла, немедленно откроюсь царю. Не лучше ли для женщины, попавшей в неловкое положение с мужчиной, сразу же рассказать все мужу, брату или любимому, пока тот не услышал все от других, и не позволить ему подумать о ней плохо? Разве можно смягчить тяжесть обвинения или избежать его, если не раскрыть всю правду? Если я признаюсь во всем царю, мы, возможно, отыщем эту бешеную собаку и его преступную свору, потому что царь, если пожелает, может потребовать к себе любого человека. Мы найдем следы, которые я оставила на его шее и на теле, и тогда узнаем и все остальное.

Потом она подумала:

- А что, если царь не сумеет отыскать преступника и тех, кто был вместе с ним? Не получится ли так, что я расскажу ему о том, чего он не знал и, возможно, не узнал бы, и отпугну его от себя, потому что доказательств моей невиновности у меня не будет?

Потом сказала себе:

- А что, если он узнает? Это значит, что отношения между нами провалятся в пропасть и планы наши окажутся в опасности.

Она решила, что расскажет все царю сразу же после того, как сходит домой переодеться и омыть свое тело. Лучше она вернется во дворец позже и даст царю возможность действовать, исходя из того, что она ему расскажет, чем стража встретит ее такую, какая она есть, и царь узнает все от стражников.

- Я сковываю ему руки и лишаю возможности принять по своему усмотрению то решение, которое он сочтет необходимым.

Пока все эти мысли вертелись в голове Забибы, лошадь сама шла по дороге, не нуждаясь в том, чтобы ее направляли, - она уже привыкла ходить по этой дороге взад и вперед. Благородная лошадь! Разве не благороден тот, кто безукоснительно придерживается своего долга в тяжелых условиях и в трудные времена? Таково одно из важнейших отличий человека благородного от неблагородного.

Кобыла направлялась к дому Забибы, а у Забибы насильно было отнято самое дорогое, что может быть у женщины. Уже не осталось ничего, за что бы она боялась, кроме души. Неизвестно было, что могло растревожить ее душу после всего, что случилось, как вдруг Забиба почувствовала ужасное одиночество, словно ее накрыло облако. Черное и глубокое одиночество в самой душе ее. И отыскивала она в себе причины его. Одиночество было мстью и страхом за любовь. Прежде у них с царем все происходило так, как решили они по обоюдному желанию, и к этой мысли она привыкла.

- А теперь, когда случилась такая перемена, перед царем будет нечто другое. Я буду стоять перед ним, и он будет знать, что я подчинилась чужой воле, что меня изнасиловали. И то, что меня изнасиловали, что я сдалась на милость злодеев, станет причиной того, что царь больше меня не захочет. Царь привык к тому, что мы спорим с ним по важным вопросам, он умеет извлекать мудрые мысли даже из того, что называет моими придирками, когда я пытаюсь тактично высказать свое мнение по определенным вопросам после того, как он высказал свое. Он привык к тому, что я стараюсь, чтобы мое мнение не совпадало с его мнением, даже если я вижу, что его мнение - самое мудрое из возможных. Я поступаю так потому, что играю роль совести народа, а мнение народа часто не совпадает с мнением царя, и совесть царя и народа не сливаются в единое целое. Он привык к этому и полюбил это во мне, хотя лицо его бывает иногда сердитым. Он не желает видеть меня сдавшейся. Если он увидит, что высокие чувства не борются во мне с пораженчеством, он удивится, он не вынесет этого и заскучает рядом со мной.

- Мсть может стать лекарством для душевных ран. Она, а не знание правды и желание уладить все с наименьшими потерями.

Так говорила себе Забиба.

И однако же в душе ее нарастало чувство одиночества, как будто хищный зверь терзал ей внутренности, рвал жилы, печень и даже груди. Разве не растерзал хищный зверь, который надругался над ней, ее груди, словно хотел сделать это для того, чтобы такими их увидел царь? Их шайка не способна опозорить царя, даже если этого пожелает. Почему бы им не опозорить царя, унизив его любимую? Овладеть ею, разрушить изнутри, сделать изгоем среди людей. Утрата любимого человека тем, кто его любит, - это уже другая сторона любви. Должно быть, из этого и исходили злодеи, когда решились на то, что они сделали, но как им удалось найти того, кто был зловреднее всех? Как они узнали, что вот этот сделает с ней то, что он сделал, даже если она будет сопротивляться? Возможно, это солдат, который по неизвестной причине сбежал с поля боя, а потом решил отомстить тому, кого счел своим врагом, чтобы излечить в себе этот комплекс. А может быть, полицейский, от которого из-за его оплошности ушел разыскиваемый преступник. Или торговец женщинами, который продает их знатным людям, а сам не может овладеть ни одной, и потому он возненавидел женщин и от имени всех больных и неспособных решился на это злодейство против той, что стала их символом у царя.

Тогда сказала Забиба:

- Не мог этого сделать солдат. Потому что он помнит, что его главный долг - защита страны. А тот, кто кладет свою жизнь на дело защиты страны, чтобы гордились им друзья и негодовали враги, не может сделать того, что было сделано. То же и полицейский, хотя иногда мы плохо думаем о некоторых из них из-за ежедневных трений с ними, когда возникает противоречие между тем, кто считает своим главным делом исполнение закона, и тем, кто считает, что закон противоречит его личной свободе. Полицейский не мог сделать этого, потому что преступное действие, совершенное против меня, незаконно, а долг полицейского не только в том, чтобы уважать закон, но и в том, чтобы делать так, чтобы его

уважали другие.

И вдруг она почувствовала, словно чьи-то когти вонзились в ее сердце и пустили из него кровь. Но она не могла объяснить это только тем состоянием, в котором пребывала после случившегося несчастья.

Муж ее думал, что Забиба вернется во дворец, чтобы рассказать царю о случившемся, и даже не подозревал, что она отправится домой. А Забиба привязала лошадь возле дома и, поскольку была в таком унижительном виде, подошла к дому неслышно. Ее муж, полубнаженный, смывал кровь, которая сочилась из его шеи и других частей тела, раненных Забибой, когда она сопротивлялась, а он ее насильствовал. Забиба заметила все это в приоткрытую дверь, в которую заглянула узнать, нет ли кого в доме, потому что ей совершенно не хотелось ни с кем разговаривать.

Тут поняла она наконец, что это муж ее изнасиловал, что это он был с бандой мерзавцев. В голове у нее сразу же возникли новые мысли, не те, что были раньше. Ей стал понятен этот заговор, и она совершенно точно поняла, почему целью заговорщиков стала она, а не царь. Тот, кто не в силах сладить с господином, попытается сделать это с его слугой, наложницей или невольницей.

- Но что заставило эту гниль (она имела в виду своего мужа) совершить эту трусливую и подлую выходку? Если у Хискиля, шайки эмиров и сводников и тех торговцев, что окончательно потеряли совесть, была своя цель, что заставило пойти на это его? Разве не у власть имущих самое жестокое отношение к добродетели и человеческому достоинству?

Он трус. Это точно. Но то, что он еще и подлец, я не могла предположить. Разве не по делам судят о человеке? Пытался ли он подражать царю? Или он решил, что если он не может быть царем, то может стать таким, как царь, если овладеет его возлюбленной? Разве не существует разницы, гниль (это она о муже), между завоеванием благосклонности и изнасилованием?

Потом она подумала про себя:

- Тот, кто не может придумать в угоду своей жене что-либо новое, не думает ли он, что достаточно ее изнасиловать, чтобы удовлетворить? Это не лучше, чем лечить рану, из которой сочится гной, снова и снова заражая ее. Пропади ты пропадом, подлый предатель!

Она беззвучно плюнула в его сторону, потом вошла, изобразив движение у двери, чтобы он не догадался, что она все видела. Это осложнило бы все дело или заставило его действовать не так, как она замышляла, и не тогда, когда ей было удобно.

- Разве изменение задач, средств и сроков не требует дополнительных усилий и жертв? Разве человек иногда не проигрывает битву, если он идет на изменения, которые не были необходимыми?

Подумав так, Забиба открыла дверь и шагнула в дом.

Она дала своему презренному мужу возможность одеться и повязать на шею куфийю. Он стал заматывать и голову, отговариваясь тем, что вывихнул шею. И, решив, что Забиба ему поверила, всякий раз, когда она к нему приближалась, находил какое-нибудь оправдание, чтобы она не увидела его шеи, и старательно ее избегал. А Забиба то и дело выказывала желание посмотреть, что там у него, и делала это таким образом, что больной стал подозревать, что ей все известно.

Что до того, что случилось с ней, то он расспросил ее обо всем, как будто ничего не знал, делая при этом грустное лицо, и она все подробно ему рассказала, внимательно следя за его глазами, чтобы увидеть его реакцию. Он же стал вести себя так, будто его схватил ифрит\* и хочет бросить на землю, чтобы переломать кости и выбить из него душу.

Понравилось Забибе истязать так своего мужа, и делала она это с удовольствием. Разве желание женщины отомстить не сильнее желания мужчины? Если найдет она способ против того, кого ненавидит, то заставит его вдоволь натерпеться всяких мучений и изведать самых горьких поражений. Многие мужчины, особенно те, у кого есть свои принципы, не стремятся специально к мести, хотя она и бывает одним из элементов их борьбы, но когда речь идет о женщинах, если их сердце кровоточит или кто-то взял над ними верх, у их мести появляется

вполне определенная цель, доставляющая им удовольствие. Они, наверное, заживо бы съели того, кто доставил им страдания, предоставься им такая возможность. Разве не знаете вы, как Хинд, дочь Атабы, жевала печень Хамзы, да будет доволен им Аллах, в отместку за то, что он убил в бою ее отца, брата и дядю?

Муж Забибы пытался скрыть правду о случившемся, а она снова и снова спрашивала его о том, каким образом он повредил себе шею. Муж ее, вместо того чтобы рассердиться, возмутиться и пригрозить отомстить тому, кто мучил ее, напоминал пса, который осмелился в доме хозяина своего сожрать пищу, которая ему не предназначалась, или лаять на гостя, или по ошибке укусить самого хозяина, а хозяин прогнал его. Хвост этого пса болтался между задних лап, и весь его вид, походка и поведение говорили о крайней степени его унижения.

И хотя мы сравнили мужа Забибы с нашкодлившей собакой, собака из благодарности к хозяину никогда его не предаст. Муж же ее поступил с ней вероломно, поэтому назвать его собакой будет мало. Шкуру собаки можно еще использовать, если ее выдубить и отмыть, а в шкуре ее мужа было столько скверны, что к ней нельзя было прикоснуться, не замаравшись, даже если ее омыли бы все воды вечной реки Тигр.

Забиба умылась и надела чистую одежду. Она опоясала себя мечом и выехала на своем белом коне. Она поспешила, заметив, что солнце может взойти раньше, чем она достигнет внешних ворот дворца. У ворот обычно много солдат, и ее вид породит расспросы и разговоры, которые не удержатся в стенах дворца. Слухи быстро распространяются среди дворцовой прислуги, а от нее узнают все и другие люди. Разве не достаточно прислуге подслушивать и знать все, о чем говорят, что думают и что делают цари? А разве языки их наложниц не становятся зачастую рупором их состояния? Не стоит опаздывать с прибытием к воротам дворца. Рассвет поможет мне скрыть царапины на лице, которые я получила в схватке с этим бешеным псом.

Забиба добралась до дворца и, как обычно, проследовала в личные покои царя. Не спрашивая разрешения, вошла в его опочивальню и увидела, что он уже ждет ее - начальник стражи доложил, что она к нему направляется, как только узнал об этом от стражи внешних ворот.

Царь не успел еще одеться, но уже поднялся с постели и умыл лицо, продолжая свои обычные приготовления к встрече с ней. Множество мыслей и догадок крутилось у него в голове, и совсем уже разволновавшись, он стал спрашивать себя:

- Почему я так волнуюсь? Всего-навсего сообщили, что это она, а не кто-то другой, идет сюда, и, должно быть, в добром здравии. Мне не о чем волноваться. Разве не приехала она верхом на коне? Тот, кто покрывает расстояние между своим домом и дворцом верхом на коне, должен чувствовать себя превосходно. Но почему она прибыла в столь ранний час?

Впрочем, царь дал ей право приходить во дворец, когда она пожелает, невзирая на время, а не так, как приходят по официальным делам или по приглашению.

А когда она сказала царю:

- Как я могу приходить во дворец не в назначенное время? - царь ответил ей:

- Для тебя у меня любое время свободно, Забиба, возлюбленная моя.

И тогда сказала она:

- Тебе не стоило бы так меня баловать. Ведь простой человек, бывает, не знает границ своих симпатий и чувств.

А царь сказал ей, улыбаясь:

- Разве не говорила ты мне, Забиба, что царям больше нужны те, кто говорит им правду, чем те, кто говорит: "Твоя воля, мой господин. Твоя воля, мой великий царь"?

Разве дружеское чувство и радость дружбы - это не то, что необходимо царю? Вырваться из обветшалых понятий, полученных в наследство от старых царей, - вот какой шаг необходимо предпринять, чтобы всерьез постичь жизнь людей. Если же я стану ограничивать того, кто мне ближе всех, заранее составленным расписанием, то наши встречи превратятся в рутину, и ни у меня, ни у нее не будет возможности нарушить ее и поступать

не так, словно мы выполняем официальную работу. Если мы будем поступать, исходя из самого обычного человеческого желания, из того, что диктуют чувства влюбленных, то и серьезная работа на благо народа будет больше отвечать его интересам.

- Но берегись, мой царь. Прости меня, я не имею в виду обычное предупреждение.

Засмеялся царь и сказал:

- Вот и ты уже стала взвешивать слова, как будто ты не дочь народа, а принцесса из царской свиты.

Засмеялась Забиба и спросила:

- Разве цари и принцессы действительно все взвешивают до мелочей?

- Не всегда. Не в самые существенные моменты, а только в том, что они приняли за стиль общения царей. Разве не забывается тот, чья душа пуста, о чрезмерных формальностях? И не ты ли сама мне об этом говорила?

- Да, все это правильно, мой царь. Человек, сущность которого наполнена реальными вещами и день которого занят настоящими делами, не станет придерживаться формальностей. У него просто нет времени, чтобы тратить его на формальности, которые не дают ничего полезного и не являются показателем правильного воспитания.

Когда Забиба направлялась от внешних ворот дворца в личные покои царя, а царь готовился принять ее, его тревожила неизвестность, а в голове вертелись все эти мысли и вспоминались некоторые моменты их отношений.

Забиба оказалась в дверях, после того как постучала, и царь крикнул ей:

- Входи!

И умолк при виде неожиданного зрелища. Лицо Забибы и руки были все исцарапаны. Царь шагнул к ней, но прежде, чем обнял ее, она бросилась в его объятия и зарыдала.

Царь молча обнимал ее и гладил по голове, его пальцы блуждали в ее волосах, пока Забиба не выплакала весь запас слез, томившихся у нее в груди. Это была их первая встреча после того тяжкого горя, которое с ней приключилось. С ней как будто случилось два несчастья, каждое из которых доставляло сильнейшую боль. Она никак не могла решить, что причиняет ей больше страданий: то, что ее изнасиловали, или то, что ее изнасиловал и избил муж, который среди прочих своих обязанностей должен был всячески беречь ее и защищать.

Иногда она думала, что насилие и те страдания, которые ей пришлось вытерпеть, угнетают ее меньше, чем душевные муки из-за предательства мужа и вероломства тех из преступной банды, кто предал царя. Насилие для нее, быть может, было бы и страшнее, если бы ей не открылось, что ее изнасиловал собственный муж. Она говорила себе, что насилие свершилось независимо от того, кто его совершил, а муж лишь исполнил роль неизвестного. Если бы не довелось ей узнать правду, то сделавший с ней это так и остался бы неизвестным и она переживала бы только боль содеянного.

Насилие причиняет сильнейшую боль, независимо от того, насилует ли мужчина женщину, армия захватчиков насилует родину или насилуют право те, кто его не приемлет. Но еще хуже, когда кого-то отдают на поругание, будь то страна или человек. Забиба постаралась облегчить горечь насилия и боль, терзающую ее душу. Она сказала себе:

- Но ведь я сопротивлялась до тех пор, пока не ослабела от ран и пока не оставили меня силы и я стала как бездыханный труп.

Потом добавила:

- Да, как бездыханный труп. А разве на мертвое тело может пасть позор изнасилования? Разве может пасть позор изнасилования на историю страны и народа, когда гибнет народ и на земле страны не остается уже никого, кто способен держать оружие?

И ответила себе:

- Да, именно так. Любой правитель, соглашающийся с насилием, пока он жив и народ его не истреблен, запятнает себя позором, и народ его, если смирится с этим, будет покрыт позором. Да, поругание невыносимо для души и для истории, для любого свободного человека. Предательство царя горько, но во много раз горче и больнее отдается в душе предательство народа, страны и ее истории.

Забива вытерла слезы. Когда она заговорила в ответ на расспросы царя о случившемся, ее душили слезы, не позволяя говорить. Так и вела она свой рассказ, то и дело переменяя его слезами, пока не довела свою печальную историю до конца.

Царь поначалу весь вспыхнул в гневе, но потом овладел собой, пребывая, однако, в глубочайшей печали.

Он повторял вслух:

- Замысел посягнувших был на этот раз очень болезненным и поразил меня сильнее, чем стрелой в глаз. Но, клянусь Господом Забивы и ее целомудрием, видит душа моя, понимает ум и чувствует совесть, что мы будем вести против них сражение и не прервем его до тех пор, пока по воле Бога Забивы, Аллаха милостивого и милосердного, царь не сделает так, чтобы герои остались героями, чтобы знамя правды возвышалось на своем древке над землей и чтобы у народа был тот, кто достоин быть его совестью и кто думает о нем. А если Аллах, хозяин высшего царства, пожелает, чтобы моя душа поднялась к нему, это будет великая для меня честь, и сделается тогда небо раем, а земля вратами его. Да стинут все злоумышленники!

Царь тут же велел солдатам немедленно привести к нему мужа Забивы, потому что он - тот ключ, который поможет раскрыть заговор и заговорщиков, которые участвовали в надругательстве над Забивой и в попытках погубить царя. Сказала Забива царю, услышав, что он отдает приказ схватить ее мужа:

- Прошу тебя, царь мой, подумай о том, что могут сделать заговорщики, когда узнают, что негодяй схвачен.

- А что они могут сделать?

- То, что делают отчаявшиеся злодеи, которым угрожает плен и гибель, мой царь. Они рискнут и нападут, как это принято у царей Элама, и войдут в твой дворец.

- Ты права, Забива. Я подниму армию и полицию, чтобы они были готовы к бою и смогли вынести длительную осаду дворца, пока заговорщики и захватчики не погибнут или пока они не ослабнут и не развеет их ветер.

Забива сказала:

- Да, мой великий царь, именно так. А если позволишь, я подскажу тебе еще одну мысль.

- Конечно, Забива. Говори, что хочешь сказать.

- Я прошу, чтобы ты позволил мне покинуть дворец. Я подниму народ, чтобы он поддержал армию, и злодеи придут в отчаянье оттого, что они остались одни, а у нас появилась такая мощная моральная и действенная поддержка.

- Да, Забива. Сделай это побыстрее. Но я хочу, чтобы с тобой был отряд преданных мне солдат, которым будет командовать мой верный страж Абдулла.

- Да, мой царь.

Эти слова Забива сказала с болью в сердце, вспомнив, что ей пришлось пережить из-за того, что недавно она отказалась, чтобы кто-то из солдат сопровождал ее по пути от царского дворца к дому. Вот и случилось то, что случилось. И все же она предпочла бы отправиться поднимать народ как одна из народа. Народ не любит проявлений власти, особенно когда они чрезмерны. Народ считает, и считает совершенно справедливо, что до того, кто носит слишком много одеяний, не доходит тепло народа и не передается ему. А многочисленная охрана, используемая государственным чиновником для вида и устрашения, способна разве что отпугнуть народ от него. Основанием для любви должны быть свобода и дисциплина. Чиновник не должен ограждать себя без необходимости. Если народ видит, что он без достаточно серьезной причины окружает себя охраной, это отпугивает от него простых людей. Как сможет тот, кто сковывает себя ненужными оковами, снять оковы с других? Народ, несмотря на благосклонность царя и мое положение при нем, знал меня как простолюдинку. И если люди увидят отряд солдат во главе с царским стражником, они воспримут меня как принцессу, а то и как царицу. А поскольку они не знают царя так, как знаю его я, они разбегутся от меня. Что же делать? Выйти без охраны и тем самым

подвергнуть наш план сопротивления злодеям опасности? Нет. Я должна согласиться на охрану и довериться воле Аллаха. - Так подумала Забиба, прежде чем спросить у царя позволения пойти к народу.

Когда царь заметил, что она разговаривает сама с собой, он спросил ее:

- О чем это ты, Забиба? Ты думаешь как-то иначе?

Забиба очнулась и сказала:

- Нет, мой царь, кое-какие мысли вертелись в моей голове, но я нашла твое решение самым верным. Я пойду к народу, если ты позволишь, и я искренне взываю к Аллаху, чтобы Он обелил мое лицо в твоих глазах. Я верю от всей души, что Аллах существует и что Он справедлив. Он велик и может сделать так, чтобы народ пошел за тобой, в соответствии с теми высокими понятиями и помыслами, о которых я тебе толковала, и в соответствии с тем, что я знаю.

- Во имя Аллаха, - сказал царь.

Тогда Забиба приблизилась к царю и поцеловала его в лоб. Царь обнял ее. Потом она приветствовала его, опустившись на колени и склонив голову в знак покорности, признательности и любви, как сделала она когда-то, когда впервые пришла к нему во дворец, и как делала время от времени, когда царь поручал ей какое-нибудь важное дело, но не в каждодневных отношениях, ибо царь не хотел, чтобы пустые формальности убили или ослабили радость их отношений.

Вернулась Забиба, а позади нее шел народ. Люди кричали:

- За родину, за нацию, за веру, за преданность, за смелость, за свободу, за справедливость, за правду!

Нарастал гул голосов:

- Против измены, предательства, угнетения и гонений.

Народ столпился на территории дворца у внешней стены, а Забиба несла знамя, и сердце ее так и рвалось из груди. Она сидела верхом на своем белом коне, опоясанная мечом. И сплотилась армия, и все встали за царем, как за своим командиром.

Узнали заговорщики, что их план из-за мужа Забибы вот-вот раскроется, и прежде всего потому, что муж Забибы, хотя и казалось, что он не догадался, что Забиба разоблачила его, на самом деле обо всем догадался и решил немедленно бежать к эмирам-заговорщикам и к тем, кто поддерживал их в соседних царствах. Заговорщики решили напасть на царя в тот же день, но не учли того, что народ благодаря Забибе и благодаря Аллаху станет сердцем и опорой царя и что он сплотится, чтобы оказать армии существенную помощь. Поэтому, когда напали они со всех сторон на царский дворец, поразила их огромная сила, и застигнуты они были врасплох выпущенным в них роем стрел. И всякий раз, когда они пробивали брешь во внешней стене дворца, массы людей не давали им глубоко прорваться и сколько-нибудь серьезно расстроить порядки защитников дворца. И нападавшие поворачивали вспять, когда настигали их копья, мечи и стрелы солдат и простых людей, и даже дубинам нашлось место в этом упорном и победоносном сопротивлении. Наконец нападавшие были разбиты и бежали, бросив тела убитых, и стали презренными беглецами, после того как лишились высоких человеческих понятий и милости Господа милосердного и его благоволения. Но перед самым окончанием сражения Забибу сразила стрела, пробив кожаный панцирь, который она предпочла стальной кольчуге, чтобы отличаться от регулярной армии и слиться со своим народом видом и духом, ведь именно такие доспехи надевал народ, когда ему предстояло сражаться с врагом.

Отнесли Забибу в царские покои во дворце и уложили на постель, и один из стражников сообщил царю о случившемся.

И хотя это известие сразило царя и он готов был тут же устремиться к Забибе, все же он взял себя в руки и сказал себе:

- Боюсь, как бы воины по ошибке не подумали, что я покидаю поле боя, после того как ранили Забибу, и как бы не развалили оборону. И еще боюсь, что потом обо мне начнут распускать слухи те, кому это выгодно. Скажут, что я испугался сражения и решил покинуть

его под предлогом того, что мне нужно проведать Забибу. Как бы там ни было, разве не является законом боя то, что командир не вправе покинуть его в самый решительный момент? Поэтому я буду мстить за Забибу, снося головы предателей, и сражаться до верной победы с помощью Бога Забибы.

И стал он метаться по полю боя, гремя голосом и разя мечом и копьем. А когда в его руке тупился меч или ломалось копье, он менял их на другие, и так продолжалось до тех пор, пока враг не был повержен.

Пока жернова сражения вращались таким образом, Забиба, лежа на царском ложе, диктовала писцу такое письмо:

"Дорогой мой, любимый Аіраб. Не хочу говорить "мой великий царь", чтобы дух моих слов не был отягощен титулами и званиями. Поэтому я называю тебя так, как приятно моей душе в минуту, когда я в последний раз прощаюсь с тобой, так и не увидев тебя. Я назвала тебя по имени, да сохранил его Аллах как символ любви и почитания твоего народа и твоей армии.

Из любви к тебе я не отказываюсь от твоего предложения стать твоей женой. Эта свадьба была и по-прежнему остается моей мечтой и милостью для меня, говорящей о величии твоей души и силе твоей любви ко мне. Я отвечаю тебе с такой же готовностью к самопожертвованию и великодушию, хотя мои слова и могут показаться странными. Но ведь когда мы говорим о любви и преданности, нередко происходят странности.

Я не хотела, чтобы ты принимал решение о нашей свадьбе под воздействием этих странностей, а хотела, чтобы ты принял решение после победы, которую скоро одержишь, если пожелает того Аллах. Меня уже, наверное, не будет в вашем мире, но все равно я сумею насладиться этой победой и увидеть ее во всех подробностях. Разве павшие герои не живут и здравствуют у Господа? Разве живущий там не видит все, что творится на земле? Да, я увижу вашу победу, нашу победу. Я ее еще отпраздную. Я хочу, чтобы и ты насладился победой и твоей новой связью с народом. Чтобы она возникла, я прошу тебя дать народу право использовать любые подобающие тебе титулы и звания. Так нужно, потому что добившийся этого народ будет искренним в своих решениях, защищать их и вместе с тобой нести полную за них ответственность. Во всяком случае, после того, как имена царей и эмиров запятнали себя таким позором, не думаю, что титул царя будет тебе приличествовать. Ты должен быть вождем народа и армии, их проводником к добродетели, строительству и победе. Приблизься к народу через такой титул, который будет ему приятен, и через такие поступки, которые не будут отделять тебя от народа, а народ от тебя. Будь с ним единым целым. Тогда народ и его армия смогут под твоим предводительством сделать то, что прославит нашу страну и того, кто ей правит, и станут строителями славной истории нашей нации. Аллах велик.

Прошу тебя, не забудь меня. Я умираю от руки предателя.

Забиба, дочь народа, возлюбленная Араба.

Я умираю, да здравствует народ!

Я умираю, да здравствует Араб!"

\* \* \*

Умерла Забиба, а царь еще жил некоторое время после нее, пока не забрал его Аллах. День за днем царей становилось все меньше, но во дворцах тех из них, кто еще правил, по-прежнему плодились зло и измена. А народ по-прежнему выказывал свою волю, когда у него появлялась для этого возможность. Народ стойкий, как вечность, как желает того Всемогущий.

Погибла Забиба, и закрылись ее глаза в тот момент, когда душа ее достигла своего места в саду вечности, а царь оплакивал ее с великою скорбью. И говорил он так:

- Погибла Забиба, но она живет среди тех, кто вознесся. Она живет как великий символ и среди нас. Она осталась, чтобы вдохновлять народ и меня своими взглядами, своей преданностью и мудростью, своей великой душой и упорством, угодным народу и родине. И будет угодно все это Аллаху, хвала Ему, если Он того пожелает.

Душа ее осталась с нами и парит над нашими головами рядом с душами героев и

праведников, а зло и злодеи исчезли до времени. Победил народ, и победила страна. Победила нация, благодаря Всемогущему. Потерпели неудачу нападавшие и были разбиты. Народ победил.

Я встречусь с тобой, Забиба, там, где пребывает твоя душа. Знаешь ли ты как, Забиба? Конечно, знаешь. Ты знаешь, что дорога к тебе - это любовь к народу. Я должен поощрять его возможности и способности в самых разных сферах и не отягощать его ничем ненужным. Он должен нести только самые главные обязательства и неизменные моральные понятия. С ростом возможностей народа и развитием его понятий лестница, по которой я приду к тебе, будет становиться все выше.

Иди, а я взлечу к тебе на крыльях моей веры, если захочет того Господь мой и твой Господь, Забиба. Ты познала ту высшую степень свободы, Забиба, о которой говорила. Эта свобода, несомненно, выше и глубже той свободы, которую знаем мы здесь, на земле. Но и она - свобода ограниченная, а не абсолютная. А знаешь почему, Забиба? Потому что своей героической смертью ты добилась такого положения, которое обретают в борьбе за веру, и тебе не дано будет занять уровень ниже того, которого ты достигла, испытать состояние более низкого уровня, и поэтому ты будешь как цари на земле, иметь такое отличие, которое не позволит тебе уподобиться. Ты будешь среди лучших. Вот так и цари, которых ты критикуешь и которых сейчас критикую с тобой я, не могут покинуть свои дворцы и жить обычной жизнью среди народа ни постоянно, ни даже временно, ибо различие между ними, как различие между раем и адом.

Знаешь ли ты, что не можешь избрать для себя нечто другое, находящееся за той чертой, которую провела твоя героическая смерть за дело нации и народа? Это потому, что абсолютной свободой может воспользоваться только тот, кто восседает на самом высоком троне: Бог твой и мой Бог, Забиба, Аллах милостивый и милосердный. Только Он один, хвала Ему, способен делать все, что выше и ниже его возможностей. Только Ему одному доступно любое состояние и Его противоположность, без малейшего намека на двойственность. Рай и ад, ангелы и демоны, земля и небо, день и ночь, солнце и мгла - все по его велению и благодаря его мудрости. Теперь ты видишь, что нет абсолютной свободы, хотя мы и владеем ее высшим понятием, пока остается хоть что-нибудь выше или ниже наших возможностей. Наделил нас Аллах высшим пониманием способностей и свободы.

Да пребудет Забиба на небесах!

И пусть живет она на земле.

\* \* \*

Народ провожал Забибу, и сыны народа несли ее гроб. Каждый старался обрести ее благословение. Оплакивали ее народ и армия, а царь долго следовал впереди процессии за ее гробом. Оплакивали ее горько, а когда земля стала ее последним прибежищем, царь велел закопать тело ее мужа, который оказался среди убитых, в яму вдали от ее могилы.

Когда люди узнали об этом, они забросали его могилу камнями и всем, что попало под руку, вплоть до отбросов. И стало обычаем в жизни народа собираться каждый год в день, приходящийся на 17 января по летоисчислению христиан, чтобы побивать камнями подлого преступника, а с ним и всех захватчиков и предателей. Предав их проклятию, люди шли с венками из лавра и роз на могилу Забибы и возносили молитвы за нее, героиню народа, преданную ему в жизни и в смерти.

А Араб объявил, что, перед тем как вступить в битву, Забиба стала его женой, что она развелась со своим мужем-предателем. Объявил царь, что сам был тому свидетелем и сам был кади\*, ибо ему дано право распоряжаться судьбами людей.

Вот разница между павшими героями и живыми, между живыми и мертвыми. Между борцами и теми, кто предал Аллаха и родину, народ и нацию. Между тем, кто несет свободу своему народу, нации и стране, и теми, кто отступает от всего дорогого и совершает предательство.

Да здравствует славная жизнь и смерть, угодная Аллаху и гневящая врагов!

Аллах велик.

Да сгинут все злоумышленники!

\* \* \*

Умерла Забиба, и пусть живет Забиба. Так возглашал народ во всех уголках царства, как бы в противовес возгласу: "Царь умер, да здравствует царь!", который звучал, когда один царь умирал, а другой воцарялся, занимая его трон и по наследству принимая его титул. Эти возгласы народа были явно направлены против того, чтобы страной снова правил царь, каким бы он ни был.

И вот, когда победой закончилась битва народа и армии против великого заговора, направленного не столько против царского трона и жизни царя, сколько на то, чтобы расчленив царство и поделить награбленное между чужеземными царствами, которые поддерживали эмиров-заговорщиков и снабжали их оружием разрушения и уничтожения. В массы людей из армии и народа, отличившихся высокими помыслами и участием в сражениях, затесались те, кто не мог похвастаться такими отличиями, надеясь воспользоваться случаем и получить свою выгоду. Это были крупные торговцы и землевладельцы, которые имели все, что они имели, по наследству, а не за заслуги и самопожертвование в этой судьбоносной битве. Были с ними и другие, имевшие свои интересы, но не отличавшиеся высокими помыслами и отвагой.

Разве не так чаще всего и бывает, если этому не придает значения нация и тот, кто представляет ее совесть и волю? Разве не случается так, что армия и народ гибнут в битвах, а кто-то другой, не отличающийся ни чистотой, ни красотой на поприще жертвенности, терпения и деятельности, присваивает себе чужую славу и забирает то, что по праву ему не положено?

И вот собрался народный совет с его представителями, а другие, которые просочились сюда и которых было меньшинство, не должны были бы попасть в него, потому что сражение дало знать, кто вправе носить звание народного представителя. Но вошли туда некоторые слабые личности, которым не был известен опыт народа и степень его жертвенности, потому что не созрели еще в них понятия верности народу и не изгнали они еще из себя слабость. Не только слабость страха, но любую слабость, в том числе и ту, что восхваляет тех, кто не заслуживает восхваления.

Поэтому те, которых было меньшинство, нашли лазейки в слабых душах, позволившие им просочиться и занять в народном совете места, им не предназначавшиеся.

Собрался народный совет из людей самых разных слоев, и каждый из них был своего достоинства. Там были мужчины и женщины, военные и гражданские, земледельцы и ремесленники и многие другие. Но больше всех привлекала внимание величественная женщина, по поведению и одеянию которой было видно, что она крестьянка. Она несла на руках, когда вошла в зал, ребенка не старше года. Усевшись на одно из мест в зале, ребенка она положила себе на колени.

Началось обсуждение судьбы царской власти, которым руководил старейший из присутствующих. Этот почтенный человек выделялся своими взглядами и нравом, что было видно по его уверенности в себе. Он обладал огромной физической силой, которая не соответствовала его годам, приближавшимся к шестидесяти пяти. Разве уверенность в себе не есть сила того, кто пользуется ей по заслугам?

Старейший, возглавляющий собрание, стукнул кулаком по столу, за которым сидел. Справа от него сидел один из военачальников, слева - женщина с мечом, по виду которой было ясно, что она участвовала в массовом сопротивлении захватчикам во дворце царя.

Все, кто присутствовал в зале, кто думая о своем, кто разговаривая с соседями, замолчали, когда услышали, что председатель собрания стукнул по столу. А он привлек их внимание голосом, в серьезности которого вряд ли кто усомнился:

- Слушайте все! Прежде чем мы начнем, приличествует нам, а долг и благодарность требуют того же, почтить души павших героев, и прежде всего душу Забибы, дочери народа, символа самопожертвования и героизма нашего великого народа и его отважной армии, вставанием, помянуть всех раненых и помолиться за их выздоровление.

Собравшаяся в зале толпа не позволила говорящему сказать что-то еще. Услышав имя Забибы, зал взорвался аплодисментами. Крики радости и приветствия смешались с горькими рыданиями, и слезы так и полились, даже из глаз тех, кто не позволял себе слез. Военные и то плакали, хотя по своему предназначению и характеру должны быть твердыми как лед, ведь в сражении они видят, как рядом с ними падают замертво их друзья, и однако же продолжают выполнять свою боевую задачу. Так уж устроено, чтобы не рассеялась боевая мощь войска и чтобы никто из сражающихся не отвлекался от своих обязанностей и общего плана.

Даже военные заплакали, услышав имя Забибы. Разве кто-нибудь, кроме Забибы, заслужил, чтобы глаза источали слезы, а сердца в тоске по ней обливались кровью?

Гул голосов нарастал.

Да здравствует Забиба, дочь народа и его вдохновительница!

Да здравствует Забиба, символ героизма и славы!

Да сгинут все злоумышленники!

И никто не прославлял царя, кроме одного торговца, незаслуженно присутствовавшего на собрании. Но те, кто сидел рядом с ним, заставили его замолчать, дав ему понять, что то, что он говорит, вызывает диссонанс. К тому же, чтобы был услышан единственный голос, он должен обладать не только огромной силой, но и несомненной правотой.

После того как сказали все то, что сказали, прославляя страшную и упорную битву, ее символы и героев, зал успокоился. Но тех, кто сидел рядом с женщиной, что положила себе на колени ребенка, поразило, что она была единственной из присутствующих, кто не плакал. Она хранила молчание и не произносила ни слова. А когда сидящие рядом спрашивали ее об этом или вопросительно заглядывали в глаза, она слегка улыбалась и говорила:

- В глазах моих уже не осталось слез, чтобы их источать. У меня было пять сыновей, а на коленях у меня сын старшего из них. Слезы мои не вернут моих сыновей. Их причислили к символам героизма и славы нашего великого народа. А я пришла сюда поддержать тех, кто нуждается в поддержке изнутри и снаружи, чтобы болтуны и те, кто выдает себя за знатоков, не выхолостили понятия героизма, смелости и благодарности, чтобы не позабыли мы Забибу и того, что сделали наши сыновья, пожертвовавшие свои жизни. Помня о том, что сделал великий народ, в рядах которого находились и пять моих сыновей, а во главе стояла Забиба, мы обязаны бережно хранить безопасность нашей земли и наше единство. Мы должны избрать того, кто, благодаря своим особым качествам, будет вести нас, кто справедливо будет править нами в настоящем и в будущем. Только в этом случае расстроим мы планы наших врагов, только тогда самопожертвование народа не останется в прошлом, а будет почитаться и поощрять сынов народных к тому, чтобы и они, если будет необходимо, пожертвовали собой по их примеру.

- Я, сестра моя (или дочь моя), - обращалась она к тем женщинам, которые ее спрашивали, в соответствии с их возрастом, - напрягаю свое сознание и собираю в кулак все оставшиеся силы, чтобы навсегда сохранить в памяти ту цель, ради которой пролилась кровь моих сыновей и Забибы. Я не кричу и не плачу вместе с вами, чтобы не растратить последние силы, чтобы усмотреть тех, кто своим славословием попытается увести нас от той цели, ради которой пожертвовали собой мои сыновья, наши сыновья, наши герои. Чтобы заметить тех, кто захочет предать кровь Забибы, дочери народа и души народа. Именно поэтому я только слушаю и стараюсь понять то, что происходит передо мной, и не занимаю себя в настоящий момент ничем другим, кроме этого.

Услышав эти слова, женщины перестали рыдать, а мужчины утерли слезы куфийями или руками, и сказали все этой славной женщине:

- Аллах с тобой и укрепит Он тебя! Все мы будем стражниками, охраняющими принципы, за которые отдали свои жизни герои Ирака и его славные дочери, за которые сражались оставшиеся в живых и те, кто уже пребывает рядом с Господом нашим на небесах. Мы не позволим самозванцам, шарлатанам и ничтожествам предать забвению самопожертвование наших сыновей, братьев и сестер, наших символов. Мы не позволим им

этого сделать, и то, что необходимо сбереечь в памяти из понятий истории, родины и веры, люди будут помнить веками.

\* \* \*

Тут все снова услышали председателя собрания, стукнувшего кулаком по столу, и замолчали. После того как все освободили часть запасов своих слез, томившихся в груди, души их стали более податливыми, а сами они перестали нарушать порядок, требующий соблюдения в зале спокойствия и дисциплины.

Сказал председатель собрания, а звали его Абд Раббиги\*:

- Я напоминаю вам о порядке высказывания в этом зале. Прежде всего, нам следует говорить о главных задачах и не расточать слова без толку. Соблюдая все приличия, мы все же не должны попусту блистать словами, потому что золото остается золотом, даже если поверх него земля. А если золото не настоящее, то его, конечно, придется натирать до блеска, удаляя ржавчину, чтобы люди думали, что это золото.

Каждый, кому большинство присутствующих предоставит такое право, сможет говорить на те темы, которые мы обсудим в соответствии с повесткой дня, но никто не будет выступать дважды по одному и тому же вопросу, если будут еще желающие высказаться. Каждый, кто захочет говорить, должен спросить разрешения, подняв для этого правую руку. Слово будет давать председатель собрания, и если у вас нет возражений или каких-либо поправок относительно порядка проведения собрания, давайте сразу же перейдем к повестке дня.

Руку поднял Нури Джаллаби. Председатель собрания позволил ему говорить, и всем было ясно, что он из числа тех, кто принадлежит к благородным мира сего. У него не было ясной позиции по отношению к народу и армии, и он попал на это собрание явно незаслуженно.

Он встал и сказал:

- Раньше у нас было принято предоставлять первое слово лучшим людям общества, а не всем подряд. Почему вы нарушаете традицию?

Председатель ответил:

- Наше собрание само себе хозяин. Мы разрабатываем правила решением большинства, и устанавливаем их те, кто подчиняется собранию и соблюдает его решения в своей жизни.

Руку поднял один из военных и сказал:

- Я согласен с тем, что говорит председатель собрания, но хотел бы кое-что добавить. Если мы готовы принять все старое, как оно есть, то зачем в таком случае мы здесь собрались?

Ему захолопало большинство сидящих в зале.

Слово, подняв руку, попросил Ахмад Аль-Хасан. По его внешности было видно, что он из выдающихся людей, которые возглавили сопротивление захватчикам. Ему было лет сорок. Когда председатель собрания дал ему слово, он встал и сказал:

- Трудно придерживаться такого порядка проведения собрания, и можно было бы прислушаться к нашему другу, - он указал рукой на Нури Джаллаби, который предложил изменить порядок предоставления слова. Но позвольте спросить, кто дал ему право считать себя одним из лучших людей общества, а значит - высказываться раньше других? На каком основании пришел он к такому выводу?

Когда Нури Джаллаби ответил, что он унаследовал это право от своих отцов, сказал Ахмад Аль-Хасан:

- То, что унаследовано нами из традиций, надлежит соблюдать тем, кто уважает эти традиции, или тем, на кого они возложены в виде обязанностей власть имущими против его воли, а друг наш Нури Джаллаби не имеет здесь никакой власти. Наследство делится здесь по праву, которое нужно еще заслужить. Мы не верим тому, что ты говоришь, и мы не сыновья твоего отца, чтобы ты раздавал нам наследство. Ты не можешь навязывать нам порядок, который был удобен тебе в условиях власти, основанной на наследовании трона. Мы собрались как раз для того, чтобы обсудить этот порядок, и здесь достаточно тех, кто

желает его изменить.

Закричал Нури Джаллаби, когда увидел, что его доводы оказались беспочвенными:

- Ты хочешь сказать, что изменишь порядок царской власти?

Несмотря на то удивление, которое он попытался при этом изобразить, его слова прозвучали неуверенно и нетвердо. А Ахмад Аль-Хасан, улыбнувшись, сказал:

- Да, если согласятся две трети собравшихся здесь, мы изменим режим.

Сказал Нури Джаллаби:

- Что, и смените царя?

Ответил Ахмад Аль-Хасан от лица народа:

- Да, сменим царя. Мы сменим того, кто стал царем при отсутствии воли народа, благодаря силе и политике чужеземных держав, которые устанавливают царей в наших краях, включая и царей нашей огромной земли, против воли и желания народа.

Сейчас, когда воля народа заявила о себе, а несправедливая воля и чужеземные силы не могут навязывать нам свое влияние, те, кто представляет народ и его вооруженные силы, вправе высказывать свое решительное мнение о том, что необходимо народу, а что для него неприемлемо.

Замолчал Нури Джаллаби, который обманом и незаслуженно пришел на собрание, и не нашел, что на это ответить.

Тогда заговорил председатель собрания:

- Я прошу вас не торопиться обсуждать вопрос, который мы еще не ввели в повестку дня. Продолжим наше собрание.

Председатель повторил:

- Есть в этом зале тот, кто выступает против такого порядка проведения собрания?

\* \* \*

Руку подняла мать пятерых павших героев. Председатель позволил ей говорить, и она сказала:

- У каждого собрания должны быть свои цель и суть, хотя бы изначально. Если мы еще не решили, под каким лозунгом проводить это собрание, я не думаю, что кто-то будет против того, что мы собрались здесь, чтобы прославить наших героев.

Зал зашумел возгласами и аплодисментами.

А мать героев, продолжая, сказала:

- Воистину, Забиба - героиня народа и вдохновительница его, символ его героизма и самопожертвования, поэтому я предлагаю принести ее портрет и повесить высоко над столом председателя собрания, чтобы всем казалось, что она над нашими головами, и чтобы ее мог видеть каждый сидящий в зале. Так, по крайней мере, определится основное направление нашего собрания.

Председатель сказал:

- Предложение матери героев повесить портрет Забибы в центре зала заседания над нашими головами заслуживает уважения.

Ударил председатель собрания по столу, стоявшему перед ним, и сказал:

- Теперь, когда стало ясно, что большинство согласно с порядком проведения нашего собрания, перейдем к обсуждению повестки дня.

Главным пунктом в повестке дня должна быть проблема власти, о которой в своем совете царю напомнила Забиба. Она говорила, что царь должен сделать волю народа определяющей в форме правления и порядке осуществления власти. А поскольку народ обрел свою волю, он должен сказать свое слово.

Несмотря на то, что сам царь в зале не присутствовал, а воля народа имела большой вес в виде его представителей, многие этот вопрос обсуждать отказались, и причиной этого колебания, вероятно, был трепет перед властью или страх перед личностью правителя, уважение позиции, которую занял царь, и отношение Забибы к нему, о котором можно было судить по ее письму. И настроение это не проходило до тех пор, пока не сказал один из представителей народа, чья одежда еще была запятнана кровью сражения, в котором кровь

его ран смешалась с кровью тех, кого он разил мечом и кинжалом:

- Ни у кого из нас нет злобы на царя, особенно после того, как он сражался вместе с нами, но он не смог бы оставаться царем без поддержки народа и армии и противостоять тем, кто соперничал с ним за царский трон из эмиров, на основании принципа: "Если нет возможности выбора, выбирай лучшее из зол". Отец его и деды заставили нас натерпеться, и народ не знал от них ничего, кроме несчастий. Если бы я показал вам свою спину, вы увидели бы, что я - из тех тысяч, чьи спины обжигали плети палачей, оставляя на них вечные следы. Довольно с нас голода, отсталости и унижения, поразивших нас благодаря нашим правителям. Даже когда мы говорим, что этот царь отличается от всех других царей, мы ответственны за то, что он считается лучшим среди остальных по своему характеру. Разве Забиба, дочь народа, выполняя волю народа, не была ответственна за то, что заставляла его занять другую позицию и делала его другим человеком? Разве народ не сделал одолжение царю, включая и то, что поселил в его сердце веру в Аллаха после того, как он был неверным? Разве не народ спас ему жизнь и мужское достоинство, не говоря уже о царской чести, перед лицом захватчиков и их заговора? И все это мы сделали для того, чтобы опять посадить царя на свои головы? Если даже мы можем поручиться за личность этого царя и за то, что его признает народ, признает страна, и в принципе поверим ему, то как мы можем поручиться за тех, кто займет его трон по наследству? Мы не желаем, чтобы нами правил подросток, а то и ребенок. Не желаем, чтобы нашими детьми или нами самими правил какой-нибудь сумасшедший из детей или внуков этого царя.

Зал потонул в смехе, а потом в знак поддержки того, с чем выступил говорящий, раздались аплодисменты.

А он продолжил свою речь:

- Как бы там ни было, я прошу вас делать различия между личным мнением каждого из нас относительно царя и нашим общим принципиальным мнением относительно режима царской власти, чтобы мы ничего не перепутали.

\* \* \*

Руку поднял другой человек, и по всему было видно, что это - крупный торговец из числа тех, что ведут торговлю между Ираком и царством Элам. Он сказал:

- Царская власть - это реальность, принимаем мы ее или нет. Это наш режим с незапамятных времен, и народ уже смирился с ним. Как мы будем торговать с другими царствами и в наших землях, если в стране не будет стабильности?

Ему сделал знак кто-то из сидящих рядом, и он хотел уже продолжить, но его опередил председатель собрания:

- Ты хочешь, чтобы мы спокойно жили с тем, что выбрали сами, или мирились с тем, что досталось нам в наследство только потому, что это отвечает твоим интересам?

А торговец продолжил:

- Мы должны мириться со сложившимся положением, чтобы наша торговля процветала, потому что известный путь со всеми его недостатками лучше того пути, который ведет неизвестно куда, даже если нам показалось поначалу, что второй лучше. Права народная мудрость, которая говорит: "Если не можете отрубить руку, целуйте ее".

Один из присутствующих, спросив разрешения, задал вопрос:

- А кто лучше - ты вместе с тем, что имеешь, или твой отец, носильщик, который таскал когда-то товары торговцев на рынках? Почему же ты не принял в наследство то состояние, которое осталось тебе от отца? Разве обязан народ умножать твои богатства и принимать беззаконие, чтобы кто-то обогащался, как ты обогатился за счет торговца, который из уважения к твоему отцу принял тебя на работу писцом? Когда умер торговец, у него не осталось никого, кроме единственной дочери. Ты присвоил себе всю его собственность и теперь хочешь, чтобы все оставалось так, как есть, как тебя устраивает, включая царскую власть, только бы тебе сохранить свое незаконно нажитое богатство и пользоваться покровительством тех начальников, которым ты давал взятки за их молчание и защиту? Разве это честно, друг мой, чтобы мы продолжали совершать ошибки и охраняли чьи-то

незаконные интересы, в то время как народ несет и в будущем будет нести бремя того, что давно уже пора в корне изменить?

В зале раздались аплодисменты. Из зала, ни на кого не обращая внимания, выбежал тот, кто поднял этот вопрос. Он покинул собрание и проклял тот день, когда народ занял позицию, давшую ему стойкость, победу над захватчиками, волю и стремление к полемике и сознание, необходимое для того, чтобы сказать слово правды.

\* \* \*

Руку поднял Шамиль, и было ему сорок лет от роду. Когда председатель собрания дал ему слово, он, произнеся целую речь о благодарности и преданности, об уважении закона и традиции, с некоторой театральностью, которая, впрочем, не могла обмануть пытливым ум, сказал:

- Я не собираюсь защищать царскую власть, но хочу сказать, что наш царь имеет право на царство на основании того, что он сражался вместе с нами. Забиба, наш символ, была довольна им даже перед самой своей смертью.

Так сказал он: "Сражался вместе с нами". Но прежде чем он продолжил говорить, его прервал один из сидевших рядом руководителей сопротивления и обратился к председателю собрания:

- Выступающий сказал, что царь сражался вместе с нами, а это значит, что он и сам был среди тех, кто сражался в нашей великой народной битве против захватчиков и заговорщиков, но это неправда. Этот человек не сражался вместе с нами. Он спекулировал на денежном рынке и ослаблял нашу валюту ради собственной выгоды. Он перепродавал продукты питания и наживался за счет народа. Пусть председатель потребует от него объяснений перед присутствующими. Где и когда сражался вместе с нами он или его отец? Я говорю так потому, что его отец тоже спекулировал деньгами на рынке. И отца его и его самого не один раз приводили в суд по обвинению в подделке денег. А царский режим, такой, как он есть, со множеством всяких лазеек, с его разложившимся правосудием и полицией, всякий раз позволял им уходить от наказания, то давая взятки заинтересованным людям, то предъявляя поддельные документы в доказательство своей невинности.

Встал Шамиль-иудей и сказал:

- Я сражался в этой битве против захватчиков: я заплатил за военную службу денежную компенсацию. Я не думал, что мобилизация для борьбы с чужеземными захватчиками касается и меня, но зато послал своего раба, заплатив ему вчетверо больше обычного, когда платил ему совсем немного, давал пропитание и обноски из своих одежд.

Тогда поднялся офицер - один из военачальников и руководителей сопротивления - и сказал:

- Удивляюсь, как можно слушать этого шарлатана? Как можно позволять ему распространяться на этом собрании, святость которого отражается в его целях? Я знаю Шамиля и знаю, что у него есть сын, которому уже перевалило за двадцать, но он уберег его от сражения. Он не состоял на службе в регулярной армии, потому что всячески уклонялся от службы, пользуясь всякого рода послаблениями. Я точно знаю, что сына Шамиля не было в рядах армии во время мужественного сопротивления, когда наша страна и народ подверглись самому жестокому и подлому заговору. Сам Шамиль по общей мобилизации обязан призываться в резерв, но среди сражавшихся его тоже не было. Кроме того, он помогал детям из богатых семей бежать за границу, спасая их от призыва. Этим он нанес прямой удар нашей стране и народу, потому что страна без армии становится беззащитной перед теми, кто желает захватить ее силой. За это следует лишить его гражданства, а тот, кто перестает быть гражданином, теряет право представлять народ на этом собрании. Я предлагаю изгнать его с нашего собрания и вообще из нашего народа.

Все разволновались, поддержав эту идею (кроме небольшого числа присутствующих, сохранявших молчание из опасения, что тогда народные представители просто взорвутся), и громко заговорили:

- Гоните Шамиля, пусть убегает прочь! Гоните его с нашего собрания. Гоните с

нашей земли. Проклятье на нем с этого дня и до конца его жизни!

Люди толкали его в плечи, и он выскочил из зала вне себя, после того как несколько раз упал, роняя по пути предметы одежды и вещи и даже не пытаясь их поднять.

\* \* \*

Слова попросил военный, на котором не было боевых одежд. По его одежде и виду видно было, что он не сражался в рядах сопротивления. Все говорило о том, что это - один из тыловых штабных офицеров из столицы, в которой такие, как он, проводят всю свою службу и продвигаются по ней не по справедливости, как бывает на фронте и в боевых частях. Встал он, свежестью своего лица, рук и шеи напоминая домохозяйку из богатой семьи. После того как он представился, рассказав о том, что успел сделать (прежде всего, издал несколько брошюр и книг по воспитанию, порядку приема пищи, правилам взаимоотношений между офицерами в столовой) и о том, что он работает над вопросами снабжения и военной торговли, он сказал:

- Воистину, наш царь унаследовал царство от своего отца. Лишить его наследства - значит принять такой закон, который будет лишать всех сынов народа того, что они унаследовали от отцов, а это очень опасное явление. Я считаю, что лишение народа, в том числе и военных, возможности наследовать что-либо материальное или нематериальное от своих отцов - не одобрит ни народ, ни армия. Вряд ли я искажу действительность, если скажу, что все, кто здесь присутствует и имеет наследство от отцов, с этим не согласятся, за исключением, быть может, тех, кто не знает своих отцов или ничего от них не получил, потому что у тех ничего и не было.

Слово попросил мужчина, который во время сражения был в рядах армии, что нетрудно было понять по его внешнему виду, одежде и повязке, которой была перевязана рана на его левом плече. Он сказал так:

- Благодарю Аллаха и руководителей сопротивления, а среди них и председателя этого собрания, за то, что они дали нам возможность обсудить все в этом зале и сделали так, что слабость ушла из груди тех, кого считали слабыми, благодаря вере и служению благородному делу нашего народа и страны. Я прошу позволить мне указать на слабости тех, на чьи слабости следует указать, потому что эти люди стали настолько безнравственными, что не способны уже замечать свои слабости и настолько свыклись с ними, что больше их не стыдятся, а напротив, говорят о них так, будто именно так и должны вести себя люди.

В крылатом выражении "Свеча отгоняет темноту, как вера отгоняет шайтана" много мудрости, которая укрепляла наши позиции. А собрание это настоящее знамя для тех, кто встал на верный путь, и восход солнца, которое разгонит темноту. Я хочу сказать кратко, дорогие братья и сестры, товарищи мои и дети, я обращаюсь к тем, кто подходит под такое определение. Офицер, который только что выступал перед вами, попал в ряды нашей славной армии по недосмотру небрежных и из-за неспособности слабых высказать свое мнение. Отец его был армейским генералом. Он искал благосклонности отца нашего царя и постоянно повторял ему, что самая высокая честь и награда для него держать стремя коня, когда царь садится верхом, и целовать его ногу. Так он и целовал башмак бывшего царя, пока не забрал того Аллах. Мать этого офицера приглашала мужчин и женщин на фривольные смешанные празднества, а когда царь выбирал ту из женщин, которая ему нравилась, она бралась выяснять, покорится ли та желанию царя, и по ходу праздника отводила ее в царские покои. Этот офицер и его жена ни о чем не заботились, они просто присутствовали на этих ночных пирушках. Я могу вызвать сейчас сотни офицеров, чтобы вы спросили у них, скольких из них этот офицер приглашал к себе в дом под предлогом обеда или ужина. Спросите, знают ли они расположение спален в его доме. Бывали ли они в доме в отсутствие хозяина. Спросите, случалось ли так, что они приходили в его дом без семей. Приглашала ли их хозяйка дома испить прохладительных напитков, чаю или кофе, когда ее мужа не было дома. Этот офицер никогда никого не учил ни в поле, ни где бы то ни было. Если велеть ему подготовить роту к обороне или наступлению, он не сумеет этого сделать, не говоря уже о том, что он не участвовал в сражениях, в которые вступила его армия, хотя

это и предписано ему обязанностями. Так разве может он, товарищи мои и дети, братья мои и сестры, разве может он сидеть здесь рядом с нами? Разве может этот человек носить звание воина нашей бесстрашной армии? Разве позволительно ему носить военную форму, которая стала символом и честью для того, кто ее носит?

В зале раздались аплодисменты и гул голосов тех, кто прославлял армию и народ, а военные закричали:

- Мы не имеем с ним ничего общего! Будет оскорблением для нас, если он останется в наших рядах.

И снова в зале раздались аплодисменты и крики, из которых было ясно, что присутствующие поддерживают военных. Когда занявший такую позорную позицию офицер покинул зал, казалось, что даже воздух мешает ему идти. И не будь на нем военной формы, на него со всех сторон посыпались бы удары.

\* \* \*

Руку поднял человек, которого прозвали "Охотником на эмиров". Все знали его по этому имени вместо настоящего, которое в его геройских подвигах как-то забылось. Своим копьем, стрелами и даже кинжалом он убивал того или иного эмира или крупного торговца, как будто был в этом деле специалистом и должен был охотиться только на них.

Несмотря на то, что у него не было коня, он, когда одолевал кого-то из них, был как волк, набросившийся на отбившуюся от стада овцу. Из-за его невероятной быстроты и силы никому из них не удавалось уйти от него живым. Он догонял коня и хватал его за хвост или за стремя, поскольку он был не очень высокого роста. В одно мгновение всадник и конь оказывались на земле, а он - на груди всадника, и тут же отрубал ему голову или с такой силой пронзал копьем, что оно уходило в землю.

Из-за невысокого роста его могли бы прозвать "Коротышкой", если бы не боялись давать ему такое прозвище после его геройских подвигов, слава о которых распространилась повсеместно, и если бы не знали, как он валил одного эмира за другим и как ловко мог увернуться от удара копья, меча и стрелы.

Когда председатель позволил ему говорить, Охотник на эмиров что-то невнятно забормотал. Лицо его сначала покраснело, потом пожелтело, потому что он стеснялся того положения, в котором оказался и которое как бы душило его, не давая заговорить. Он был похож на полевую птицу, попавшую в силок. Она машет крыльями и перескакивает с места на место, пытаясь сохранить свою жизнь. Когда он понял, что ему не удастся громко и ясно донести свои слова до тех, кто собрался в зале, он обратился за помощью к своему соседу. Он схватил его, заставил подняться с места и поставил рядом с собой. По тому, как он ведет себя, все поняли, что он немой и что он просит своего соседа растолковать его слова тем, кто сидит в зале. А сосед этот был его старым другом и одним из самых отважных бойцов в народной армии вооруженного сопротивления.

Охотник на эмиров то бормотал, то издавал птичий клекот, то использовал разные знаки, а его друг передавал слушателям его слова, облекая их в обычные фразы, словно переводил с одного языка на другой. Он говорил:

- Приветствую вас, мои братья и сестры, и приветствую ваши жертвы. Преклоняю колени во имя Аллаха великого и могущественного перед реками крови павших борцов, самыми главными и самыми чистыми реками. Я, покорный раб Аллаха, Охотник на эмиров, как вы меня назвали, и благодаря ему такой скромный. Никто не знает мою историю, и никто не знает, почему я лишал жизни только эмиров и богатых торговцев.

Кроме них, я ни в кого не пускал стрелы, никого не бил копьем и не рубил мечом - даже тех, кто в жару сражения хотел отнять мою жизнь. Даже если я видел, что меня хотят убить, я находил способ уйти от удара, не нанося удара ответного. Я не хотел тратить силы на того, кто не был эмиром или богатым торговцем, нажившим свое богатство несправедливо и несправедливо, потому что они - это черви, подточившие ствол каждого благородного дерева в нашем царстве, они - паразиты жизни и смертельный яд, грязь, прилипшая к белым одеждам. Чтобы вам было понятно все это, вот моя история.

Я служил у одного из эмиров, и он доверял мне. Он научил меня военному искусству, чтобы я прикрывал его спину днем и ночью, когда сопровождал его на охоте или по другим делам.

Во время одной из своих поездок эмир попытался посватать девушку чудесной красоты у ее отца. А последний был предводителем своего племени, человек высочайшей репутации и благородных дел и помыслов. Когда ее отец объяснил эмиру, что его племянник желает ее и она желает этого молодого человека, эмир сказал, что отложит разговор до следующего дня, и пригрозил ему смертью, если тот не пожелает женить его на своей дочери. Отец, опасаясь последствий, вынужден был их поженить. Эмир решил войти к ней в своем палаточном лагере, который стоял по соседству с арабами племени отца, вместо того чтобы забрать ее с собой в столицу и сыграть свадьбу там, как это делают эмиры. Правду говорю, он осыпал отца девушки богатыми подарками. Но все эти подарки не вызвали у отца ничего, кроме печали по дочери и грусти из-за ее свадьбы с эмиром, потому что в традициях этого благородного человека и его племени было не женить своих дочерей ни на ком, кроме своих племянников. Девушки выбирали кого-то из них, кто изъявлял желание жениться, а кого-то отвергали, отцы своим решением закрепляли выбор. Этот обычай сделался предметом уважения даже тех людей, которые его не принимали, потому что свел все социальные различия между двумя полами к минимуму, а семейную жизнь сделал устойчивой и размеренной. Между мужьями и женами крепло единодушие, а всякого рода ссоры случались крайне редко.

Отец девушки понимал, что ее свадьба с эмиром, навязанная силой, будет нарушением традиции, которую ему нельзя было нарушать, а, наоборот, следовало следить за тем, как ее соблюдают в его племени. Разве не позор для предводителя племени, если он мирится с тем, что какой-то чужак ломает традиции и устои его племени?

В первую брачную ночь, или поправлюсь и скажу: в полдень того же дня попытался господин мой эмир (он произнес "господин мой" с сарказмом, желая продемонстрировать всем, как понял "переводчик" из жестов немого Охотника за эмирами, который улыбался всем сидящим в зале) войти к этой девушке в своем шатре, но она отвергла его и обошлась с ним довольно грубо. А когда он ответил ей тем же, пригрозила ему и обругала самыми последними словами. Вот что она ему сказала:

- Ты ведешь себя не как эмир, а как самый ничтожный человек. Иначе как согласился бы ты спать с женщиной, которая тебя не желает, а, наоборот, презирает за то, что ты настаиваешь на близости с ней! Разве тебе не известно, как ненавидят женщины тех, кто принуждает их к незаконному действию, которого они не желают?

Когда эмир сказал, что сосватал ее у отца, она ответила со злостью:

- Ты вовсе не сосватал меня, а украл у моего отца, у моей семьи и у моего племени. У нас вызывает отвращение то, что наше имя будет сочетаться с твоим именем или с именем тебе подобных. Я всегда буду так о тебе думать, и мое мнение не изменится.

Когда эмир услышал от нее такие слова, он вынужден был покинуть шатер. Я слышал все это, потому что дожидался возле шатра, готовый исполнить любую просьбу моего повелителя, а она произносила свои слова так громко, что снаружи было слышно.

На слове "повелитель" он презрительно улыбнулся, а с ним и большинство присутствующих. Он продолжил:

- Когда взгляд эмира упал на меня, а он выходил из шатра, он запутался в полах своего одеяния, и укаль его упал на землю. Я подхватил укаль и подал ему, сдув с него пыль так, словно плюю в презренное лицо эмира. Но еще сильнее захотелось плюнуть, когда он сказал, прежде чем взял у меня укаль и надел на голову:

- Принеси ей кувшин с настоем ромашки и скажи ей, что твой господин ее любит и что глаза его не ведали сна с того дня, как он увидел ее на пруду... Проси ее быть милостивой к твоему господину, иначе он сойдет с ума или убьет ее.

Я спросил его удивленно:

- Ты правда убьешь ее, господин мой? Как собираешься ты сделать это, если мы - гости

ее племени? Ты хочешь опозорить ее племя, убив ее в брачную ночь? Что об этом скажут?

Он ответил мне, и по всему видно было, что он сердится:

- Если она не покорится мне и не станет со мной спать, подсыпь ей в еду яд.

Чтобы испытать глубину его злонамеренности, я спросил:

- Я должен подсыпать яд, господин мой?

Он сказал:

- Да, ты подсыпешь ей яд в еду или в напиток, а потом мы скажем, что ее укусила гадюка. Мы найдем гадюку, убьем ее и бросим на пол в шатре, а потом скажем, что это мы ее убили, после того как она укусила девушку, но помочь ей и спасти ее жизнь нам не удалось.

Я спросил:

- Ты это серьезно, господин мой?

Он ответил резко и решительно:

- Да, со всей серьезностью. Если презренная не покорится мне этой ночью, а ты после этого не подсыплешь ей яду, я убью и тебя, и ее. Тебе ничего больше не остается, как пойти и убедить ее.

Когда я попытался смирить его гнев, эмир сказал:

- Послушай, все будет так, как я сказал. Я знаю одну мудрость: "Если ты увидел у соседа свечу и не можешь украсть ее, чтобы осветить свой дом, сломай ее ударом стрелы, чтобы она погасла, или она спалит дом своего хозяина".

Когда раскрыл мне презренный эмир, что у него на уме, понял я, что он решился совершить злодеяние.

Я сказал ему:

- Я попытаюсь, но прошу не торопить меня и дать мне остаток этого дня и завтрашний день.

Он ответил мне решительным тоном, не терпящим возражений:

- Часть наступающей ночи и остаток этого дня. Не больше.

Спросив разрешения у госпожи моей, вошел я в шатер.

Собравшиеся обратили внимание на то, что немой и тот, кто переводил его жесты и бормотание, усмехнулись при слове "госпожа".

А немой продолжил свой рассказ:

- Сказал я ей с уважением: "Госпожа моя, слышал я все, что говорила ты этому человеку, я имею в виду эмира, и понял все. Я согласен с тобой во всем, что ты думаешь, и во всем, что говорила ему, вплоть до мелочей, но прошу тебя проявить благосклонность и выслушать меня. Аллах свидетель тому, что я не желаю от тебя ничего, кроме того, чтобы ты помогла мне спасти тебя. Спасти тебя, а не меня, твою жизнь и честь твоего отца, а не мою жизнь. Не мою жизнь".

Когда она услышала, как я повторил слова "не мою жизнь" дважды, она изумленно взглянула на меня, подняв голову, которую держала опущенной, считая, что каждый, кто находится в шатре эмира, - враг ей и ее отцу, враг ее нареченному и ее племени, а про себя добавила бы еще - враг любого свободного благородного человека.

Я рассказал ей то, что говорил мне эмир, и особенно настаивал на том, что если она не изобразит согласие либо по своей воле, либо после моих уговоров, то останется только гадать, что с ней может случиться. Но я добавил к этому:

- Несмотря на то что я сказал тебе, Аллахом клянусь, если бы ты приказала мне убить его, я бы убил его ради избавления всего самого высокого, а если бы приказала вернуться с тобой в дом отца твоего, сделал бы то, что ты приказала. Но ты, конечно, понимаешь, что и то и другое навлечет позор на твою голову, на голову доброго отца твоего и на твое благородное племя. Я говорю тебе об этом только для того, чтобы ты была уверена в том, что цель моя не в спасении собственной шкуры, а в твоём спасении, в спасении твоей чести. Я не преследую своих целей и повинуюсь малейшему движению твоих пальцев.

Она долгим взглядом, словно гипнотизируя, посмотрела мне в глаза, и во взгляде ее была готовность к чему-то такому, что я даже не мог себе вообразить. Мне стало неловко от

этого взгляда, потому что я не мог предложить ей иного решения, кроме как покориться тому, что противно ее душе, а ведь я - мужественный человек. Разве это достойно, когда такой мужчина, как я, убеждает женщину покориться мужчине, которого душа ее не приемлет? Отрубить бы головы всем сводникам и сводницам, независимо от того, вытворяют они свои грязные делишки для простых людей или для эмиров и богатых торговцев!

Она сказала мне:

- Молодец ты, да благословит тебя Аллах, я скажу эмиру, что доводы твои убедили меня, чтобы не утратил ты его благосклонность и оставался рядом со мной и я могла советоваться с тобой. Храни в тайне то, о чем мы с тобой говорили, а я обещаю тебе, что не расскажу ему подробностей нашего разговора.

Я летел на крыльях радости, потому что выполнил это неприятное поручение.

Немой замолчал, и по щекам его потекли слезы, разливаясь как осенний дождь по земле.

Он вытер слезы и стоял молча, а с ним молчали и все сидящие в зале, ожидая снова услышать звуки рассказа, в которые переводчик облечет его знаки. Шло время, и председатель вынужден был спросить:

- А что же дальше?

- Я передал эмиру ее слова, что он может войти в шатер. И слышал я, как она говорит ему:

- Человек твой убедил меня своими доводами, и я буду покорна твоим повелениям, но у меня есть одна просьба. Умоляю тебя, не заставь меня в тебе разочароваться. У моей семьи и моего племени есть такая традиция. Та, что выходит замуж за чужака, остается при нем в качестве гостыи сроком на месяц, чтобы свадьба считалась окончательной. А весь этот месяц ее муж принимает у себя ее отца и ее племя.

Сказала она ему:

- Не думаю, что ты захочешь, чтобы я была хуже тех женщин моего племени, которые вышли замуж таким образом. Если ты примешь мое условие, за мной останется долг, а если не примешь, сам будешь виноват в том, что меня не будет оставлять чувство, будто ты меня изнасиловал.

Когда он попытался сократить срок, Забья\* ему отказала.

И хотя говорил он, что каждый день из тридцати будет стоить ему стада верблюдов в сто голов, или тысячи овец, или килограмма золота, Забья ни в какую не соглашалась.

Это узнал я от нее впоследствии, во время нашего путешествия, когда мы пересекали пустыню по пути в столицу, после того как эмир не устоял перед ее требованием, надеясь обрести ее благосклонность. А на вторую неделю после нашего появления в столице как раз случился заговор, и разгорелось сражение. И решили мы, обсудив все между собой, примкнуть к сопротивлению, я такой, как я есть, а она - переодетая в одежду юноши. В тот день я не знал еще, какой план созрел в ее голове. Не знал, замышляла ли она что-то или просто пыталась выиграть время в ожидании утешения от хозяина великой радости, милостивого и милосердного.

И немой зарыдал во весь голос, но через некоторое время совладал с собой. В его глазах загорелись гнев и самолюбие.

Сказал он с силой и уверенностью:

- Вы, наверное, спросите, где и когда потерял я свой язык?

На следующий день после нашего прибытия в столицу явился ко мне эмир с десятком своих стражников. Нагрянули они внезапно, связали мне руки за спиной и спутали ноги. Потом бросили на пол, а один из них наступил мне ногой на челюсть и сказал:

- Высунь-ка язык! Мы завяжем его веревкой, чтобы ты не проболтался о том, что доверил тебе эмир.

Я поверил им, во всяком случае, мне пришлось изобразить это, и они завязали язык веревкой. Потом с силой потянули за веревку и отрезали мой язык кинжалом.

Все закричали:

- Аллах велик. Долой эмиров и царей!
- Долой царскую власть!
- Да здравствует народ!
- Да здравствует армия!

Немой продолжил свой рассказ:

- Увидел я среди десяти стражников эмира троих сыновей богатых торговцев, которых он взял с собой, чтобы избавить их от военной службы и чтобы они были рядом с ним в его весельях и ночных похождениях. Разве не понятно теперь, почему моей целью в этой священной битве стали эмиры и богатые торговцы? Разве непонятно, в чем недостатки царских режимов? Но теперь Аллах раскрыл нам глаза. Вот вам мой свидетель. Можете послушать его, если желаете узнать больше.

Пока товарищ переводил его жесты, Охотник на эмиров удалился в соседнюю комнату и вернулся оттуда с человеком, руки и ноги которого были связаны, а рот заткнут тряпкой. Он вытащил тряпку, развязал ему ноги и сказал, нервно жестикулируя, а переводчик перевел:

- Ты эмир?
- Да.

- Скажи, я поверг тебя в бою, стоя лицом к лицу, а не подлостью, как привык делать ты? Я ухватил коня, на котором ты сидел, за шею и повалил его на землю. Потом прыгнул тебе на грудь и обезоружил тебя. Я связал тебе руки и ноги и оттащил с поля боя, а потом оставил Забью охранять тебя, пока все не кончится. Так было?

Эмир молчал. Он в смятении потупил свой взор, а немой гневно заклекотал на него:

- Ты слышал все, что я поведал собранию, потому что уши твои и глаза были свободны, когда я оставил тебя в той комнате. Так скажи им, правду я говорю или нет. Если не захочешь отвечать, я найду другого, кто скажет вместо тебя.

Когда он произнес эту фразу, в зале поднялся человек. Все подумали, что это молодой боец сопротивления, потому что он был в полном боевом снаряжении, а его одежда внушала почтение и говорила о величии. Но вот он убрал покрывало с лица и заговорил голосом женщины:

- Это я, Забья, дочь предводителя моего племени. Воистину, каждый звук и каждое слово, произнесенные Охотником на эмиров, - правда. Клянусь Аллахом, он говорит правду. Но я прошу отдать мне этого человека и не мучить его, потому дала Аллаху обет простить его, если одержу над ним верх. Я сказала этому созданию, когда просила о месяце отсрочки, что если он выполнит мою просьбу, то за мной останется долг. Не думаю, что Охотник на эмиров пожелает, чтобы на моей совести остался долг. Откуда мне знать, и откуда знать вам, быть может, мое несчастье соединилось с несчастьем Охотника на эмиров и бедами всех, кого сделал несчастным эмир, его приближенные и приближенные царей для того, чтобы Аллах разгневался на них и позволил нам их одолеть. Разве Аллах всемогущий не заслуживает того, чтобы мы исполняли свои обещания перед его лицом, даже если никому, кроме него одного, хвала ему, о них неизвестно? Чтобы стало вам понятно, скажу, что поклялась Аллахом сохранить жизнь этому неудачнику, поэтому прошу, чтобы мой брат Охотник на эмиров, который одолел его в бою, согласился на то, чтобы его не убивали, а бросили в тюрьму до конца его дней. Так я исполню свой долг перед ним и верну калым, уплаченный за женитьбу, если согласится отец мой на эту свадьбу и если выполнит Охотник на эмиров мою просьбу. А если отец мой не благословит мое замужество, пусть поступает с калымом, как ему вздумается.

Охотник на эмиров сказал, утирая слезы:

- Как прикажешь, госпожа и сестра моя, если только Аллах не пожелает обратного. Я говорю тебе перед собранием этих добрых людей, мужчин и женщин, делай с ним все, что захочешь. Я уверен даже, что после того, как он даст тебе развод, ты отпустишь его, а не будешь бросать в тюрьму.

Признаюсь, что, когда Аллах дал мне силы одолеть его на поле боя, я стремился

победить его не из-за ненависти к нему за то, что он со мной сделал, а из-за моего гнева, направленного против гнилого режима власти, которого он злобный образец, и ради победы народного дела.

С этой минуты мне совершенно неважно, тем более если об этом просит Забья, госпожа моя, будет он жить дальше проклятой и бесчестной тварью или же умрет презренной смертью никто о нем не пожалеет.

Забья прервала его:

- Свадьба между мной и этим презренным так ведь и не состоялась, а калымом мой отец, как я узнала от него, еще не распорядился. Он принял калым от этого ничтожества, опасаясь за все свое племя, а не только за мою и свою жизнь. А этот не вошел ко мне, как я уже говорила, и потому я ничего ему не должна.

Сказал Охотник на эмиров:

- Как бы там ни было, теперь он твоя собственность, и ты можешь распоряжаться им, как пожелаешь. Его влияние и вес среди людей стали равны нулю, он все равно что умер. Впрочем, умер он еще раньше, когда умерла его совесть, когда в душе его умерли зачатки добра, благородства и веры. Я знаю таких людей и знаю, что влияние их кончается, когда они лишаются власти, на которую можно было бы опереться, и тех, кто может их поддерживать. Я хочу, чтобы знала все это сестра моя и госпожа, потому что она поверила мне. А этот подлец, отрезавший мне язык, думал, наверное, что ему удастся отрезать правду. Не понял он, что, даже не зная ничего об этом, нам достаточно будет его поступков, среди которых и то, что он лишил меня языка и пытался жениться на тебе.

Распоряжайся им. Ты вправе делать все, что пожелаешь, и не должна чувствовать себя так, будто чем-то мне обязана. Я тоже свободен в своем выборе и считаю, что ты вернула мне свой долг.

В зале раздались возгласы и аплодисменты, а также ругательства и проклятия в адрес эмира и царской власти.

\* \* \*

Один из сидящих поднял руку, прося слова. По его виду было понятно, что он из сельских землевладельцев, но не из шейхов, то есть не принадлежит к роду или племени той местности, о которой некоторые, увидев его, подумали. Он был из числа тех землевладельцев, которые не живут в деревне, а только используют ее, и потому предпочитают иметь дело с плодами, а не с корнями. Правитель уделил им земли, а работали на них живущие на этих землях крестьяне.

Тот, что просил слова, встал, когда председатель собрания позволил ему говорить, и все поняли, что он землевладелец из городского населения, живет в городе и управляет своим земельным наделом в деревне через посредников.

Он сказал:

- У меня нет никаких личных чувств по отношению к царю, особенно после того, как он под влиянием Забибы примкнул к черни и стал одним из них. Я предпочитаю не тех правителей, которые правят на основании каких-то принципов и моральных ценностей, а смотрю на любую вещь, исходя из своих собственных интересов. Я знаю, что мое высказывание по поводу ценностей не понравится подавляющему большинству собравшихся здесь, особенно после того, как здесь смешались известные люди с неизвестными, лица, которые нам знакомы, с лицами тех, кого мы встречали, только прохаживаясь плетью по их спинам. Единственное, что меня заботит, говорю я для всех присутствующих сословий, это мои собственные интересы, интересы моей семьи, наше праведное благополучие, которое добыли мы поитом на наших лбах, равно как и судьба наших вложений в деревне.

Когда он проговорил "поитом на наших лбах", многие засмеялись, издеваясь над ним, а один из сидящих с ним по соседству сказал так, чтобы всем было слышно:

- Это точно. А в этом зале пота на твоём лбу еще прибавилось. И не стыдно тебе говорить такое? Пот у тебя выступает от тяжести твоего брюха, которое ты наел поитом на лбах крестьян, страдающих от несправедливости и произвола. А свидетельство того, что ты

говоришь неправду, - отсутствие следов солнечных лучей на твоём лице, которого они не касались. Другое дело мое, обожженное солнцем лицо, с которого сошла уже не одна кожа, так что чёрные мои глаза на этом лице не найти, если не знать, где они находятся.

Зал потонул в аплодисментах.

А землевладелец продолжал:

- Говорил я, что слова мои могут многим не понравиться, и однако же они нравятся мне и, возможно, некоторым другим. Клянусь своей верой, что слова мои понимают те, у кого есть земля и кто использует на ней труд других людей, а не свой собственный и не труд своих сыновей. Но в отличие от них я говорю об этом открыто, тогда как другие предпочитают помалкивать.

Знаете, почему я говорю, а они все молчат? Потому что я не умею ни читать, ни писать и не стремлюсь к власти. Но есть тут и те, кто надеется занять высокое положение при новой власти, будь она царская или любая другая. Поэтому-то они и стремятся заполучить любовь сидящих в этом зале и внимательно следят за тем, как после каждого их слова в глазах слушающих отражается удовлетворение или недовольство. Разве не так делают те, кто желает подобраться к власти через тех людей, от которых зависит решение? А знаете, почему я не ищу себе места в новой власти? Потому что не хочу обременять себя титулом, не желаю сковываться обязательствами. Я просто использую власть в своих целях, для собственного блага. Разве свободный человек не вправе отстаивать свои интересы?

Мой способ отстаивать свои интересы таков: я использую власть имущих через свое положение и при помощи своих денег. Я крупный землевладелец, владелец прекрасных дворцов, хозяин слуг и рабов, обладатель свиты и стражи. Знаете, как пользуюсь я властью? Есть люди, которые прислушиваются к моим словам, а иногда и к моим требованиям, потому что часть своего огромного состояния я трачу на тех, кто может сослужить мне службу. Я даю деньги начальнику полиции, и он подчиняется мне и пускает свою плетку против любого взбунтовавшегося на моих полях и не только на полях. Я даю сборщику налогов, и он снижает налог на землю, и то, что я ему дал, возвращается мне с лихвой. Так я поступаю с каждым, кто наделен властью. В моих интересах давать им, чтобы получать еще больше. Я приглашаю их за стол с вином и азартными играми и слушаю их разговоры об импорте и экспорте, о внутренних и внешних рынках, а потом наношу неожиданный удар, чтобы преумножить свои богатства. Власть моя - в усилении моего богатства, а тот, у кого нет денег, власти лишен.

Какие привилегии получил бы я от новой власти, если бы стал одним из власть имущих? Разве даст она мне больше привилегий, чем те, которыми я пользуюсь сейчас? Добавит земель? Власть, которая прислушивается к желаниям народа и исходит во всем из них, не способна дать мне больше того, что я уже имею.

Унаследовал я то, что имею, от своего отца. А знаете как? Позвал отец мой, да смиляется над ним Аллах, царя и его придворных, министров и других крупных чиновников на пир, на котором подавались тысячи яств самых разных видов, от верблюжатины до птицы. Устлал он землю шелком от внешних ворот царского дворца до дверей своего дома. Этот пир стоил ему сотни тысяч шекелей, а к этому добавился еще заем, взятый у иудея, после того как договорились они с ним, что возвращены эти деньги будут с процентами, которые требовал иудейский ростовщик. Выиграло у них в голове вино и желание, вызванное женщинами, которых отец мой позвал туда специально, и вскричал иудей, после того как поднял кубок за здоровье царя и пожелал ему долго править:

- Какой награды заслуживает хозяин, приютивший нас, о великий царь?

Царь спросил:

- Что ты хочешь этим сказать, Шамиль?

Шамиль ответил:

- Я просто спрашиваю, великий царь, о том, как царь отблагодарит хозяина и будет ли благодарностью соответствовать тому, что говорят о царской щедрости.

Призвав своего главного привратника к вниманию, царь во всеуслышание проговорил:

- В благодарность хозяину за гостеприимство пусть выбирает он любые земли моего царства, которые объедет на коне от восхода солнца до его заката. Все эти земли будут его собственностью, и пусть он пользуется трудом тех крестьян, что живут на этих землях или справа и слева от пути коня его настолько, насколько видит глаз. Все это для него, и пусть он обогатится".

Так получил я эти земли по завещанию отца моего, да будет Аллах к нему милостив. Иудей же подарил моему отцу свою служанку в знак признательности за то, что тот взял у него деньги в долг. Отец мой женился на служанке, и я стал плодом этой свадьбы и баловнем отца моего среди всех моих братьев от других женщин. И завещал мне отец большую часть своих богатств.

Поэтому я не алчен, и мне вполне достаточно тех земель, которые я имею. Но я хочу выяснить одну вещь. Вы думаете ограничить земельную собственность или оставить все как есть? Вы собираетесь создать особый порядок аренды и осложнить нам жизнь, давая крестьянам возможность восставать против нас, или нет? А самое главное, оставите ли вы нам власть над нашими деньгами или будете вмешиваться в то, как мы ими распоряжаемся? Услышав ваш ответ, который, надеюсь, будет искренним, как были искренними мои слова, я решу, с кем я и в каком направлении мне идти. Может оказаться так, что царская власть будет мне милее всего.

\* \* \*

Руку подняла одна из участниц сопротивления. Председатель позволил ей говорить, и она поднялась согласно традиции, возникшей с начала этого собрания или, по крайней мере, с выступления Охотника на эмиров, который встал и стоял до тех пор, пока не рассказал присутствующим всю свою историю от начала до конца. Она поприветствовала председателя собрания и поблагодарила Господа своего, бога народа и армии, а не бога царей, эмиров и торговцев, живущих в роскоши, и всех, кто связан с их интересами, и сказала:

- Я дочь крестьянина. Мы обрабатываем землю, которую отец взял в аренду у государства за очень большую плату. Земля наша находится у внешней стены города неподалеку от летнего дворца одного из эмиров. Одна из принцесс, когда желала развеяться, приходила на наш виноградник посмотреть, как мы трудимся. По характеру ее вопросов было видно, что девушка она умная и хочет знать, что творится за пределами ее дворца, и так уж получилось, что самым близким местом к нему оказалась наша земля, на которой мы выращивали виноград, снимали урожай и продавали его. Если продать урожай не удавалось, мы сушили виноград и всю зиму ели изюм с хлебом. Я была тогда девочкой, в том возрасте, когда меня еще называли ребенком, но хорошо помню все, о чем хочу поведать нашему собранию, и ничего не напутаю. Мы с двумя моими сестрами старались опередить друг друга и поскорее подать ей коврик, когда замечали вечером, как она направляется к нашему винограднику. А отец сам подносил ей лучшую гроздь винограда. Она одевалась в дибадж и шелка и пахла такими благовониями, о которых я и не знала и до сих пор не знаю. А когда она уходила, мы как охотничьи собаки бежали ей вслед, чтобы уловить запах ее благовоний, некоторое время остававшийся в воздухе после ее ухода. И вот, когда она приняла виноград из рук моего отца уже не один раз, моя мать решила, что она нарочно задерживается после захода, чтобы не дать нам подоить корову, и что сейчас к корове пустят теленка, решив, что мы ее уже подоили. Это означало, что мы останемся без ужина, потому что молоко коровы мы делили между нашей семьей и ее теленком, точнее говоря, корова давала столько молока, чтобы кормить его, и не позволяла себя доить, когда в вымени оставалось молоко только для теленка. Думаю, причиной раздражения моей матери была ревность к принцессе. Она боялась, что принцесса уведет моего отца у нее, хотя это было далеко от реальности, а вовсе не того, что пропадет наше молоко. На следующий день после ухода принцессы я увидела, как мать взяла серп и, приставив его к горлу отца, сказала:

- Если это еще раз повторится, я перережу тебе глотку. Предоставь все мне. Моя обязанность - принимать гостью в нашем доме и на винограднике. Я буду мыть виноград и подавать ей в тазу или на блюде.

А потом сказала с улыбкой:

- С этого дня мой отец уже не смел делать то, что ему не положено. Как видите, женщина вполне способна противостоять жизни и даже своему мужу.

Зал засмеялся, а она продолжила:

- Визиты принцессы к нам то и дело повторялись, и она старалась продлить свое пребывание в нашем доме. А когда возвращалась к себе во дворец, обходила виноградник, шла по другой дороге, которая приводила ее к стенам дворца, и входила во дворец через боковую дверь. А когда мы с матерью приближались с ней к двери, просила подождать и о чем-то шепталась с поджидавшей ее старухой, а потом давала нам знак либо оставаться там, где мы есть, либо уходить, и мы уходили. Позже мы все от нее узнали. Как-то мы сказали ей, что у нас нет больше винограда угостить ее, потому что рабы царя перестали пускать нас к нашему винограднику ночью. А это привело к тому, что там не осталось винограда, после того как туда ночью стали приходить люди, а мы никак не могли узнать, что это за люди, потому что рабы царя не позволяли нам приблизиться к винограднику.

Принцесса сказала, что именно в этом причина того, почему она обременяла нас своими частыми визитами.

Увидев на наших лицах недоумение, она сказала:

- Причина в постоянных пирах эмиров и принцесс. Когда им и их гостям, мужчинам и женщинам, надоедает сидеть во дворце и ударяет в голову вино, они разбегаются вокруг дворца и играют в прятки по звериным правилам. Женщины прячутся от мужчин или делают вид, что прячутся, мужчины отворачиваются под надзором старухи, которая следит за тем, чтобы они не подглядывали и чтобы у женщин было время спрятаться. Потом по сигналу старухи мужчины начинали искать женщин в винограднике, и если какая-то из них желала того, кто ее хочет, она делала какое-нибудь движение, чтобы он ее нашел. А если тот, кто оказывался рядом, был ей не мил, она прижималась к земле, как куропатка, которая прячется от охотника и не выдает себя, даже если он на нее наступит.

Я же, - сказала принцесса, - не могла мириться с этими обычаями и этим поведением и, чтобы не смущать себя и не мешать гостям, убегала к вам. Поэтому и не торопилась возвращаться во дворец, пока не была уверена, что все покинули его и заняты своими играми. Тогда я шла в свою комнату и запиралась там.

Принцесса продолжила свой рассказ:

- Но не только поэтому обременяла я вас своими приходами, отвлекая вас от дел, которых, как я поняла, пообщавшись с вами, у вас было предостаточно. Причина еще в том, что среди диких котов, гонявшихся за своими жертвами, был один эмир, лицо которого мне видеть не хотелось, и я старалась даже не говорить с ним.

Признаться, меня удивили слова принцессы, особенно когда она сказала, что этот эмир говорил, что любит ее. Удивилась я, потому что не так представляла себе принцессу и эмира, когда в долгие зимние месяцы слушали мы рассказы стариков о похищенных принцессах и эмирах, раненных во время войны или заговора. Удивили меня слова принцессы о том, что она не хотела оставаться во дворце из-за преследований эмира, который говорил, что любит ее. Она не понимала, как может тот, кто любит, отдавать предмет своей любви другому.

- Эмир этот, - сказала она, - знал, как я одеваюсь, но когда я пряталась от него со всеми, вовсе не стремился меня найти. Когда я делала так, чтобы он меня заметил, он не обращал на меня внимания и шел к другой. А когда, не замечая меня, приближался ко мне другой охотник, он шептал ему что-то на ухо, и было понятно, что он подсказывает тому, где я прячусь, чтобы он занялся мной, пока сам эмир будет с другой. Когда моя мать стала расспрашивать меня, я отвечала ей, что не позволю никому другому приблизиться ко мне, что все это мне надоело, что я не могу больше видеть того, кто зовется моим нареченным, что мне наскучила тишина дворца, его еда, одежды, отношения. Поэтому я и отправилась туда, где человек ближе всего к Аллаху, земле и людям, - в деревню, и ближайшим оказался ваш дом. И если бы мне пришлось выбирать, я, возможно, сказала бы, что вы ближе всего моей душе.

Сказав это, она зарыдала так, что моя мать стала целовать ее в голову, чтобы облегчить ее страдание, и говорить ей, что эмир презренный трус и негодяй. Но потом села рядом с ней и спросила:

- А не может быть так, моя дорогая, что все это в поведении эмира тебе только почудилось? Что, если он не находил тебя по случайности, а не специально, по какому-то умыслу?

Потом моя мать сказала:

- Я, сестра твоя, никак не пойму, как мог твой нареченный эмир, если он говорил, что любит тебя, участвовать в подобных игрищах? Разве мужчина не стена для женщины? Этот негодяй вел себя так, что стал для тебя не стеной, а воротами в ад.

Когда в разговор вмешался мой отец, она сказала:

- Она возненавидела все в своей жизни, возненавидела все те вещи, которые ей давались. С ней обращались, как обращаются с курами, которых старуха держит в курятнике, опасаясь, что к ним подберется шакал или лиса. Старуха кормит кур и поит их, забирает яйца, подкладывает их, а потом пестует цыплят.

Принцесса вскричала с досадой:

- Мы стали как куры, только с той разницей, что старуха стерегла своих кур от лисы, а те, кто отвечал за нашу охрану, запирали нас во дворце не от лис и шакалов, а чтобы изолировать от народа, дабы мы не прониклись его идеями и не узнал о его жизни, - и все это под предлогом сохранения дворцовых традиций, традиций царей и эмиров. Поэтому ваша жизнь и пришлась мне по душе. Показалось, что она близка моей душе, что в ней и есть моя душа. Разве может человек сказать, что он живет, если он не ощущает запаха земли, запаха настоящего человека, какой он есть, если он не готовит своими руками пищу, не надевает сам свои одежды, не моет свое тело без соглядатаев и помощников? Жизнь во дворце полна фальшивых образов и цветов. Воздух там заперт между толстыми стенами, и даже животные, которые живут во дворцах, отличаются от диких животных, которые отражают все богатство и живость природы.

- Понимаешь ли ты, несчастный, - обратилась женщина к землевладельцу, который говорил до нее, - что новый режим заслуживает того, чтобы быть режимом народа?

А когда он ответил ей:

- Да, потому что среди народа есть благородные люди, о чем свидетельствует та принцесса, которая приходила к вам и о которой ты нам рассказала.

Женщина сказала:

- Я не говорю, что при царском режиме вообще нет благородных людей, но он не способствует укреплению и сплочению народа, начиная с тех, кто живет в главном царском дворце, и кончая самым последним слугой. И, прежде всего, не способствует укреплению и защите народа. А если и появляются среди эмиров и принцесс исключения вроде принцессы, о которой я рассказала, то они редки. Так позволительно ли нам созидать закон и центральную власть, опираясь на исключения, или же для принятия любого решения и закона следует исходить из большинства людей? Правильно ли ставить народ перед неизвестностью, когда неизвестно кто унаследует власть от своего отца, даже если нынешний государь, принимающий власть, хорош? Ты хочешь, уважаемый землевладелец, чтобы дом твой был обнесен оградой, чтобы у него была дверь, ключ от которой был бы у тебя, или ты хочешь чего-то иного? Мы хотим, чтобы народ стал оградой для родины и чтобы ключ от этой родины был в надежных руках, в руках того, кого знает народ. Мы хотим, чтобы народ мог на объективных основаниях выбирать того, кто ему подходит, и чтобы это происходило не под влиянием денег или общественного положения. Чтобы основой для выбора было не наследование, а личные качества, соответствие человека занимаемому им месту и его способность исполнять определенные обязанности. Что предпочтешь ты, уважаемый землевладелец, чтобы корова твоя понесла от быка, порода которого известна обилием молока и мяса, или от быка, порода которого тебе неизвестна?

Тогда спросил ее землевладелец:

- Что ты имеешь в виду?

- Если ты не понимаешь, что я имею в виду, то по какому праву ты владеешь всеми этими землями, на которых люди трудятся, словно рабы? Разве корова и бык - не такая же реальность крестьянской жизни, как царь и царица - реальность царской власти, которой ты желаешь процветания? Мы не знаем рода дядей наших царей по материнской линии, уважаемый землевладелец, а иногда не знаем и рода их дядей по линии отцовской, как не знаем и рода служанки того иудея, которую он подарил твоему отцу.

- Разве так важно тебе, простолюдинка, знать мои корни? - спросил землевладелец.

А представительница сопротивления, имя которой было Захра, отвечала ему:

- Ты прав, я дочь простого народа, но я - дочь человека, которого знают все. Все знают его характер, его корни. Я дочь человека из народа, но я, если кто-то желает знать больше, дочь такого-то человека, и все знают кого. Люди знают происхождение моего отца, моего деда, моего дяди и отца его, и дедов его; и так я могу перечислять имена моих дедов и всевозможных дядей хоть до пятидесятого колена. А ты можешь назвать имена своих дедов и дядей хотя бы до третьего?

- Неужели для власти это так важно?

- Да, важно, потому что хорош плод доброго дерева, а у плохого дерева плохие плоды. Тот, кто не знает своих дядей и братьев, конечно, не смущается тем, что и другие не знают своих корней. Под прикрытием родственной связи во власть может просочиться чужеземец и править нашим народом и нашей нацией. И тогда его правление станет для нас дорогой к позору и унижению, а не к величию и славе, и не будет его власть стеной для государства. Другое дело, если правитель будет образованным и надежным. Потом, хочу тебя спросить, разве сын того, кто наделен огромной властью, на полях сражений смелее, чем те, кто беднее его?

- Что значат твои слова?

- Слова мои значат очень многое для того результата, к которому мы пришли в нашем разговоре.

Землевладелец сказал:

- Все дело в обучении и воспитании. В том, как отец воспитывает сына.

А она уточнила:

- Важно воспитание и среда.

Отвечал землевладелец:

- Да, и среда.

А она сказала:

- А ты воспитал своего сына так, чтобы он стал, как это и положено, солдатом?

Он ответил:

- Я воспитал крестьян на своих землях, а их гораздо больше, чем один мой сын, и они стали хорошими бойцами. Они охраняют свою землю, и армии от них только польза.

- Вовсе не ты готовил их для армии, это бедность сделала их такими, да еще понятия и устои, которые и формируют их души и тела. Роскошь твоего дома не позволяет твоим сыновьям стать хорошими воинами. Роскошь не позволяет им узнать жизнь и попробовать ее на вкус, а мать не научила их патриотизму и национальным понятиям нашей страны и нашего народа. Еще хуже то, что няньки твоих детей иностранки и учителя их чужеземцы. Равно как и то, что ты учишь их читать и писать, подражая тому, как это делается во дворцах царей и эмиров здесь и в соседних царствах, а потому они не способны руководить армией, чтобы сражаться за честь, и мы не ждем от них храбрости с тех пор, как они удалились от нас и от нашего Бога. Принцесса, о которой я вам рассказывала, находится теперь в нашем доме, где нашла укрытие. Мы охраняем ее и защищаем, она живет у нас. Мы считаем ее старшей сестрой, чтобы не сказал ты или кто-то другой, что простой народ вроде нас не способен на преданность и благодарность, после того как вы нажили на нас свои деньги, убившие в вас совесть и честь. А если ты захочешь убедить участниц сопротивления, - сказала она с напором, - в том, что необходимо сохранить царскую власть и оставить тебе твои наделы,

которые ты украл, как и твой отец, у нашего народа, раздавая нам роскошные платья своих жен и их украшения, чтобы задобрить нас, то думаю, что убедить тебе удастся далеко не всех. А вот если ты раздашь народу то, что имеют цари и эмиры, если раздаришь то, что незаконно нажили торговцы, все, что вы имеете, ты станешь первым нашим кандидатом на власть. Мы будем окружать тебя как стены, защищать тебя и укреплять. Готов ли ты обмануть надежды тех, кто давно уже сгнил? Готов ли к решительным действиям, не терпящим торга и неуверенности?

В зале разразилась буря аплодисментов, после чего раздались возгласы во славу народа, во славу блестящих героинь и доблестных воинов, во славу армии. Послышались проклятья в адрес трусов, предателей и тех, кто нажился за счет народа.

\* \* \*

Так сидели они в зале, когда пришел человек и шепнул на ухо председателю собрания, что царь умер у себя во дворце и что это известие доставил его главный дворцовый слуга.

Председатель собрания поведал всем об этой новости:

- Все мы от Аллаха и к нему возвращаемся. Аллах объясняет то, что не можем объяснить мы, потому что он мудрейший из мудрецов. Воистину, смерть справедлива. Мы обязаны проводить того, кто был царем нашего государства, в его последний путь, во-первых воздавая ему должное, а во-вторых следуя традиции, угодной Аллаху. Все люди должны последовать этой традиции, а потом мы вернемся к обсуждению наших дел и продолжим его с новой энергией и с новым настроением.

Да будет Аллах милостив ко всем, кто умер!

Слава героям!

Слава Забибе!

Пусть живет Забиба!

Пусть живет народ!

Да здравствует армия!

Как готовилась эта книга

Я должен был съездить в Москву и побеседовать с сотрудником пресс-службы иракского посольства. Пустяковое дело, о котором меня попросил Вадим Назаров, "амфоровский" главный редактор.

Но ровно в ту ночь, когда я трясся в девятом купейном вагоне "Красной стрелы", посольство ограбили. Неизвестные в масках проникли в здание, связали охранников и унесли с собой \$3.000.000.

Внутри оцепленного милицией здания я так и не попал. С пресс-секретарем посольства доктором Мухаммадом мне пришлось беседовать у него дома.

\* \* \*

"Амфора" начала готовить эту книжку к печати одновременно с десантом первых штатовских командос на иракский берег. Руководители издательства, как и все, были уверены, что война продлится долго. Что янки увязнут в иракской пустыне куда сильнее, чем увязли когда-то во вьетконговских джунглях.

А война продлилась три недели. Вот оно, превосходство современной военной технологии! - запричитали телевизионные говорящие головы.

Простите, что я скажу банальность, но я все-таки ее скажу. Единственная военная технология, которая есть сегодня у американцев, это зеленая бумажная купюра с портретом бородатого мужчины. Никакого другого супероружия у американцев никогда не было.

При бомбардировках Сербии американцы обещали продемонстрировать невидимые глазу бомбардировщики, совершенные, словно космические корабли из "Star Wars". А продемонстрировали албанских беспризорников, которые за пятьдесят баксов подбрасывали в нужное место радиомаячок, на который и ориентировались ракеты. Усатые сербы ловили мальчишек, отбирали маячки, закидывали их во двор китайского консульства - и ракеты, как бараны, летели туда, куда должны были лететь - тоже во двор.

Та же система была продемонстрирована и в Ираке. Парни из Госдепа перетерли с

нужными людьми из саддамовского окружения. И те отдали приказ по армии: отойти, сложить оружие, не сопротивляться. Технология, конечно, действенная. Но не очень передовая.

\* \* \*

Консультантом выпуска этой книги с иракской стороны выступил доктор Мухаммад Муталиб. Это с ним мне предстояло переговорить в Москве, прежде чем книга будет отправлена в типографию.

Доктор Мухаммад несколько раз звонил мне в Петербург, настаивал на встрече, торопил с приездом. Накануне моего отъезда в Москву коллеги спрашивали, чего он от меня хочет? Я не знал, чего он хочет.

- Может, он иракский разведчик?

- Не знаю. Не думаю.

- Может, он хочет свести тебя с самим Саддамом? Может, Саддам скрывается в Москве?

- Вряд ли. Что ему делать в Москве? Если бы Саддам скрывался в Москве, его бы давно сдали америкосам.

- Ты слышал, что за голову Хусейна янки платят \$25 миллионов? Вот бы тебя с ним свели, а?

Всю ночь, пока ехал в Москву, я думал: смог бы я выдать на смерть незнакомого человека, если бы за это мне дали \$25 миллионов? Смог бы я потом тратить эту кучу бабок, зная, что где-то в земле истлевают тело пожилого усатого человека, которого убили ради того, чтобы я получил свои деньги?

Дело не в том, нравится мне Саддам или нет. Дело в том, что лично мне не нужно ни копейки ТАКИХ денег.

Впрочем, шансов заработать \$25 миллионов у меня все равно не было. Доктор Мухаммад вовсе не предлагал мне знакомиться с беглым иракским лидером. Мы просто встретились, обсудили технические проблемы, связанные с выходом "Забобы и царя", просто поели фруктов и поболтали о невыносимой московской жаре.

Перед тем как попрощаться с доктором, я успел даже порассматривать фотографии из его личного архива. На некоторых он был сфотографирован с сыновьями Хусейна. Они были высокими. Их окружала толпа народа. Они улыбались.

Буквально позавчера я сидел дома, в Петербурге, и смотрел новости. Основной новостью было то, что, польстившись на обещанные миллионы, некто слил американцам данные о том, где скрываются эти изображенные на фотках улыбчивые люди.

Сыновей Саддама не стали брать живыми. Их просто застрелили. Потом патологоанатомы немного подкрасили их изувеченные лица, через край нитками зашили лопнувшую на груди и шее кожу и в таком виде предъявили журналистам.

\* \* \*

Доктор Мухаммад был очень вежливым мужчиной. На прощание он долго тряс мне руку и говорил:

- Вы же понимаете: сейчас в мире это тема номер один! Весь мир сейчас следит за тем, что происходит у нас!

Смешной иракский мужчина. Большой ребенок. Разумеется, миру глубоко наплевать и на каждого из иракцев в отдельности и на всю их страну в целом. Никому нет дела до дюжины американских трупов еженедельно. До вымиравших от жажды иракских поселков. Миру хватает своих собственных забот.

На самом деле все давно смирились: американцы - это сила. Другой такой нет. Им и решать. По поводу планируемой операции в Ираке Белый дом хотя бы делал вид, что советуется с окружающими. По поводу предстоящих зачисток в Иране и Северной Корее никто советоваться даже не собирается и окружающие лишь робко интересуются: а можно поменьше трупов? нельзя? да нет, это мы так... просто поинтересовались.

Возмущаться этим можно сколько угодно. Изменить ничего нельзя, а возмущаться -

хоть до мартышкина заговенья. Так было во все времена: кто силен, тот и прав. Сейчас сильны американцы. Они это знают прекрасно. И намерены этим пользоваться. У кого будут возражения?

Все, кто не нравятся американцам, в ближайшее время поимеют кучу проблем. Все до единого. Это так же верно, как то, что срок годности последних ядерных боеголовок, изготовленных в СССР, истекает через девять лет. Ровно через девять лет. В 2012 году.

До 2012 года у нас есть куча времени, чтобы всей страной веселиться и с колокольни плевать на проблемы смешных иракцев.

Илья Стогоff